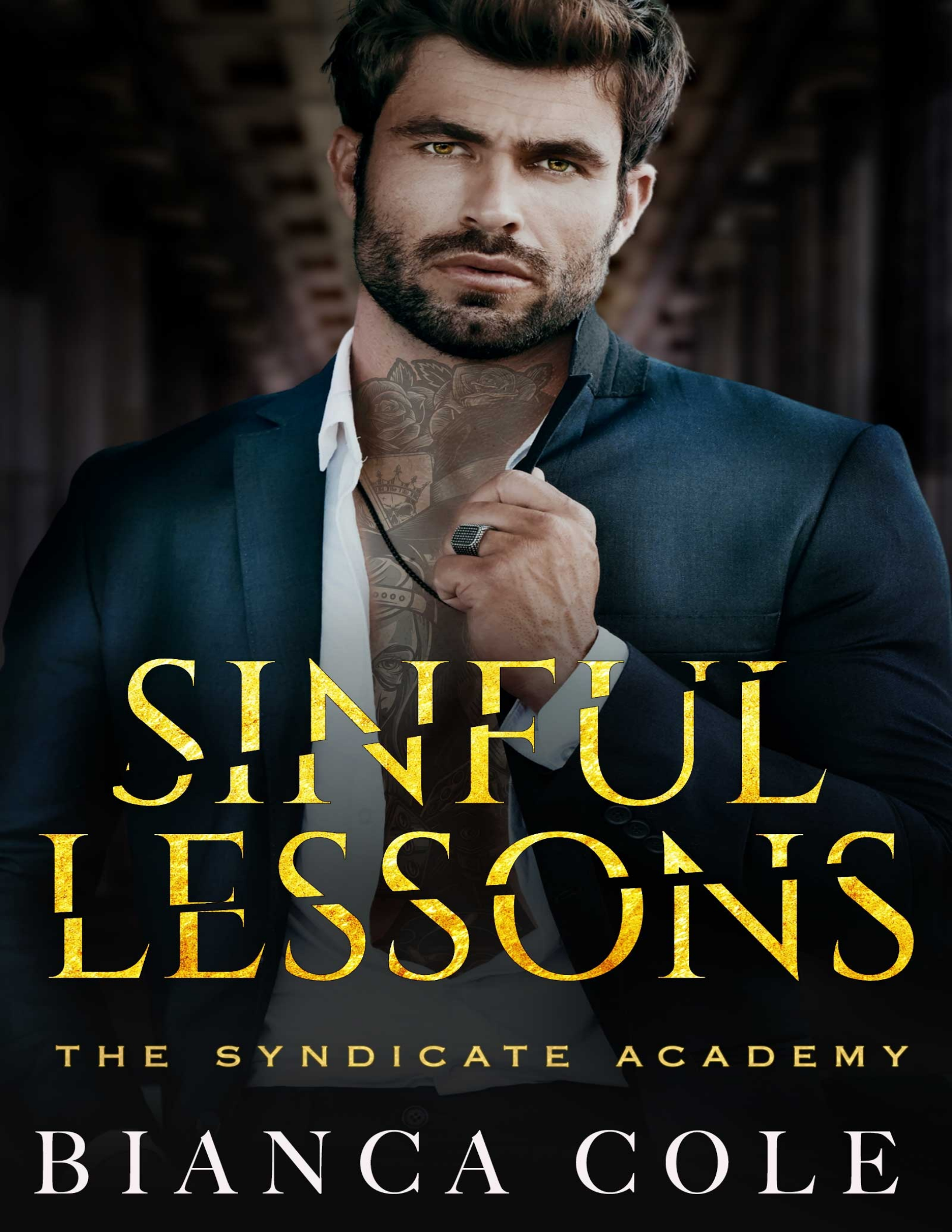
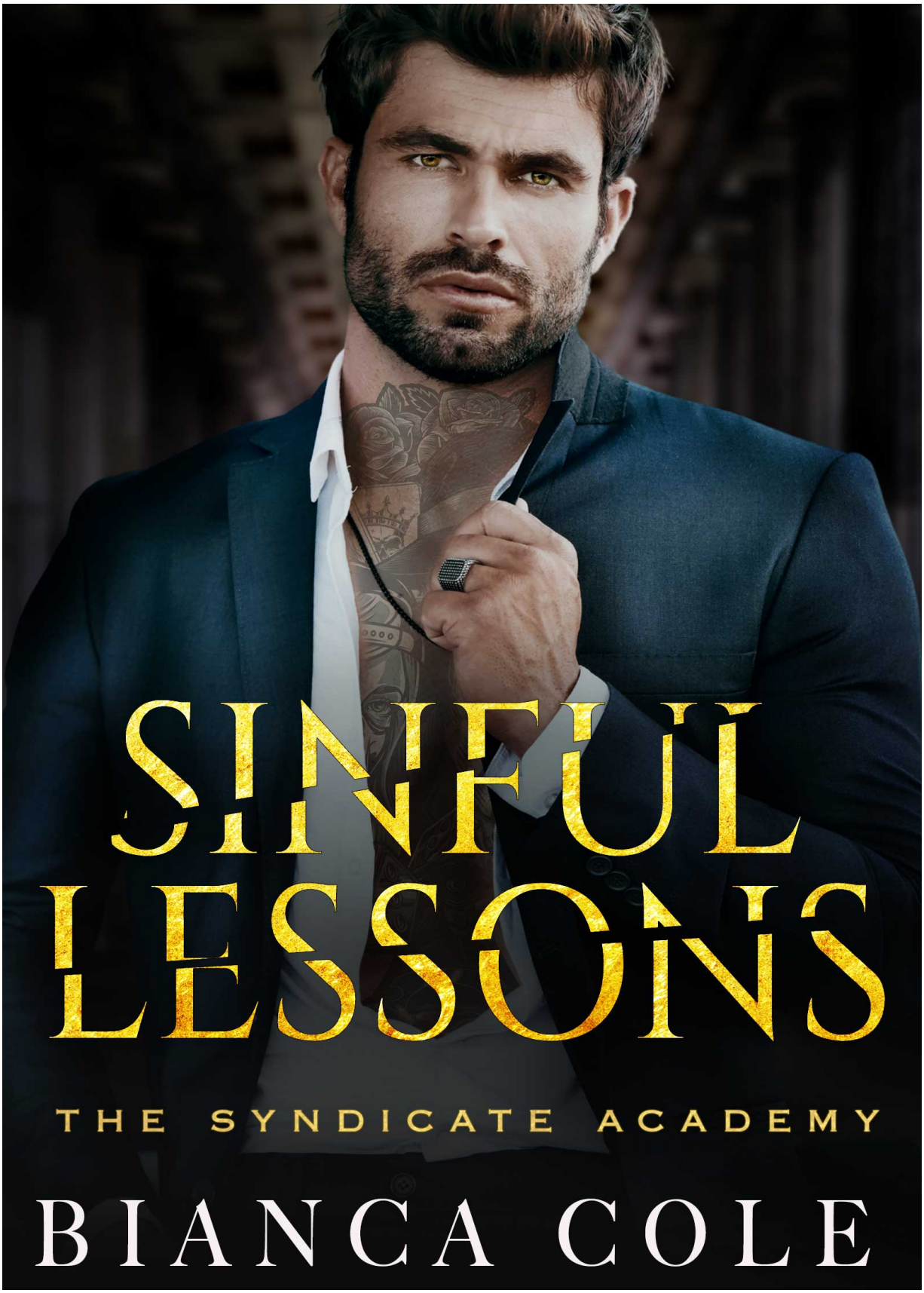

SINFUL
LESSONS
THE SYNDICATE ACADEMY
BIANCA COLE


SINFUL
LESSONS
THE SYNDICATE ACADEMY
BIANCA COLE

Содержание

«Греховные уроки» - третья книга из серии «Академия Синдиката»
Аннотация
ПРИМЕЧАНИЕ АВТОРА
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19
Глава 20
Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24
Глава 25
Глава 26
Глава 27
Глава 28
Глава 29

Глава 30
Глава 31
Глава 32
Глава 33
Глава 34
Глава 35
ЭПИЛОГ

«Греховные уроки» - третья книга из серии «Академия Синдиката»

Эта книга может быть прочитана как самостоятельная и имеет счастливый конец. В истории присутствуют мрачные темы, горячие сцены, насилие, содержание, которое может расстроить некоторых читателей, и нецензурная лексика.

Все книги в серии:

#1 Порочный учитель (Оак и Ева)
#2 Жестокий мучитель (Элиас и Наталья)
#3 Греховные уроки (Гаврил и Камилла)
#4 Грязная игра (Арчер и Адрианна)

Автор: Бьянка Коул
Книга: Греховные уроки
Серия: Академия Синдиката #3
Перевод: https://t.me/escapismbooks

Данный перевод является любительским и не может быть использован в коммерческих целях

Аннотация

Я преследовала монстра, и теперь не уверена, что переживу его гнев.

Гаврил Ниткин известен своими темными и развратными поступками.

После многих лет влюбленности в горячего, садистского и пугающего профессора я, наконец, пытаюсь соблазнить его.

Большая ошибка.

Этот мужчина не человек, а зверь.

И теперь, когда я привлекла его внимание, он не оставит меня в покое.

Он злой, измученный, порочный и, возможно, безумный.

Его взгляд изменился.

Он смотрит на меня с кипящим пламенем, горящим в неповторимых карих глазах.

Плохое поведение - лучший способ сблизиться с профессором Ниткиным

Мои бесчисленные появления у его дверей открывают мне глаза на некоторые довольно извращенные факты о себе.

Я знаю, что должна уйти от него, пока окончательно не сломалась.

Проблема в том, что, подсев на него, я уже не могу бросить.

Боюсь, он слишком глубоко засел под моей кожей.

По мере приближения выпуска более важный вопрос заключается не в том, переживу ли я его гнев, а в том, как я переживу душевную боль от необходимости уйти.

Поскольку у монстра нет сердца, которое можно отдать.

Но я не могу не надеяться, что мой монстр подлежит восстановлению.

ПРИМЕЧАНИЕ АВТОРА

Привет, читатель!

Это предупреждение, чтобы ты знал, что данная книга - МРАЧНЫЙ роман, как и многие другие мои книги, а это значит, что в ней затронуты некоторые деликатные темы. Если у тебя есть какие-либо триггеры, было бы неплохо проявить осторожность.

Помимо садистского и доминантного антигероя, который не принимает отказа, в этой книге затрагиваются некоторые деликатные темы *(несогласие, сомнительное согласие, деградация[1], игра с кровью/оружием/ножом, игра с дыханием, садизм/мазохизм, pet-play[2], порка).* Как всегда, в этой книге есть ХЭ и нет измен.

Если у тебя есть какие-либо триггеры, то лучше всего прочитать предупреждения и не продолжать, чтобы что-то из вышеперечисленного не вызвало реакцию.

Однако, если ни одно из предупреждений не представляет для тебя проблемы, читай дальше и наслаждайся!

Глава 1

Камилла

Он здесь.

Мое сердце колотится о грудную клетку, когда он занимает свободное место рядом со мной. Его необычные светло-карие глаза прикованы ко мне и, как лазеры, выжигают дыры в моей коже.

Я не хотела выходить сегодня, но Наталья не приняла бы отказа. Теперь я этому рада. Когда смотрю на профессора Ниткина и наши взгляды встречаются, я чувствую, как по венам словно пробегает электрический разряд, что заставляет меня разорвать зрительный контакт и ускоряет сердцебиение.

Мужчина невероятно красив, с темными волосами средней длины, всегда уложенными так, чтобы ни одна волосинка не выбивалась из прически, и сильным подбородком с нужным количеством щетины. Он переводит взгляд с меня на остальных студентов, и я позволяю себе снова посмотреть на него.

Я с трудом сглатываю, задерживаясь на его глазах, не веря, насколько они совершенно ошеломляющие в тусклом свете клуба. В них пляшет чистый, садистский восторг, когда он наблюдает, как студенты съеживаются под его пристальным взглядом.

Большинство людей не стали бы использовать слово "красивый", чтобы описать мужчину, сидящего рядом со мной. Они назвали бы его садистом, извращенцем, развратником. Многие студенты СА боятся его, но я влюблена в него с того самого дня, как оказалась не на том конце его кнута, а возможно, и раньше.

Я тяжело сглатываю, размышляя, кем это делает меня. Может быть, я такая же извращенная и порочная, как и он. Это произошло в девятом классе, когда я сказала директору Бирну засунуть свое задание в задницу на уроке права, потому что хотела посмотреть, из-за чего весь сыр-бор. Я хорошо помню тот момент, когда обычно пугающие слова слетели с губ Бирна.

«Камилла, прямо к Ниткину, сейчас же.»

Я помню страх, который испытывала, но к нему примешивалось что-то еще. Возможно, волнение. Желание выяснить, действительно ли наказания профессора Ниткина были такими ужасными, как описывали другие. По дороге в его кабинет я вся гудела от предвкушения, а потом посмотрела в его глаза, и страх во мне поутих. Они были настолько прекрасны, что я не могла испугаться.
Его голос с акцентом был мягким как масло, когда я вошла.

«Морроне, что ты здесь делаешь?»

Его лоб был нахмурен, поскольку меня никогда раньше к нему не посылали. Я помню это, как будто это было вчера. Я сказала ему, что директор отправил меня для наказания, и увидела восторг в глазах. Темная часть его души загорелась от перспективы причинить боль. Это произвело странный эффект, который я не могла понять в том возрасте. Между бедер запульсировал жар, а желудок скрутило.
Как только он ударил меня кнутом по спине, стыд и смятение, которые я испытала от полученного удовольствия, чуть не сбили меня с ног. После того дня я позаботилась о том, чтобы меня никогда не отправили

к нему обратно, потому что мне было чересчур неловко за то, как хорошо я себя чувствовала. Слишком молода и наивна, чтобы понять, почему мне было так приятно, и думаю, я все еще слишком неопытна, чтобы понять это по-настоящему.
Он смотрит на меня, и во взгляде мелькает узнавание. Как будто он распознает болезнь внутри меня. А затем он наклоняется чуть ближе и шепчет:
— Вы не пьете, мисс Морроне?
Это простой вопрос, но мой разум дает сбой, поскольку я не привыкла к тому, чтобы он находился настолько близко, что я могу уловить его древесный аромат. Аромат, который не покидает меня с того самого дня в его кабинете.
Он выгибает бровь, вынуждая меня заговорить.
— У меня был напиток, но я допила его, - тупо отвечаю я.
Тень ухмылки появляется на его губах, привлекая мой взгляд к ним.
— Не хочешь попробовать мой?
Он поднимает бокал, и тепло разливается глубоко внутри меня.
Я пожимаю плечами.
— Конечно.
Я тянусь за бокалом, и наши пальцы соприкасаются, электричество пульсирует в моих венах.
В его глазах горит огонь, как будто он дразнит меня, когда я подношу стакан к губам и делаю глоток виски, не в силах разорвать зрительный контакт, несмотря на жар внутри меня. Такое чувство, что я вся в огне.
— Спасибо, - говорю, возвращая стакан ему в руку, позволяя своему пальцу снова коснуться его ладони.
Он сжимает челюсти, а его ноздри раздуваются, отчего всё во мне сжимается.

— Я не думал, что ты нарушительница правил, Камилла. Бездельница, да, но тебя посылали ко мне всего один раз.
У меня сводит живот, когда я гадаю, почему он помнит это и есть ли какое-то значение в том, что воспоминание застряло у него голове.
— Возможно, я поддалась давлению сверстников, - отвечаю ему.
Глаза профессора вспыхивают чем-то неразличимым.
— Правда? - Голос становится чуть ниже. — Ты беспокоишься о наказании, которое получишь от моей руки за сегодняшний вечер?
В его тоне слышится чувственность, как будто он говорит о чем-то запретном.
Я тяжело сглатываю.
— Не понимаю, что вы имеете в виду, сэр.
Он ухмыляется.
— Думаю, в глубине души ты прекрасно понимаешь, что я имею в виду, Камилла. - То, как он произносит мое имя, заставляет мое тело вспыхнуть пламенем. — Есть причина, по которой тебя больше не отправляли ко мне, и это не потому, что ты боишься назначенных мной наказаний, как большинство других учеников. - Он качает головой со знающим видом. — Это потому, что ты не понимаешь, почему получаешь от этого удовольствие.
Такое чувство, что он вскрыл мой череп и читает мои мысли, как открытую книгу. Пульс беспорядочно бьется, пока я смотрю на мужчину-бога рядом, задаваясь вопросом, почему он напоминает о моей поганой реакции на тот единственный раз, когда наказал меня. Знает ли он, что тогда я стала такой мокрой, какой не была никогда в жизни? Или что не могла перестать мечтать о том, как он причиняет мне боль и заставляет кончать ночь за ночью?

Я с трудом сглатываю.
— Не понимаю, о чем Вы говорите.
Он смеется совсем не дружелюбно.
— Ты ужасная лгунья, Камилла.
— На что вы намекаете, сэр? - Я спрашиваю.
Мой вопрос как будто выводит его из оцепенения, и он трясет головой. Янтарные глаза становятся холодными и отсраненными, когда он встает и хлопает в ладоши, привлекая к себе всеобщее внимание.
— Как бы весело это ни было, мне не очень удобно пить с несовершеннолетними в баре. А теперь все должны вернуться в академию.
Все ворчат в ответ на то, что Ниткин прервал наше веселье, и я не могу отрицать, что часть меня разочарована. Я хотела посмотреть, куда именно он собирается завести разговор.
Действительно ли он знает, как я была возбуждена, когда он наказывал меня в тот день?
Тренер Дэниелс встает.
— Остынь, Гэв. Пусть дети повеселятся.
Я замечаю, что его внимание приковано к Адрианне. Он всерьез не хочет отказываться от преследования, и подмигивает ей, из-за чего на ее красивом лице появляется самое яростное выражение, которое я когда-либо видела.
— Хочешь потанцевать?- приглашает он Адрианну.
Она отрицательно машет.
— Нет, спасибо.
Профессор Ниткин качает головой.
— Арч, ты же несерьезно? Где, черт возьми, Оак?
Тренер Дэниелс пожимает плечами.
— Хрен его знает. Мне все равно. - Он бросает взгляд на Адрианну. — Потанцуй со мной, хотя бы раз.
Она испускает разочарованный вздох, прежде чем вложить свою руку в его, позволяя мужчине-шлюхе

вытащить ее на танцпол. Удивительно, как она согласилась.
— Mu’dak, - ругается по-русски профессор Ниткин, наблюдая за тем, как его друг провожает Адрианну на танцпол.
Надо признать, что тренер Дэниелс настойчив, если не сказать больше, ведь она ясно дала понять, что не заинтересована. Он чертовски горяч, но я понимаю, почему Адрианна не хочет прыгать к нему в постель, – у мужчины было слишком много учениц за эти годы. Для него это как игра.
Профессор Ниткин неохотно опускается обратно на стул рядом со мной, его внимание перескакивает с одного студента на другого.
Не уверена, то ли это алкоголь, то ли мои бушующие подростковые гормоны, но я кладу ладонь на его мускулистую руку и сжимаю.
— Да ладно, профессор. Что плохого в небольшом веселье? - Спрашиваю, чувствуя, что моя рука горит от прикосновения к нему.
Его челюсть сжимается.
— Ты бы не пережила такого веселья, Камилла.
От мрачного, садистского взгляда по моей спине пробегает дрожь. Я облизываю нижнюю губу, что, кажется, притягивает его взгляд, и все, о чем я могу думать, это о том, как хорошо было бы поцеловать этого мужчину.
— Вы уверены, сэр?
Он сдвигается на стуле и поправляет брюки, привлекая мое внимание к твердой выпуклости в его промежности. Мои бедра сжимаются, когда я понимаю, что он возбужден, и мне интересно, не я ли тому причина. Волнение внутри нарастает, когда я чувствую, как пульсирует жилка между моих бедер. Гаврил Ниткин имеет надо мной такую власть с тех пор, как я себя

помню, но еще больше – с момента первого и последнего наказания, которое он применил ко мне.
Он наклоняется ко мне и шепчет на ухо.
— Очень немногие справились бы. А такая невинная маленькая девочка, как ты, никогда не смогла бы понять извращенные желания монстра.
По позвоночнику пробегает дрожь, я отстраняюсь от него и заглядываю ему в глаза.
— Может, я не так невинна, как Вы думаете.
На его губах расплывается совершенно греховная улыбка, когда он качает головой и понижает голос.
— Я за милю чую девственницу, мисс Морроне.
Меня охватывает сильный жар, и кажется, что я сгораю изнутри от его взгляда. Я девственница. Но как, черт возьми, он узнал об этом?
Я облизываю пересохшие губы, позволяя себе оставаться рядом с ним, хотя каждый инстинкт подсказывает мне отвернуться.
— У Вас что-то типа радара?
Он качает головой.
— Нет, обычно я держусь подальше от невинных маленьких девственниц, потому что они не могут со мной справиться.
В его словах есть кое-что наводящее на размышления, и я знаю, что давить на него опасно, но ничего не могу с собой поделать.
Мои ноздри раздуваются, когда я снова опускаю взгляд на выпуклость в его штанах.
— И прямо сейчас?
Его челюсть сжимается, а глаза полны такого огня, что мне хочется потянуться вперед и притянуть его к себе, почувствовать эти прекрасные губы на своих.
— Прямо сейчас, я думаю, что ты выглядишь довольно аппетитно в этом платье.

Я с трудом сглатываю, волнение и страх воюют друг с другом. С одной стороны, это безумие, что профессор Ниткин вообще говорит мне такие вещи, потому что я знаю, каким мрачным и извращенным он может быть, но у меня такое чувство, что я погрузилась в один из своих грязных снов наяву, который, кажется, не могу остановить.

— Потанцуем? - Спрашиваю так тихо, что даже не знаю, услышал ли он меня вообще.

Его ноздри раздуваются, а глаза сверкают.

— Я не уверен, что это хорошая идея.

Меня охватывает разочарование, но оно быстро проходит, когда он снова наклоняется ближе и кладет грубую руку на мое голое бедро.

— Но если ты действительно хочешь, я не могу тебе отказать.

Я вздрагиваю. Тепло его кожи приводит мое тело в состояние повышенной готовности. Тихий стон срывается с губ прежде, чем я успеваю его остановить, заставляя его ухмыльнуться.

— Пошли.

Он отодвигается и предлагает мне свою руку.

Я смотрю на неё несколько секунд, размышляя, какого черта я делаю. А потом вкладываю руку в его и позволяю ему вытащить меня на танцпол.

Я замечаю, что Адрианна выглядит довольно раздраженной, когда смотрит на Арчера Дэниелса, в то время как он пытается задобрить ее, пока они танцуют. Боюсь, что он ведет проигранную битву, когда дело касается ее. Из всех людей, которых я знаю, Адрианна – самая упрямая.

Жесткое тело Гаврила прижимается к моему, когда он притягивает меня к себе, его руки твердо лежат на моих бедрах.

— Скажи мне, Камилла, как тебе удается так хорошо избегать неприятностей?
Я тяжело сглатываю, глядя в его неповторимые, почти потусторонние глаза.
— Ч-что Вы имеете в виду?
— За все время, что ты учишься в академии, ты была у меня только один раз.
Я пожимаю плечами, мое тело такое горячее, что кажется, будто кто-то поджег мне кожу.
— Наверное, я просто хорошая девочка, - говорю и тут же жалею об этом, когда его ноздри раздуваются, а глаза темнеют.
— Это правда? - Его хватка на моих бедрах такая крепкая, что почти причиняет боль. — И все же ты здесь, нарушаешь правила.
Мои губы становятся слишком сухими, и я провожу по ним языком.
— Я же сказала, что меня вынудили.
Он выгибает бровь.
— Трудно поверить, мисс Морроне. Однако, я надеюсь, что Вы с нетерпением ждете своего наказания за это.
У меня перехватывает горло, и я ненавижу то, что он знает мой секрет. Секрет, который я пыталась сохранить в тайне с того самого дня, как меня отправили в его кабинет и он отвел меня в подвал.
— Не особенно.
Выражение его лица садистское, он слегка выпрямляется, увеличивая некоторое расстояние между нами, когда песня подходит к концу.
— Такая лгунья.
Меня обдает жаром, я сбрасываю его руку и пытаюсь отодвинуться.
— Мне нужно подышать свежим воздухом, - говорю ему.
Он отпускает меня, но почти неохотно, а я отворачиваюсь и бросаюсь сквозь толпу, не в силах

понять, почему бегу от мужчины, которого так долго желала. Это страх, осознаю я. Страх узнать, что, черт возьми, со мной не так и почему я жажду его наказания почти так же сильно, как и его поцелуя.

Глава 2

Гаврил

Крики заполняют мои уши, когда я снова бью студента кнутом.

Когда я успел настолько оторваться от своей человечности?

Вопрос, который в последнее время все чаще поднимается во мне каждый раз, когда в мой подвал спускается ученик. Возможно, более важный вопрос заключается в том, осталась ли во мне вообще хоть капля человечности?

Причинение боли больше не приносит того удовлетворения, которое я получал раньше. На самом деле, мне стало почти скучно, пока я наблюдал, как на его спине появляются рубцы.

С каждым днем порочность внутри меня становится все более непреодолимой. Всё потому, что во мне живет зверь, жаждущий более отвратительных поступков. Крови. Я проглатываю комок и бью его в последний раз, сердце сохраняет ровный, неизменный ритм. Было время, когда подобные пытки волновали меня, но, похоже, я превзошел столь примитивные удовольствия.

Парень обмякает в цепях, когда я опускаю кнут.

— Ты свободен. - Я подхожу к нему и расстегиваю цепи, всовывая ему в руки рубашку. — Надеюсь, ты усвоил свой урок.

Мальчишка, чье имя я даже не могу вспомнить, трясется как осиновый лист, хватает рубашку и выбегает из подвала.

Правильно, малыш, беги от монстра, пока он не разорвал тебя на части.
Те ужасные вещи, которые я хотел бы с ним сделать, почти неописуемы в большинстве учебников. Я провожу рукой по шее и поворачиваюсь к стене, где хранятся мои орудия. Жажду крови почти невозможно игнорировать, когда мой желудок сжимается, а разум заполняют кровавые видения. Единственное правило, которое дал мне Оак для наказания студентов, - никогда не пускать им кровь. Следовать ему с каждым днем становится все труднее.
Вдалеке звенит звонок, предупреждая, что мне пора на урок анатомии для старших классов. Я сжимаю челюсть, скрипя зубами. В этом классе есть одна девушка, которую невозможно игнорировать с той злополучной ночи в баре перед зимними каникулами.
Ночь, когда я потерял бдительность и погрузился в момент. Сказал то, чего никогда не должен был говорить студентке. И теперь она словно дразнит, чтобы я зашел дальше, бросая на меня грязные взгляды на уроках.
Камилла Морроне.
Красивая, соблазнительная итальянка, которая не перестает строить мне глазки. Я был слишком откровенен с ней в баре, когда мы наткнулись на нарушителей, и теперь, боюсь, что открыл ящик Пандоры. Она хочет меня, в этом я уверен. Вопрос в том, понимает ли она, что это значит?
Большинству здешних студентов знакомы мои садистские замашки.
Если бы она знала, что для нее хорошо, то никогда бы, блядь, больше не смотрела на меня. И все же, с тех пор как появились новости о довольно нетрадиционной свадьбе Оака со студенткой, Камилла стала смотреть на меня чаще, чем когда-либо. Возможно, она считает, что

у нас могут быть похожие отношения, но она не понимает, что я совсем не такой, как Оак.
Я не завязываю отношений. Я не такой, как другие люди.
Сжимая кулак, я отворачиваюсь от стены с инструментами и заставляю себя выйти из подвала под моей классной комнатой. Дверь в класс брошена приоткрытой, без сомнения, ребенком, которого я только что наказал.
Я позволяю себе заглянуть через щель на ее место и стону, когда вижу, что она уже там, с нетерпением ожидает моего появления.
Тот единственный раз, когда Камилла оказалась не на том конце моего хлыста, открыл ей глаза на сомнительные вещи в себе. К моему разочарованию, она больше никогда не появлялась в моем кабинете, даже после того, как эти ублюдки нарушили правила и отправились в бар, где мы их и поймали.
Оак назначил им коллективное наказание, – уборку старых руин от сорняков и мусора. Несмотря на мои слова о том, что они нуждаются в более суровых последствиях. Я сжимаю кулаки, зная, что главная причина моего разочарования в том, что я не смог наказать мисс Морроне.
Я прочищаю горло и захожу в класс, позволяя своему взгляду свободно перемещаться по комнате. Даже несмотря на непреодолимую потребность сосредоточиться на Камилле, с тех пор как наш разговор принял более сексуальный оборот той ночью в баре.
Меня никогда не интересовали студентки, в отличие от Арчера. Он не может держать свой гребаный член в штанах рядом с горячими восемнадцатилетними девчонками, но они всегда были слишком незрелыми для меня и моих мрачных вкусов.

Однако Камилла - исключение, и я знаю почему. Я понимаю, что ею движет. Те мазохистские наклонности, которые она отчаянно пытается похоронить с тех пор, как я обнаружил их в своем кабинете три года назад.
Я позволяю себе взглянуть на нее и обнаруживаю, что она смотрит прямо на меня своими медово-карими глазами. По телу разливается тепло, я прерываю зрительный контакт и открываю портфель, доставая учебник по анатомии для старших классов.
— Найдите все тринадцатую главу. - Я открываю книгу на нужной странице. — Сегодня мы собираемся изучить, какие яды лучше всего применять и на какие органы они воздействуют.
Поднимаю взгляд и вижу, что Камилла смотрит на меня, а не в свою книгу, которая все еще закрыта.
— Мисс Морроне, Вы оглохли? - Рявкаю я.
Ее глаза расширяются, и она машет головой.
— Простите, сэр. Какая страница?
Я сжимаю челюсть, ничего так не желая, как затащить ее в подвал и показать все, что ей нужно знать обо мне. Воспоминание о том, как она в пятнадцать лет терла бедра друг о друга, пока я причинял ей боль, пронзает меня, и я качаю головой, зная, что в следующий раз, когда поставлю Морроне в такое положение, вряд ли смогу удержаться от того, чтобы не зайти слишком далеко.
— Глава тринадцать, - огрызаюсь на неё.
Она кивает и находит тему в книге, прикусывая нижнюю губу. Это делается не для того, чтобы возбудить, но все, что делает эта девушка в последнее время, сводит меня с ума. Я провожу рукой по волосам и отрываю от нее взгляд, глядя через комнату на серьезные и сосредоточенные лица.
В этой школе все ученики боятся меня и моих наказаний, даже такие самоуверенные, как Элиас

Моралес. Он мог бы поклясться в обратном, но я видел страх, когда его отправляли ко мне.
— Кто-нибудь может сказать мне название известного яда, который использовался в прошлом? Тот, что легко достать.
На несколько мгновений воцаряется тишина, прежде чем Наталья Гурин вскидывает руку вверх. Я возвращаю внимание на первый ряд, где Наталья сидит рядом с Камиллой.
— Да, Гурин.
— Atropa belladonna.
Я киваю.
— Действительно, классика, которой пользовались веками. Что делает ее такой эффективной?
— Ягоды можно добавить, например, в сладкий напиток, и поэтому обнаружить яд может быть очень трудно, поскольку они сладкие и приятные на вкус.
Я снова киваю.
— И какой эффект это оказывает на организм после употребления?
— Он может блокировать нормальные функции нервной системы, вызывая паралич, даже в сердце. И поэтому при правильной дозировке может привести к летальному исходу, - отвечает Наталья.
Ева Кармайкл прочищает горло рядом с Натальей, как будто ей неловко из-за обширных знаний своей подруги о смертельном яде. Очевидно, что жена моего друга не создана для мира мафии. Сложно поверить, что Оак влюбился в студентку, а тем более женился на ней.
К сожалению, думаю, что это только подлило масла в огонь в отношении Камиллы, так как, когда смотрю на нее, я обнаруживаю, что она не сводит с меня своего пристального "трахни-меня" взгляда.
Я стискиваю зубы и переключаю внимание на другие столы.

— Хорошо, я хочу, чтобы все вы прочитали тринадцатую главу, а затем написали короткое эссе из трехсот слов о том, какой яд вы бы выбрали, если бы вам нужно было быстро, но тихо и незаметно уничтожить врага.

Раздается приглушенный ропот, когда студенты приступают к чтению. Садясь за свой стол, я ослабляю галстук, который кажется чертовски тугим. В комнате жарко, хотя я знаю, что это нормальная температура. Это девушка в передней части класса вызывает у меня такие ощущения.

Я сосредотачиваюсь на лежащих передо мной рефератах второкурсников о сердце и его функциях в организме, и беру в руки тот, что находится на самом верху стопки. Преподавание может быть такой рутинной работой, но оно помогает мне подавить садистские порывы, которое преследует меня на каждом шагу. Дисциплина и структура работы в школе дали мне способ контролировать мои побуждения и отдушину в качестве постоянного карателя СА.

Оак спас меня от самого себя, когда предложил эту работу, поскольку я был на грани невозврата, приближаясь к опасному будущему, которое могло привести меня в тюрьму или еще хуже. Я был силовиком Братвы Сидоровых по ту сторону границы, в Торонто, эмигрировав в четырнадцать лет из России, но насилие и отсутствие правил мешали мне контролировать жажду крови.

В ходе ссоры я убил одного из высокопоставленных членов и был вынужден бежать. Внезапный переворот в жизни спровоцировал меня на ряд преступлений, которыми я не горжусь. Именно тогда мы с Оаком познакомились, и он предложил мне работу, защиту от тех, кого я поимел, и от самого себя.

— Я закончила, сэр, - говорит Наталья, кладя эссе на стол. Как всегда, каждый чертов раз она приносит

задание первой.
— Спасибо. Вы можете идти.
Она кивает и уходит, оставляя остальных в классе корпеть над своими сочинениями. Наталья Гурин всегда была самой умной в классе с тех пор, как приехала сюда. Приятно, когда студентка так предана учебе.
Постепенно остальная часть класса сдает свои эссе и уходит пораньше. Не вижу смысла заставлять студентов оставаться, если их работа завершена. Когда я поднимаю взгляд и вижу как Лайла Эстрада сдает работу, мой желудок опускается. До звонка осталось пять минут, и теперь Камилла - единственная оставшаяся ученица.
— Спасибо, мисс Эстрада.
Она улыбается и кивает, выходя из комнаты.
Сердце беспорядочно колотится под грудной клеткой, когда я смотрю на Камиллу, которая все еще пишет несколько неторопливо, учитывая, что она здесь последняя.
В глубине души я знаю, что она постаралась продержаться дольше всех, чтобы мы остались наедине. В последнее время это происходит слишком часто, чтобы быть совпадением. Жажда пробуждается в моем нутре, пока наблюдаю за ней, желая, чтобы я не был так увлечен своей ученицей. Это ежедневная борьба, которая усугубляется тем, что я знаю, что глубоко внутри она прирожденная мазохистка, даже если пока не понимает этого. Хотел бы я иметь возможность обучить ее и открыть ей глаза на мир удовольствия и боли.
Я сжимаю кулак под столом, отсчитывая секунды до звонка. Мой член полутвердый и упирается в молнию брюк. Этот день и так был чертовски сложным без того, чтобы Камилла Морроне наградила меня синими яйцами.

Раздается звонок, и ее потрясающие глаза отрываются от бумаги, когда она щелкает крышкой ручки. Они встречаются с моими, и огня в них достаточно, чтобы сжечь дотла все это гребаное здание.
— Закончили, мисс Морроне? - Спрашиваю я, не в силах сдержать напряжение в голосе.
Она улыбается, и это самая красивая улыбка, которую я когда-либо видел. Красота субъективна, и обычно я не нахожу ее в таких обыденных вещах, как улыбка или внешность. Обычно я вижу красоту в хаосе и боли, и все же Камилла прекрасна для меня всё время, черт возьми.
— Да, сэр.
Я скрежещу зубами, наблюдая за тем, как она встает и идет к столу. Она всегда называет меня «сэр», в то время как большинство студентов зовут меня профессором. И есть что-то намекающее, почти сексуальное в том, как она это делает.
А может, это потому, что я потерял голову с той ночи в баре. Мне нужно взять себя в руки и подавить все ее надежды на то, что это может перерасти во что-то иное, кроме сугубо профессиональных отношений студентки и профессора.

Глава 3

Камилла

Сердце пропускает удар, когда он резко выхватывает эссе из моих рук.
— Спасибо, мисс Морроне. - Он избегает моего взгляда. — А теперь идите на следующий урок.
Я тяжело сглатываю, чувствуя разочарование. С той ночи в баре перед Зимним балом он краток со мной и едва смотрит в мою сторону.
— Да, сэр.
И все же я не могу перестать фантазировать о нем. Как будто он мучает меня каждую секунду бодрствования и сна. Не было ни одного сна, в котором бы не фигурировал он.
Его челюсть сжимается как раз перед тем, как я разворачиваюсь и выхожу из класса. Возможно, мое разочарование связано с тем, что с тех пор, как я узнала, что Ева вышла замуж за директора Бирна на зимних каникулах, у меня появилась надежда, что есть шанс, что моя влюбленность в Ниткина перерастет во что-то другое.
Если она может быть с профессором, то почему я не могу?
Я знаю, что это безумие, потому что профессор Ниткин совсем не похож на директора Бирна. Он измученный и злой, и ему нравится наказывать людей. Когда я сказала подругам об этом почти в шутку, они все подумали, что я сошла с ума, и, возможно, так оно и

есть. В конце концов, Гаврил Ниткин не похож ни на одного мужчину, которого я когда-либо встречала. Его глаза холодные и расчетливые, и он наслаждается тем, что причиняет боль.

Не говоря уже о том, что моя семья никогда не позволит мне быть с профессором из академии. Мне суждено выйти замуж за наследника мафии, который увеличит могущество и положение семьи.

Самая большая привлекательность профессора Ниткина для меня - это то, в чем мне стыдно признаться кому бы то ни было, иногда даже самой себе. Я получаю удовольствие от боли не меньше, чем он от ее причинения. Меня отправили к нему для наказания лишь раз, и мой стыд привел к тому, что я больше никогда не попаду в его кабинет.

Он выпорол меня, как делает с большинством студентов. Действие, которое должно вселять страх и боль и заставлять тебя жалеть о том, что попал к нему. И все же я почувствовала укол между бедер. Мне было всего пятнадцать лет, и я не могла по-настоящему понять, почему боль доставляет такое удовольствие. Это то, что держало меня подальше от него с того дня, вдвойне гарантируя, что меня никогда не отправят обратно для наказания.

— Камилла!

Я оборачиваюсь и вижу Адрианну, бегущую ко мне по коридору.

— Подожди. Ты что, не расслышала меня с первого раза?

Я сглатываю, качая головой.

— Прости, наверное, я была в своем собственном мире.

Она сплетает наши руки.

— У нас дальше борьба с Дэниелсом, - говорит она, засовывая пальцы себе в горло. — Убей меня сейчас же.

Я ухмыляюсь.

— Знаешь, в глубине души тебе нравится, когда он с тобой флиртует.
Адрианна бросает на меня сердитый взгляд.
— Ни за что, блядь, на свете.
— Тогда почему ты танцевала с ним в баре?
— Потому что он не хотел оставлять меня в покое.
— Не думаю, что он оставит, пока ты не переспишь с ним, - говорю я, останавливаясь у шкафчика, чтобы взять спортивную сумку.
— Чего никогда не случится. - Она тяжело вздыхает. — Ты звучишь так же плохо, как и он.
Я закидываю сумку на плечо и запираю шкафчик.
— Хотела бы я, чтобы с профессором Ниткиным было так же просто, как с тренером Дэниелсом.
Адрианна качает головой, пока мы идем к спортивному залу.
— Только не снова. Ты ведь понимаешь, что этот парень на грани безумия, верно?
Я тяжело сглатываю, так как знаю, что он может быть немного не в себе.
— Возможно, но я была влюблена в него столько, сколько себя помню.
— Да, знаю. - Адрианна смеется. — Но я припоминаю, как директор Бирн специально отправил тебя к нему, когда мы были в девятом классе. С тех пор ты следишь за тем, чтобы больше не попадать к нему, потому что он гребаный псих.
Я вздыхаю, зная, что она думает, будто я позаботилась о том, чтобы меня не отправили обратно, потому что это было настолько ужасно. Хотя все было как раз наоборот. Его наказание оказалось слишком приятным, и я не могла этого понять. Интересно, было бы так же и сейчас? Если профессор Ниткин причинит мне боль, у меня снова заноет между бедер, или это было

одноразовое явление. Думаю, есть только один способ выяснить это.
— Меня послали к нему не специально, - говорю я, качая головой.
— Ты это организовала! Я помню, как ты сказала, что собираешься посмотреть, из-за чего вся суета, а потом объявила директору Бирну перед всем классом, чтобы он засунул свое задание себе в задницу.
Тогда я смеюсь, вспоминая выражение его лица, когда я так с ним заговорила. Он стал почти ярко-красным от гнева и крикнул мне, чтобы я шла к Ниткину для наказания, пока он не нацепил на меня удушитель.
Я вздрагиваю, потому что однажды уже была в нём. Древнее пыточное устройство, хранится в одной из старых комнат в западном крыле, с шипами, которое почти не оставляет места, когда закрывается на шее, делая невозможным любое движение. Единственный раз, когда я оказалась там на тридцать минут, был чистейшей пыткой, гораздо худшей, чем отправка к Ниткину. Впрочем, многие с этим не согласятся.
— Давай, пойдем одеваться.
Адрианна ведет меня в раздевалку, которая гудит от других девушек, готовящихся к занятию.
Джинни и Анита смотрят на нас, как только мы входим.
— Смотрите, кого кошка притащила, - говорит Джинни, хихикая.
Мы обе игнорируем ее и подходим к Еве и Наталье в дальнем углу, которые уже одеты для боевой подготовки.
— Ты не торопилась с сочинением, - говорит Наталья, обвиняюще глядя на меня. — Пытаешься побыть наедине с психом?
Я сужаю на нее глаза.
— Нет, просто не так быстро пишу, как ты.
Ева смеется.

— Может, не так быстро, как она, но обычно ты заканчиваешь раньше меня.
Я пожимаю плечами, жар разливается по мне, и я думаю, неужели это так очевидно. А потом снимаю с себя одежду и надеваю спортивное снаряжение, жалея о том, что впереди целый час боевой подготовки.
Я никогда не преуспевала в этом, в отличие от Адрианны, которая всегда была лучшей в классе. Интересно, не поэтому ли тренер Дэниелс так настроен заполучить ее в этом году. Она спортивная и может даже выстоять против него в бою, если только он не поддается ей во время спарринга. Честно говоря, я не могу с уверенностью сказать, что это не так.
— Мы опаздываем, - говорит Ева, когда мы вчетвером остаемся в раздевалке.
Адрианна стонет.
— Я бы предпочла вообще не присутствовать.
Нат толкает ее в плечо.
— Будь сильной, Васкез. У тебя впереди еще целый семестр его дерьма.
Она закатывает глаза.
— Если только я не смогу оттолкнуть его, но пока это кажется невозможным.
— Должна признать, я удивлена, что он не сдался и не переключился на другую, - говорю я.
Адрианна хмурит брови.
— Что ты имеешь в виду?
— Ну, он известен тем, что за год меняет пару студенток, если не больше. Насколько я знаю, в этом году он не прикоснулся ни к одной ученице, а все свое время тратит на попытки залезть к тебе под юбку.
Ее щеки розовеют, когда она качает головой.
— Ну, я бы хотела, чтобы он обратил свое внимание на другую.
Я беру ее под руку.

— Пойдем, посмотрим на любовника.
Она сверкает на меня глазами, заставляя меня рассмеяться.
— Я всего лишь шучу.
— Ну, не надо.
Я качаю головой, и мы вместе заходим в спортзал, где тренер собирается начать занятие.
Его темные глаза мгновенно находят Адрианну, и я вижу в них огонь. Он ни за что не прекратит попытки залезть к ней в трусики в этом семестре. Я думаю, что у нее сила воли как у святой, потому что он чертовски горяч, но я понимаю, почему его репутация ее отталкивает.
— Адрианна, ты опоздала, - говорит он, привлекая всеобщее внимание к нам двоим. — Это значит, что ты поможешь мне с демонстрацией.
Он отмахивается от Аниты, которая выглядит разочарованной. Все хотят бороться с тренером Дэниелсом, потому что он чертовски сексуален, за исключением Адрианны.
— Ублюдок, - бормочет она себе под нос, прежде чем отцепить от меня руку и встать перед ним.
— Сегодня мы узнаем, как вывести противника из строя, не причиняя ему вреда, - говорит Дэниелс, и в его глазах пляшет восторг, когда он смотрит на Адрианну.
— Все, что Вам нужно делать, – это стоять и выглядеть красиво, мисс Васкез.
Ее ноздри раздуваются.
— И позволить мне сделать всю работу.
Несколько студентов посмеиваются над этим, а она скрещивает руки на груди.
— Поднимите руки, как будто ожидаете нападения, - инструктирует он.
Адрианна делает, как он говорит, в глазах пылает ярость, когда она наблюдает за ним. А затем он

движется к ней, легко хватая за плечо и использует прием, чтобы опрокинуть ее на страховочный мат внизу, прижимая ногой.
— Все очень просто, - говорит он, глядя на студентов, наблюдающих за ним. — Крепко возьмитесь за плечо и используйте свой вес, чтобы опрокинуть противника на землю. Это нанесет минимальный ущерб, но гарантирует, что ваш противник будет полностью подавлен.
Адрианна хватает его за ногу и выворачивает так, что он теряет равновесие и падает на мат рядом с ней.
— Вы так уверены в этом, тренер?
Его челюсть сжимается.
— Хорошо сыграно, но в тот момент я был отвлечен.
Он поднимается на ноги и протягивает ей руку, но она не берет её.
Как только она встает на ноги, он неожиданно хватает ее за бедра и притягивает к себе, что-то шепча на ухо.
Ее щеки заливаются густым румянцем, а челюсть сжимается, когда она делает шаг назад от него.
Тренер Дэниелс никогда не скрывал своих ухаживаний за студентками, но с Адрианной он ведет себя особенно нагло.
— Теперь разбивайтесь на пары и тренируйтесь, - рявкает он.
Адрианна возвращается ко мне.
— Что он тебе сказал?
Она пожимает плечами.
— Обычное уничижительное и женоненавистническое дерьмо.
— С его приставаниями к ученицам нужно что-то делать. Это неправильно.
Адрианна выгибает бровь.
— Ты думаешь, что академию для кучки преступников волнует, что правильно, а что нет?

— Туше, - говорю я.
К нам подходит тренер.
— Хватит болтать. Приступайте к работе, леди, или останетесь со мной после уроков. - Его взгляд беспристрастно скользит сверху вниз по Адрианне, а затем возвращается к ее глазам. — Возможно, Вы хотите именно этого, мисс Васкез. - Он подмигивает.
Адрианна сердито смотрит на него и занимает позицию передо мной.
— Ты переворачиваешь меня.
Я никогда не была хороша в бою. Адрианна потрясающа в этом и спортивная, она всегда лидирует в классе, даже перед парнями. Хотя Элиас занимает второе место, с небольшим отрывом.
Я встаю в стойку, которую тренер принял перед ней, а затем делаю выпад вперед, хватаю Адрианну за плечо и пытаюсь использовать свой вес, чтобы повалить её. Все проходит примерно так, как я и ожидала, – я падаю на мат вместе с ней.
Мы обе взрываемся хохотом.
— Ты в этом безнадежна, - говорит она.
— Знаю. - Я встаю и протягиваю ей руку, которую она принимает. — Я бы хотела, чтобы боевая подготовка не была обязательной.
— В этом году и я тоже. Мне всегда это нравилось, но не сейчас. - Она бросает взгляд на тренера, который делает обход. — Тренер заставляет меня ненавидеть занятия.
— Это отстой. Как ты можешь заставить его остановиться? - Спрашиваю я.
Она пожимает плечами.
— Без понятия. Кажется, чем больше я ему отказываю, тем решительнее он становится. - Она хмурится. — Как будто его никогда раньше не отвергали или что-то в этом роде.

— Может, так и есть. Я имею в виду, посмотри на него.
Нельзя отрицать, что тренер Дэниелс чертовски привлекателен. С темными волосами, темными глазами и телом, за которое можно умереть, покрытым татуировками.
Она вздыхает.
— Внешность - это еще не все.
— Что я вам говорил насчет болтовни? - Тренер рявкает у меня за спиной, заставляя нас подпрыгнуть.
Я тяжело сглатываю и принимаю стойку.
— Почему бы тебе не перевернуть меня на этот раз?
Адрианна кивает и делает выпад вперед, без усилий переворачивая меня на спину.
— Хорошая работа, Адрианна, - говорит тренер, и идет дальше.
Адрианна помогает мне подняться на ноги.
— Думаешь, он такой сексуальный? Почему бы тебе не попробовать залезть к нему в штаны, чтобы он забыл о моих?
Я смеюсь над этим.
— Он горячий, но я не хочу заниматься с ним сексом.
И причина в том, что я совершенно одержима совершенно другим профессором. Если бы это был Ниткин, я была бы первой в очереди и, вероятно, единственной.
Она задирает нос.
— Тогда перестань говорить мне, что он секси. Мне не нужны ничьи жалкие объедки. У него было слишком много учениц за то время, что мы учимся в СА. Меня от этого тошнит.
— Правда.
Я разминаю плечо, которое ноет от давления, оказанного Адрианной.
— Тихо, вы обе. Я больше не буду просить вас держать рот на замке, - рявкает тренер позади нас.

Несмотря на то, что все болтают во время боевой подготовки, тренер выделяет нас, и это выводит меня из себя. Я оборачиваюсь и злобно смотрю на него, ярость накатывает на меня по какой-то необъяснимой причине, в основном потому, что этот засранец только что приставал к Адрианне, как будто имеет на это право, а теперь говорит нам заткнуться.

— Может быть, я закрою рот, когда Вы перестанете сексуально домогаться моей подруги и прекратите попытки заставить ее сосать Ваш член.

Слова слетают с моих губ прежде, чем я успеваю по-настоящему подумать об этом.

Глаза Адрианны расширяются, и она недоверчиво смотрит на меня.

Тренер, который всегда был самым добродушным из учителей, выглядит совершенно разъяренным, когда идет ко мне.

— Это всё, Морроне. Немедленно отправляйся к Ниткину. Я не потерплю, чтобы ты разговаривала со мной в таком тоне.

Я тяжело сглатываю при упоминании профессора Ниткина.

— Сэр, простите, я...

— Сейчас же, Морроне. Ты из этого не выберешься.

Я оглядываюсь на Адрианну, которая бросает на меня извиняющийся взгляд, хотя это не ее вина. Да, я заступилась за нее, но давно пора кому-нибудь это сделать. А потом поворачиваюсь и направляюсь из спортзала в кабинет к Ниткину, моё сердце бешено колотится в груди.

Думаю, в глубине души я хотела, чтобы так произошло. Это способ выяснить, была ли моя реакция в девятом классе на его наказание одноразовой или глубоко внутри я мазохистка.

Глава 4

Гаврил

От стука у меня напрягается позвоночник, а в венах пульсирует адреналин. Всякий раз, когда ко мне стучат в дверь во время свободного периода, это всегда ученик, отправленный для наказания. Жажда крови, возникшая сегодня утром после порки того мальчишки, до сих пор не прошла.

Я прочищаю горло.

— Кто там?

— Камилла Морроне.

Кровь устремляется на юг при звуке ее голоса, и жар врезается в меня, как товарный поезд. Мне повезло, если это будет именно она в то время, как я изо всех сил пытаюсь сохранить контроль над своими садистскими порывами.

Неужели она действительно здесь для наказания?

Всего сорок минут назад Камилла стояла передо мной и протягивала свое эссе, которое, по иронии судьбы, я сейчас оцениваю. Она едва скрыла разочарование на своем лице, когда я выхватил его, не обращая на неё особого внимания, и сказал, чтобы она шла на следующий урок.

Я понимаю, что молчал слишком долго, когда её голос снова зовет с другой стороны двери.

— Можно войти?

От этого сладкого звука мой член становится тверже, чем когда-либо, и осознание прокатывается по моей спине.

— Конечно, заходи, - зову я, ненавидя хрипловатый тон своего голоса.
Никто не отправлял Камиллу в мой кабинет с тех пор, как она училась в девятом классе. Я знаю, что в тот день ей было стыдно. Сбитая с толку естественными ощущениями, которые она испытала от моего грубого обращения с ней.
Я виновен во многих вещах, но никогда не был извращенцем. И все же я не мог забыть, как она сильнее сжимала свои бедра с каждым ударом моего хлыста. Прирожденная мазохистка. Это было трудно игнорировать. Еще труднее забыть.
Камилла открывает дверь, и неуверенно заходит внутрь. Каждый мускул в моем теле напрягается, поскольку она одета не в форму СА. Вместо этого на ней спортивный комплект, а это значит, что она, должно быть, занималась в спортзале или боевой подготовкой у Арчера. Женская спортивная форма СА состоит из слишком короткой юбки и чертовски обтягивающего топа, который не оставляет места для воображения, особенно когда его носит такая фигуристая девушка, как Камилла. Конечно, Арчер приложил руку к дизайну, потому что он грязный сукин сын.
— Чем могу помочь, мисс Морроне? - Спрашиваю, борясь с сомнительными желаниями, терзающими меня изнутри.
— Тренер Дэниелс отправил меня для наказания, сэр.
Мои штаны становятся теснее, когда она облизывает нижнюю губу, заложив руки за спину с невинным видом.
— Что ты сделала?
Она пожимает плечами.
— Наговорила лишнего.
Я выгибаю бровь.
— Это на тебя не похоже, Камилла.

Хотя Камилла не отличница, она не дерзит и не грубит, как некоторые студенты. Я знаю, что многие девушки здесь, в академии, не заморачиваются, потому что они понимают, какая участь их ждёт после выпуска.
Брак по расчету с кем-то, кто даст их семье политическую, финансовую выгоду или власть. Они недостаточно мотивированы, чтобы усердно работать, за исключением тех, кто рассчитывает стать лидером или частью иерархии в своей семье.
Я встаю и иду к другому краю стола, прислоняясь к нему, чтобы между нами было меньше расстояния.
— Что именно ты сказала?
Ее щеки становятся темно-красными, когда она смотрит на меня с выражением, похожим на удивление.
— Не думаю, что мне следует повторять это Вам, сэр.
Я сужаю глаза.
— Я прошу тебя повторить.
Она становится нехарактерно застенчивой и бездумно накручивает прядь волос на палец.
— Он сказал, чтобы я прекратила болтать. - Она пожимает плечами. — Я сказала ему прекратить сексуальные домогательства к моей подруге и попытки заставить ее сосать его член.
Слово "*член*" на ее губах заставляет мой собственный подергиваться в штанах, когда я прищуриваюсь.
— Ну, не могу отрицать, что тебе не следует перечить учителю, но не похоже, чтобы это была ложь. Полагаю, мы говорим о мисс Васкез?
Она кивает, глядя на меня с легким удивлением на лице.
— Да.
Арчер преследует её с начала учебного года. Понятно, что ее нелегко расколоть, но Арчер настойчив.
— Очень хорошо. Он уточнял, какого наказания от меня ожидает?

Глаза Камиллы округляются, и она качает головой.
— Нет.
— Хорошо. - Я сжимаю кулаки, зная, что как только слова сорвутся с языка, обратного пути уже не будет. — Давай спустимся в подвал, - говорю, несмотря на то, что каждая частичка меня кричит, что вести ее туда - плохая идея, тем более что я сегодня на взводе и уже полутвердый.
У нее перехватывает дыхание, и она склоняет голову.
— Конечно, сэр.
Она такая чертовски покорная, что у меня болят яйца. Я выхожу из кабинета в соседний класс и направляюсь к двери, ведущей в подвал. Оак выделил мне этот класс из-за примыкающего к нему подвала и моих навыков наказания.
В воздухе витает напряжение, когда мы вместе спускаемся в темное, промозглое пространство. Волнение захлестывает меня, и мне интересно, будет ли у Камиллы такая же реакция на боль, как в первый раз, когда мы спустились сюда. И если да, смогу ли я сдержать себя?
Как только мы оказываемся в подвале, я бросаю на нее взгляд и обнаруживаю, что она смотрит в пол. Ее губы слегка подрагивают.
— Снимай рубашку, - говорю я, зная, что обычно этот приказ ничего не значит для меня, неважно, парень или девушка передо мной. И все же мысль о том, что она будет полуголой в моем присутствии, сводит меня с ума.
Она хмурит брови, но подчиняется, стягивая рубашку через голову. Я стискиваю зубы, потому что на ней слишком тесный спортивный бюстгальтер, самым греховным образом подчеркивающий ее декольте. К сожалению, он тоже будет мешать, и я с трудом верю в следующие слова, слетающие с моих губ.

— Боюсь, и лифчик тоже.
Ее глаза расширяются.
— Сэр?
— Он будет мешать ударам кнута.
Она сглатывает, поворачивается ко мне спиной для некоторого уединения, протягивает руку и расстегивает лифчик. Он падает на пол под ней.
Мой член теперь тверже камня, когда я смотрю на обнаженную кожу, ничего так не желая, как разукрасить ее злыми красными рубцами. После, когда она решит, что хуже уже быть не может, разрезать ее кожу до крови, а затем поклоняться ей руками, губами и зубами.
Я сжимаю челюсть и трясу головой, пытаясь прогнать туман из своих мыслей. Это ничем не отличается от любого другого наказания, которое я назначаю, даже если передо мной Камилла Морроне. Средство дисциплинировать и научить, а не способ завестись или удовлетворить свои больные фантазии.
Я тянусь к хлысту и снимаю его со стены, закрывая глаза и делая глубокий вдох. Сгибая пальцы, я привыкаю к знакомому и успокаивающему ощущению кожаной рукоятки в руке. Это приносит мне спокойствие, которое так необходимо, поскольку садистские мысли взяли верх.
Я открываю глаза.
— Упрись руками в стену и не двигай ими. Иначе мне придется связать тебя.
Она делает шаг вперед, выставляя руки перед собой.
А затем я опускаю хлыст тяжелой дугой по центру спины Камиллы.
Она вскрикивает от боли и удара, ее ноги дрожат под ней, когда она царапает стену. Это не вопль, но в звуке слышна боль. Предвкушение охватывает меня, и я

задаюсь вопросом, прав ли насчет Камиллы и ее предпочтений, или я ошибся три года назад.
Моя хватка становится неестественно крепкой, когда я снова хлещу ее. В этот раз звук больше похож на смесь крика и стона, из-за чего член становится еще тверже. На третий раз, я гортанно стону, когда она в ответ на моё наказание сжимает бедра вместе, и нет никаких сомнений в том, что это крики удовольствия.
— Это должно быть больно, мисс Морроне. Почему же звучит так, словно тебе приятно? - рычу, потерянный в своих больных фантазиях.
Я никогда не разговариваю со студентами во время наказания, и все же нарушаю это правило с единственной девушкой, с которой точно не должен был этого делать.
— Что Вы имеете в виду, сэр? - спрашивает она голосом слаще меда.
Я снова опускаю хлыст, и ее бедра трутся друг о друга, когда она стонет.
— Ты звучишь так, будто тебя трахают, а не хлещут.
Она ахает на это, оглядываясь на меня через плечо. Медово-карие глаза расширены настолько, что в них почти не видно карих ободков. Расширены от смеси боли и удовольствия.
— Лицом к стене, - рявкаю я, не говоря больше ни слова, пока раз за разом опускаю хлыст на ее идеальную кожу, оставляя гневные рубцы.
Садист внутри меня теряется в этом моменте, рисуя картину на ее неиспорченной, без единого пятнышка коже. Боль может быть формой искусства, или, по крайней мере, для меня это всегда было так. Кожа - мой холст, а кровь - мои краски.
— О, Боже, - ворчит Камилла, когда ее бедра, кажется, содрогаются. И тогда я понимаю, что она кончила от

боли, так как вижу, как по внутренней стороне бедра стекает влага от ее возбуждения.
Это зрелище сводит меня с ума, и на этот раз я использую слишком много силы: хлыст опускается и рассекает ее прекрасную кожу, вызывая у нее резкое хныканье.
Вид крови пробуждает во мне что-то дикое и первобытное, когда я опускаю хлыст. Потребность прикоснуться к ней, размазать кровь по себе совершенно опьяняет, и ее невозможно игнорировать. И все же приходится напомнить себе, что она ученица. Запретная, недоступная и чертовски невинная для меня.
Камилла продолжает тереть бедра друг о друга, как маленькая грязная мазохистка, какой она и является, даже после того, как я порезал её. Даже после того, как испытала оргазм.
Я подхожу к ней, хотя знаю, что это плохая идея.
— У тебя идет кровь, - говорю я хриплым голосом, прикасаясь к ране.
Она внезапно выпрямляется, в ее теле чувствуется напряжение, поскольку она не осознавала, что я был так близко.
— Сэр?
— Думаю, я зашел слишком далеко.
Мой палец обводит порез, и я размазываю кровь по ее загорелой коже, мои ноздри раздуваются от желания слизать её и поглотить. Садист внутри меня отчаянно хочет вырваться на свободу и погубить эту невинную девушку.
Она смотрит на меня через плечо, глаза расширены от удовольствия.
— Не уверена в этом, - бормочет она, прикусывая нижнюю губу.

Я рычу, звук настолько животный, что зажигает страх в ее глазах. Ей следует бояться, потому что она не знает, какие садистские, греховные вещи я хочу с ней сделать.
— Ты слишком наслаждалась своим наказанием, не так ли, Камилла?
Ее ноздри раздуваются, но страх остается, когда она проводит языком по нижней губе.
— Я не понимаю, о чем Вы.
Я хватаю ее за бедро, заставляя напрячься.
— Ты точно знаешь, что я имею в виду, - трение бедер друг о друга от изысканной боли. Не думай, что я не видел. - Я остро осознаю, что она полуобнажена, и желание сжать ее грудь и ущипнуть за соски очень соблазнительно, но я сопротивляюсь. — Я видел *всё*, - бормочу, давая понять, что прекрасно понимаю, что она кончила от боли.
Камилла вздрагивает, ее щеки становятся темно-красными, когда она отводит от меня взгляд.
— Со мной что-то не так.
Мои пальцы двигаются вверх и вниз по порезу на ее коже, размазывая кровь по прекрасному холсту. Я подношу испачканные кровью пальцы к губам и со стоном облизываю их.
— Восхитительно, Камилла.
Она оглядывается на меня, глаза расширяются, когда она видит, что я слизываю ее кровь.
— С тобой абсолютно всё так.
Ее ноздри раздуваются, и, кажется, что страх и желание вступают в войну в ее глазах. Каждая эмоция борется с другой за доминирование, но именно этот страх возвращает меня к реальности. Эта девушка – студентка, черт возьми.
Я убираю руку с ее кожи и делаю шаг назад, поднимая лифчик и рубашку.

— Твое наказание окончено, Камилла. - Я сую вещи ей в руку и отворачиваюсь. — Надеюсь, ты сможешь найти выход.
— Да, сэр, - говорит она, её голос звучит тонко и надрывно из-за моей спины.
Я, не оглядываясь, выхожу из подвала и возвращаюсь в свой кабинет, понимая, что позволил этой встрече выйти из-под контроля. Если она снова придет ко мне, я не смогу наказать ее, только не так. В противном случае, боюсь, что не смогу удержаться от того, чтобы поступить с ней по-своему.

Глава 5

Камилла

Кафетерий переполнен, потому что я опоздала на завтрак. Мои подруги уже сидят за нашим обычным столом. Я пробираюсь сквозь толпу и беру поднос с блинчиками, прежде чем присоединиться к ним.
Я сажусь на свое обычное место, морщась при этом.
— Все еще болит? - Спрашивает Адрианна, замечая мой дискомфорт.
— Да. - Киваю, отправляя в рот вилку с едой. Прошло уже пять дней после моего наказания от Ниткина, но синяки, которые он нанес на этот раз на моей спине, гораздо хуже тех, что были, когда я училась в девятом классе, а порез только-только заживает. — Думаю, он стал немного грубее с тех пор, как меня посылали к нему в последний раз.
Ева прочищает горло.
— Телесные наказания Ниткина - это варварство, если хотите знать мое мнение.
Нат качает головой.
— Чего ты ожидаешь от такой школы, как эта?
— Тебе действительно не стоило так заступаться за меня перед тренером.
Я улыбаюсь, потому что Адрианна ненавидит, когда люди попадают в неприятности из-за нее, но дело было не только в этом.
— Разве не так поступают друзья? - Я отмахиваясь. — В конце концов, он вел себя как придурок, придираясь к нам двоим, потому что ему обидно, что ты не хочешь с

ним трахаться. Болтали все, но выделил он нас . - Я сжимаю челюсть. — Поэтому я сорвалась.
Ева кивает.
— Да, похоже, Арч может быть настоящим мудаком.
— Но, может быть, в следующий раз лучше держи рот на замке, чтобы избежать этого.
Нат кивает мне, когда я неловко наклоняюсь вперед, следя за тем, чтобы моя спина не опиралась на стул.
Ева вздергивает бровь.
— Если только ты не хочешь, чтобы тебя отправили к Ниткину.
Я с трудом сглатываю, так как заметила одну вещь в Еве – она удивительно проницательна. Может ли она знать, что в глубине души мне нравится терпеть его боль? Я всегда задавалась вопросом о первом наказании в девятом классе и о том, было ли это случайностью, но после того дня я знаю, что не было. В какой-то момент, я почти уверена, что застонала, пока он хлестал меня, боль между бедер была такой нескончаемой, что думала, я сгорю. А потом я кончила. Испытала оргазм только от того, что мои бедра терлись друг о друга, а профессор Ниткин хлестал меня и причинял боль. Очевидно, что-то не так в моей психике.
Он знает, что я кончила, и это так чертовски неловко. Возможно, мои стоны и реакция подстегнули его жестокость, и поэтому он зашел так далеко, что хлыст рассек мою кожу.
— Я постараюсь, чтобы меня больше к нему не посылали, - говорю, несмотря на то, что хочу глубже исследовать эту сумасшедшую, испорченную часть себя вместе с ним.
Единственное, о чем я не стала рассказывать своим подругам, это о том, что он пустил кровь. Кнут рассек мне кожу, и тогда он остановился, но после этого все стало немного безумным. То, как он прикасался ко мне и

размазывал кровь по моей коже. Он даже попробовал ее на вкус, как какой-то сумасшедший вампир, жаждущий полакомиться мной.
Я вздрагиваю, потому что, несмотря на то, что это было возбуждающе, я не могу понять, не зашло ли всё слишком далеко. В Гавриле Ниткине есть что-то очень мрачное и мучительное, и хотя он меня возбуждает, он также и пугает меня.
— Он действительно такой жестокий? - Спрашивает Ева.
Я киваю в ответ.
— Он садист.
Наталья прочищает горло.
— Именно поэтому мы сказали тебе, что ты сумасшедшая, если хочешь преследовать его.
— Я не хочу его преследовать, - вру я, поскольку в глубине души знаю, что хотела, чтобы меня отправили к Ниткину, чтобы выяснить, была ли моя реакция на боль в девятом классе единичной. — Это была шутка.
— Точно, - говорит Адрианна, подталкивая меня локтем. - Ты была влюблена в него целую вечность.
— Да, но это не значит, что я настолько сумасшедшая, чтобы преследовать его. Как я уже сказала, он садист.
Мои щеки пылают, пока я сосредоточенно рассматриваю стопку блинчиков, отправляя несколько в рот.
— Говоря о дьяволе, - произносит Нат, кивая в сторону входа в кафетерий.
Ниткин входит уверенной походкой, и студенты, стоящие у него на пути, съеживаются перед ним, резко расступаясь. Внушает благоговейный трепет то количество страха, которое он вызывает, особенно среди жестоких наследников мафии, которые учатся здесь. Интересно, не в этом ли заключается его притягательность для меня? Сила и страх, которыми он владеет.

Адрианна подталкивает меня.
— Даже после того, как он избил тебя, ты пялишься на него так, словно он дар Божий на этой земле.
Я прочищаю горло и отвожу от него взгляд.
— Чушь собачья.
Ева смеется.
— Должна признать, Адрианна права.
Я стреляю в нее взглядом.
— Вы все ведете себя как задницы.
Нат поднимает руки вверх.
— Эй, что я сделала?
— Ладно, ты исключение. - Я встряхиваю волосами. — Да, я нахожу его привлекательным, но я не настолько выжила из ума, чтобы действительно хотеть быть с кем-то таким сумасшедшим.
Я отправляю вилкой в рот остатки блинчиков, надеясь, что на этом дискуссия закончится.
Не уверена, что сама верю в то, что говорю. После того, как я кончила от боли, боюсь, что сейчас я как никогда рискую, преследуя этого монстра. Он не мужчина, а чистый зверь, судя по тому, как он пробовал мою кровь, и все же это заставляет меня хотеть его еще больше.
Дрожь пробегает у меня по спине при этом воспоминании, я украдкой бросаю взгляд в его сторону и обнаруживаю, что он пристально наблюдает за мной. Его неповторимые карие глаза горят огнем, от которого у меня перехватывает дыхание. На мгновение я очарована ими и им, не в силах отвести взгляд. Мрачная кривая ухмылка появляется на его губах, и я быстро отворачиваюсь, пытаясь сосредоточиться на чем угодно, кроме профессора Ниткина.
Я прочищаю горло.
— У вас дальше есть урок по расписанию? - спрашиваю.
Ева качает головой.
— Нет, у меня окно.

Я улыбаюсь, благодарная, что я не единственная.
— Не хочешь тогда сходить в библиотеку?
Нат приподнимает бровь.
— С каких это пор ты добровольно ходишь в библиотеку? Обычно заставить тебя пойти - все равно что вырвать зуб.
Я пожимаю плечами.
— Мне нужно закончить задание для урока профессора Джеймсон.
Ева морщится.
— Ты что, не слышала, что ее уволили?
— Что? Нет! - Я мотаю головой. — Почему?
Адрианна прочищает горло.
— Я слышала, что она пыталась соблазнить женатого мужчину после того, как набросилась на него за то, что он женился на студентке.
Ева кивает.
— Что-то вроде того.
Мои глаза расширяются.
— Вау, какая сука. Тогда кто сейчас ведет математику?
— Я слышала, профессор Ниткин заменяет её, пока не найдут учителя, - говорит Нат.
Ева согласно кивает.
— Да, а профессор Дэвидсон будет вести английский.
Я тяжело сглатываю.
— Тем больше причин выполнить задание.
Ева кивает.
— Верно. Если он вообще знает, что за задание было задано.
Я не намерена появляться без работы и выяснять это, тем более, что спина все еще заживает после последнего наказания. Дрожь пробегает по позвоночнику, когда я думаю, не выпорет ли он меня снова, не вскроет ли, как дикарь, заживающую рану на спине.

Я никогда не смогу забыть ту вспышку возбуждения в его глазах, когда он слизывал мою кровь со своих пальцев. Это было греховно и совершенно по-звериному, и все же от этого образа у меня сжимаются бедра.
— Камилла?
Я мотаю головой.
— Что?
— Я спросила, не хочешь ли ты поплавать после уроков? - Спрашивает Адрианна.
Мы с Адрианной всегда плаваем вместе, потому что обе сильные пловчихи и раньше были в команде, когда у СА она была. После инцидента, когда один из наших студентов напал на ученика обычной местной школы, команду расформировали. На самом деле, с того дня прекратили все командные игры, связанные с соревнованиями с другими школами, потому что это пролило слишком много света на сомнительную практику СА.
Я уже собираюсь согласиться, но потом вспоминаю о порезе на спине, который я определенно не хочу, чтобы она видела. Мой желудок опускается.
— Пока отложим. Мне все еще больно.
Адрианна кивает.
— Конечно, я не подумала. - Она вздыхает. — Хотелось бы, чтобы не отменяли занятия команды по плаванию, даже если мы не можем конкурировать с другими школами. Мы все равно могли тренироваться.
Нат ухмыляется.
— Почему бы тебе не сказать об этом тренеру? Уверена, он с удовольствием тренировал бы тебя.
Адрианна издает рычащий звук.
— Вот теперь ты ведешь себя как задница.
Она смеется.
— Просто шучу.

— Не стоит. - Адрианна скрещивает руки на груди. — Мне и без тебя хватает дерьма от него.
Ева вздыхает.
— Хочешь, я скажу об этом Оаку?
— Что? Обмолвишься, что его лучший друг ведет себя как гребаный мудак и не оставляет меня в покое? - Адрианна пожимает плечами. — И что он с этим сделает?
Она вскидывает бровь.
— Ты понимаешь, что он директор академии? Я уверена, что он может поговорить с ним и попросить его отступить.
— Нет, не хочу, чтобы он думал, что достал меня настолько, что я побежала плакаться к директору Бирну. - Адрианна сжимает челюсть. — Тогда он выиграет.
— Как знаешь, - говорит Ева, допивая остатки апельсинового сока. — Тогда, может, пойдем в библиотеку? - Ее внимание переключается на меня.
Я киваю.
— Да, мне нужно закончить работу до следующего урока.
Я бросаю взгляд в сторону профессора Ниткина, радуясь, что он больше не пялится на меня, а увлечен беседой с тренером Дэниелсом.
Я встаю и следую за Евой из кафетерия в сторону библиотеки, размышляя, не сошла ли я с ума, если хочу большего от Гаврила Ниткина. После того, как он попробовал мою кровь на вкус, как животное, стало ясно, что он злой без всяких сомнений, и все же мне хочется узнать о нем больше и исследовать эту мою странную особенность вместе с ним.

— Черт, мы опаздываем, - восклицаю я, когда мы несемся по коридору к классу.
Ева машет головой.
— Потому что ты так долго не могла закончить задание. Я же говорила скопировать мое.
Я раздраженно выдыхаю.
— Он бы узнал.
Обычно я бы не беспокоилась из-за опоздания на математику, поскольку профессор Джеймсон была, безусловно, самым милым профессором в школе, но теперь она ушла, а Ниткин на замене. У нас будут серьезные неприятности. Волна возбуждения проносится у меня внутри при этой мысли.
Мы резко останавливаемся перед закрытой дверью класса.
— Вот и всё.
Ева выглядит немного бледной, когда я толкаю дверь и вхожу.
Взгляды всех присутствующих останавливаются на нас, включая сузившиеся глаза профессора Ниткина.
— Вы двое опоздали, - говорит он, спокойствие в его тоне более угрожающее, чем если бы он кричал.
— Я прошу прощения. Это была исключительно моя вина. Я думала, что у нас достаточно времени, чтобы добраться до класса, - я выпаливаю.
— Садитесь, и зайди ко мне после урока, Морроне.

Ева хватает меня за руку и тащит к нашим местам впереди, рядом с Нат.
— Второй раз неприятности с Ниткиным меньше чем за неделю, - тихо бормочет Нат.
Я тяжело сглатываю и достаю свое задание вместе с учебником по математике, бросая взгляд в сторону Нат.
— Опоздать на несколько минут или прийти с частично выполненным заданием. - пожимаю плечами. — Может, я выбрала неправильный вариант.
Нат открывает рот, чтобы ответить, но не успевает.
— Тишина, - рычит Ниткин, с треском опуская линейку на мой стол.
Я поджимаю губы и поднимаю на него глаза. Несомненно, к жару, который я ощущала раньше, теперь добавился страх после того, как он показал мне проблеск тьмы, которая скрывается внутри.
— Простите, сэр, - бормочу, склоняя голову и сосредотачиваясь на учебнике.
— Теперь все переходите к пятой главе. - Он отходит от моего стола, давая мне возможность снова дышать. — Полагаю, вы изучали математический анализ с Джеймсон до того, как она ушла.
Я проглатываю комок и смотрю, как он вышагивает по классу, зная, что он не будет снисходителен ко мне в наказании. Часть меня взволнована, а другая часть напугана.
Мне нужно остановиться на этом безумном пути к разрушению, пока страх не пересилил волнение. После увиденного в подвале, нет никаких сомнений, что у профессора Ниткина есть все необходимое, чтобы полностью уничтожить меня. Он злой и измученный, и я не знаю, на что еще он способен.
И по какой-то долбаной причине я хочу это выяснить.

Глава 6

Гаврил

Камилла сидит за своим столом, ожидая, когда я назначу ей наказание. Кажется, она не может долго выдерживать мой взгляд, с тех пор как произошел инцидент в подвале. Думаю, она смущена тем, что кончила от боли. Звук ее стонов и хныканья, пока я причинял ей боль, был самым манящим звуком, который я когда-либо слышал, даже лучше, чем крики агонии.
Я сжимаю кулаки под столом, желая только одного: заковать ее в кандалы в моем подвале и сдирать с нее кожу, пока не пойдет кровь. А потом зализывать ее раны, как животное, пока она не начнет умолять меня засунуть член в ее тугую, девственную пизду. Именно поэтому я не могу наказать ее таким образом, потому что знаю, что не смогу остановиться. Она слишком соблазнительна, и хотя я стараюсь сохранять видимость контроля, я веду постоянную борьбу со своими садистскими инстинктами.
Каждый чертов день - это битва с самим собой.
Я встаю и подхожу к ней, отмечая, как её взгляд сфокусирован на на полу. Голова склонилась в совершенной покорности, как будто все в Камилле было создано для того, чтобы дразнить и искушать зверя, чтобы он вышел поиграть.
— Объясни мне, почему ты опоздала. - Я останавливаюсь перед ее столом, скрещивая руки на груди.

Она наконец поднимает на меня взгляд, ее большие медово-карие глаза полны страха с едва заметным намеком на волнение. Камилла не смотрит на меня с прежним желанием с тех пор, как я показал ей проблеск истинной тьмы внутри меня.
— Я опоздала, потому что доделывала задание по математике в библиотеке, и это заняло больше свободного времени, чем у меня было.
Она проводит языком по пухлой нижней губе, привлекая мое внимание к ней.
— Почему задание не было выполнено до сегодняшнего дня? - Я сужаю глаза.
Её горло подрагивает.
— Потому что я забыла.
Я выгибаю бровь. Хотя работы Камиллы никогда не бывают идеальными, она всегда сдает их вовремя.
— Вы ни разу не забыли сделать домашнее задание для моих занятий, мисс Морроне. Поэтому мне трудно в это поверить.
Она пожимает плечами.
— Профессор Джеймсон всегда была очень снисходительна.
Это правда. Из всех профессоров академии Джеймсон была самой доброй. Она редко отправляла студентов в мои садистские лапы, считая мои методы слишком варварскими.
— Тогда почему ты решила сдать работу вовремя?
— Услышала, что Вы заменяете ее.
Я не могу сдержать ухмылку, которая появляется на моих губах.
— И ты знаешь, что я не проявляю снисхождения. - Я киваю в ответ. — Как ты думаешь, за что тебе светит худшее наказание?
— Сэр?

— Опоздание на урок или несвоевременная сдача работы?
Она поджимает губы, обдумывая это, ее лоб слегка нахмурен.
— Честно говоря, не уверена. Наверное, я думала, что задание важнее, чем пара минут в начале урока.
— Да, но из-за тебя опоздала сокурсница. - Я сжимаю челюсть, пытаясь придумать подходящее наказание. Если боль не работает, возможно, поможет унижение.
— Мне трудно решить, как наказать тебя, мисс Морроне.
Она слегка наклоняет голову набок.
— Почему это, сэр?
— Потому что в прошлый раз было ясно, что причинение боли - не совсем то наказание, которого ты заслуживаешь. - Я прищуриваюсь. — Скорее награда, если уж на то пошло.
Камилла густо краснеет и сосредотачивается на своем столе.
— Понятно.
Я замечаю вспышку разочарования в ее медово-карих глазах, прежде чем она отводит взгляд, и думаю, не привиделись ли мне. Она точно не может хотеть, чтобы я подверг ее той же жестокости, что и несколько дней назад. Нет никаких сомнений, что ее синяки и порез еще не зажили, поскольку я зашел чертовски далеко.
— Подожди здесь и, пока меня не будет, напиши следующее предложение пятьдесят раз. *”Я больше не буду опаздывать*". - Я постукиваю по ее блокноту.
Она открывает его на чистой странице.
— Да, сэр.
Я смотрю, как она подносит ручку к губам и невинно грызет кончик.
Для меня этот образ совсем не невинен. Я сдвигаю свой твердеющий член в слишком тесных трусах-брифах и

пытаюсь игнорировать жгучее желание, разгорающееся внутри. Требуется вся моя сила воли, чтобы отойти от нее и спуститься в подвал за предметами для ее наказания. Камилла Морроне - гребаная богиня, и то, что я хочу с ней сделать, сводит меня с ума.
Унижение - это совершенно другая форма наказания, которую я редко применяю к ученикам. Однако Камилла невосприимчива к телесным наказаниям, так что у меня нет выбора. Оказавшись в подвале, я выбираю ошейник и поводок, которые должны ей подойти.
Камилла испытает на себе, каково это - быть не более чем домашним животным. Боюсь, мне это понравится гораздо больше, чем ей. Я сжимаю кулаки вокруг кожи в своей руке, чувствуя, как непреодолимое желание потерять контроль с ней все глубже проникает в мои вены.
Когда я возвращаюсь, Камилла все еще пишет в блокноте. Она даже не замечает, как я вхожу, не поднимая глаз. Мне нечем себя занять, кроме как наблюдать за ней и ждать, когда она закончит.
Математика - не моя сильная сторона. Меня временно заставили преподавать, но я ни черта не смыслю в проверке заданий и контроле их выполнения. Профессор Дэвидсон сильна в математике, поэтому она будет проверять их, пока мы не найдем подходящую замену.
Оак поспешил уволить Джеймсон за то, что та сделала ему замечание, но очевидно, что для Оака любой, кто выступает против его отношений с Евой, – враг в его глазах. Этот мужчина относится к ней так собственнически, как я никогда раньше не видел. Черт, я буквально никогда не видел, чтобы у него были отношения до неё.
Глаза Камиллы отрываются от бумаги, и она роняет ручку, ее внимание приковано к кожаным изделиям в

моей руке.
— Закончила? - Спрашиваю я.
Она кивает в ответ, все еще глядя на предметы.
— Да, сэр. Что это?
— Никаких вопросов, - говорю я, занимая место за своим столом.
У нее перехватывает горло, и она замолкает, пока я наблюдаю за ней.
— Встань и подойди ко мне.
Она делает, как ей велено, хотя шаги нерешительны.
Полностью исчезла сексуальная лисица, которая хотела соблазнить своего профессора-садиста. Интересно, может, я был прав с самого начала и Камилла не способна выдержать мою развращенность? После того, как она кончила от одной только боли, я был уверен, что она способна на это.
— На колени.
Ее глаза расширяются, но она не задает вопросов. За всю свою жизнь я не встречал такой естественно покорной девушки. Заложено ли это в ее характере или порождено отчаянной потребностью угодить мне, я не знаю, и мне на самом деле все равно.
— Сейчас я надену на тебя ошейник. - Я оборачиваю кожаный ремешок вокруг ее шеи и застегиваю его, а затем прикрепляю к ошейнику поводок. — На этот период ты будешь моим маленьким питомцем. Ты поняла?
— Да.
— Сэр, - рявкаю я.
Она тяжело сглатывает.
— Да, сэр.
— Хорошо, теперь я хочу, чтобы ты встала на колени рядом со мной лицом к классу, чтобы я мог использовать тебя как подставку для ног.

Ее глаза слегка расширяются, но она делает, как ей сказано. Я стону, когда вижу ее на четвереньках, чувствуя, как мой член становится тверже с каждой секундой. Сняв туфли, я закидываю ноги ей на спину и использую ее как живой предмет мебели.
— Я ожидаю, что ты не пошевелишь ни единым мускулом, пока я не разрешу тебе двигаться. Ты поняла?
Она слегка вздрагивает от тона моего голоса.
— Да.
Я скрежещу зубами.
— Да, что?
— Сэр, - бормочет она.
Мой член непрерывно пульсирует у бедра, и я тру себя, чтобы подавить желание вытащить его. В конце концов, она отвернулась от меня. Хотя не могу быть уверенным в том, видит ли она краем глаза, что я делаю.
Я беру журнал со стола и открываю его, небрежно пролистывая, пока наступает неловкое молчание. Тогда я понимаю, что оставил свежее издание на полке у двери, а то, что в руках - старое.
— Камилла, я хочу, чтобы ты взяла журнал с той книжной полки. - Я убираю с нее ноги.
Она делает движение, чтобы встать.
— На четвереньках.
Ее широко раскрытые глаза скользят по моему лицу, словно пытаясь понять, серьезен ли я.
— Хорошо.
Она отползает от меня на четвереньках, поводок волочится за ней, и я, черт возьми, чуть не теряю рассудок. Даже в менее чем сексуальной униформе СА со слишком длинной юбкой, она самое очаровательное создание, которое я когда-либо видел.
Ее бедра покачиваются в соблазнительном ритме, когда она движется по грязному полу класса. Намеренно или

нет, я не знаю. В любом случае, это заставляет мой член пульсировать, и я хватаю его и тру через штаны, пытаясь доставить себе хоть какое-то облегчение.

Ей приходится встать с колен, чтобы дотянуться до журнала, когда она берет его с полки, но затем она выглядит озадаченной, не понимая, как нести его и ползти. Я замечаю, как она бросает на меня взгляд, ожидая указаний.

— Неси это во рту.

Она зажимает журнал в зубах, а затем ползет обратно, теперь не сводя с меня глаз. Как будто она внезапно откуда-то набралась смелости снова быть соблазнительной. Именно тогда я замечаю, как она двигается, каждый раз, когда ее бедра намеренно трутся друг о друга.

Грязная маленькая девчонка.

Она получает от этого удовольствие, как и от боли. Мазохистка, которой нравится быть униженной. Возможно, я наконец-то встретил достойную пару. Вернувшись ко мне, она ждет, пока я возьму журнал.

Я постукиваю ладонями по коленям.

— Принеси его прямо ко мне, Камилла.

Ее ноздри раздуваются, когда она смотрит на мою выпирающую промежность, щеки снова краснеют. А затем она подается вперед, пока ее подбородок практически не касается моих колен, и журнал не оказывается прямиком на них.

— Хорошая девочка, - бормочу я.

Нельзя не заметить вспышку желания в ее глазах, когда она снова потирает бедра друг о друга.

— Вернись в исходное положение.

Она подчиняется и возвращается в прежнюю позу, позволяя мне закинуть ноги ей на спину. И вот тогда я замечаю мягкие, ритмичные движения, когда она

трется бедрами друг о друга в погоне за удовольствием.
— Не двигаться, - рявкаю я, зная, что на этот раз не могу позволить ей получить удовольствие. Это наказание, а не гребаная награда, но я думаю, что нет никакого способа наказать Камиллу Морроне.
Она замирает, но на ее лице ясно читается разочарование, когда она смотрит на меня в ответ.
— И не смотри так на своего учителя.
Она поворачивает голову, так что смотрит прямо перед собой, а я открываю журнал, небрежно листая его. Добрых тридцать минут я удерживаю ее в таком положении, замечая, как дрожат ее руки, когда она пытается удержаться на ногах под тяжестью моего веса.
Я прочищаю горло и убираю ноги.
— Думаю, на сегодня хватит, мисс Морроне.
Я протягиваю руку и расстегиваю ошейник на ее шее, позволяя своим пальцам коснуться нежной кожи.
Она ахает от прикосновения, и я ощущаю этот звук прямо у себя в яйцах. Звук чистейшего желания, я позволяю себе задержаться еще немного, прежде чем, наконец, стянуть ошейник с ее тела.
— Скажи мне, Камилла, какое наказание было хуже?
— Сэр? - спрашивает она, выглядя немного ошеломленной, разминая руки.
— Боль или унижение?
Ее язык скользит по полной нижней губе, и она выглядит обеспокоенной, как будто может сказать что-то не то.
— На этот вопрос нет правильного или неправильного ответа, - подталкиваю я.
— Трудно сказать. Они оба были одинаково смущающими.
Я выгибаю бровь.

— Смущающими?
Я хочу, чтобы она уточнила, хотя знаю, что она имеет в виду, - что оба наказания смутили её сексуально. Мне доставляет удовольствие наблюдать, как она корчится от дискомфорта.
— Как?
— Ни то, ни другое на самом деле не было похоже на наказание, - шепчет она таким нежным голосом.
Мой член болит в штанах от её подтверждения.
— Тогда как же мне наказывать вас, мисс Морроне?
Она пожимает плечами.
— Я не уверена, что что-либо из того, что Вы со мной сделаете, будет наказанием, сэр.
Огонек вернулся в ее глаза, и это опасно.
Опасно, потому что все, чего я действительно хочу, - это затащить ее в подвал, полностью раздеть и пороть до тех пор, пока она не достигнет оргазма и кровь не потечет по ее загорелой коже. И только тогда я погрузился бы в нее, заставил бы ее выкрикивать мое имя, пока она кончала бы на мой член, размазывая свою кровь по нам обоим. От этих мыслей мой член становится тверже камня, но я должен сопротивляться.
— Верится с большим трудом. - Я провожу рукой по шее, понимая, что разговор заходит на опасную территорию.
— Ты еще не видела верхушку гребаного айсберга моей испорченности.
Она вздрагивает в ответ.
— Вы покажете мне, сэр?
— Вы сами не знаете, о чем просите, мисс Морроне. - Я бросаю ошейник и поводок, которые все еще держу в руке, на стол. — А теперь идите на следующий урок.
Разочарование в ее глазах такое же ясное, как летнее ночное небо. Я тяжело сглатываю, зная, что если она продолжит так смотреть на меня, я сломаюсь. Покажу ей, что заставляет такого садиста, как я, сходить с ума,

а это опасно. Тьму внутри меня нужно немного подкармливать, но держать на коротком поводке, и я боюсь, что контроль, который держу над ней, будет разорван в клочья, если я когда-нибудь переступлю эту черту с Камиллой.

В конечном итоге она может пострадать или еще хуже.

Когда она не двигается, я сужаю глаза.

— Сейчас, Морроне.

Она бросается к своему столу, чтобы схватить сумку и быстро собрать вещи. Я наблюдаю за ней, потому что, похоже, не в состоянии оторвать от нее глаз. А потом она выходит из комнаты, даже не взглянув в мою сторону.

Я тяжело вздыхаю и закрываю глаза, хрустя шеей. Камилла Морроне становится для меня занозой в заднице, которую все труднее игнорировать. Если она продолжит давить на меня, я сорвусь, и тогда начнутся настоящие неприятности.

Глава 7

Камилла

— Где она, черт возьми? - Я расхаживаю взад-вперед по спальне Адрианны.
Я на взводе. С тех самых пор, как меня наказал профессор Ниткин.
Ева пожимает плечами.
— Может, забыла?
Мы ждем начала вечера кино, но Нат еще не пришла, а опаздывать не похоже на неё. Это я всегда опаздываю, но я здесь уже двадцать минут.
Адрианна прочищает горло.
— Может, начнем без нее? Она не отвечает на мои сообщения.
Все готовы расслабиться и включить фильм, а мне нужно чем-нибудь отвлечь свой хаотичный разум. После странного наказания в классе Ниткина я была очень взвинчена и не могла думать ни о чем другом.
— Может, мне поискать ее? - Предлагаю, направляясь к выходу.
Когда я дохожу до двери, раздается стук.
— Наконец-то. - Я распахиваю ее и обнаруживаю, что там стоит Нат, но у нее через плечо перекинута большая сумка. Я хмурю брови. — Что это за сумка? - спрашиваю её.
— Только что звонил мой брат, завтра он женится. - Нат недоверчиво качает головой. — Он прислал машину, чтобы отвезти меня обратно в Бостон.

— Везучая сучка, - говорит Адрианна. — Я бы сделала все, чтобы выбраться отсюда на несколько дней.
Я не удивлена, что Адрианна хочет уехать отсюда, так как тренер Дэниелс продолжает безостановочно преследовать ее. Нужно что-то делать с этим серийным флиртом, но я знаю, что это бесполезно. Директор Бирн - его лучший друг, так что вряд ли станет осуждать его за это.
Честно говоря, прямо сейчас я сама была бы не прочь отдохнуть от этого места. Но до весенних каникул, когда я смогу уехать, осталось еще десять недель.
Ева подходит к двери.
— Повеселись. - Она широко улыбается.
Нат приподнимает бровь.
— Ты уже знала, не так ли?
Она пожимает плечами.
— Оак мог упомянуть об этом.
— У тебя очень несправедливое преимущество. - Я бросаю взгляд на Еву.
— Плюсы того, что ты жена директора. - Она показывает мне язык.
Нат качает головой.
— Повеселитесь сегодня, но нам придется устроить еще один вечер кино на следующей неделе, чтобы компенсировать мне этот.
Ева пожимает плечами.
— Было трудно убедить Оака позволить мне прийти сегодня вечером. Я не могу этого гарантировать.
— Он отнимает у тебя всё время, - жалуется Нат, притягивая меня в объятия, и обнимая остальных. — Увидимся через пару дней, - говорит она, прежде чем выйти из комнаты.
Мы все прощаемся, и я вздыхаю, закрывая дверь.
— Похоже, мы остались втроем.

Адрианна сияет, держа в руках огромный пакет с закусками.
— Больше закусок для нас.
Я качаю головой.
— Не знаю, куда тебе всё это лезет, честно.
— Ева плюхается на диван перед телевизором.
— Что мы будем смотреть? Была очередь Нат выбирать.
Честно говоря, мне абсолютно наплевать, что мы включим. Мне просто нужно чем-нибудь отвлечь свой разум на пару часов. Так как кажется, что я схожу с ума. Как, черт возьми, мне могло понравиться, что профессор Ниткин обращался со мной как с собакой?
Это полный пиздец.
В какой-то момент моя киска была такой мокрой, что я подумала, что испачкаю свою юбку. Очевидно, со мной что-то не так. Никому не нравится, когда его унижают или причиняют боль, а я люблю и то, и другое. Я содрогаюсь, потому что хуже всего было, когда он отверг меня.
Ты еще не видела верхушку гребаного айсберга моей испорченности.
Я попросила его показать мне, а он выгнал меня. Какого черта я хочу углубиться в его безумие, я не знаю. Образ того, как он слизывал мою кровь, до сих пор пугает меня и одновременно возбуждает, и все же я хочу увидеть больше. Хочу, чтобы он затащил меня в тот подвал и делал со мной все, что захочет, черт возьми.
— Камилла? - Ева произносит мое имя.
Я качаю головой.
— Прости, что?
— Мы спросили, что ты думаешь о том, чтобы посмотреть «Жестокие намерения»?
Я рассеянно киваю в ответ.
— Конечно, как хотите. Я не привередливая.

Адрианна выбирает "Жестокие намерения" на Netflix и включает.
— Хочешь перекусить? - Она швыряет в меня пакет, и я ловлю его.
Я киваю и выбираю пакетик шоколадных M&M's и пачку конфет Reese's с арахисовой пастой, после чего передаю пакет Еве. Мы все замолкаем, и я расслабляюсь на удобном диване, натягивая на себя толстый плед. Это именно то, что мне нужно, чтобы отвлечься, я открываю конфеты, закидывая пару штук в рот, пока начинается фильм. По крайней мере, мне так кажется, поскольку отчаянно пытаюсь сосредоточиться на экране.
Даже отвлекаясь на фильм, я не могу выкинуть из головы образ профессора Ниткина, командующего мной. Он такой чертовски красивый и в то же время такой чертовски извращенный. Внутри него царит тьма, к которой, боюсь, мне не стоит приближаться. И все же он, словно магнит, тянет меня к себе.
Как бы сильно я ни старалась отстраниться, меня влечет к нему его садистское доминирование. Черта, которой, похоже, я не могу противостоять теперь, когда открыла дверь. Мне нужно выяснить, как далеко он зайдет, иначе, боюсь, я сойду с ума.

Ева берет меня за руку, когда мы идем на урок права.
— Когда Нат должна вернуться?

Я пожимаю плечами.
— Она сказала, что ее не будет пару дней. Прошло уже почти две недели.
— Точно, это странно, правда? - Ева морщит лоб. — Ее сообщения тоже были загадочными.
— Да, я спросила, где она, и она просто ответила, что дома.
Она хмурится.
— Ты же не думаешь, что во время свадьбы случилось что-то плохое?
Я качаю головой.
— Нет, мы бы услышали об этом. Я знаю, что в Бостоне сейчас царит хаос, но если бы что-то произошло, все в этой школе знали бы.
Ева вздыхает.
— Верно. Я просто скучаю по ней.
— Я тоже.
Я тяжело сглатываю, зная, что на самом деле мои мысли были заняты другим. С тех пор как профессор Ниткин последний раз наказал меня, я не могла думать ни о чем другом. Часть меня чувствует, что я должна отступить, а другая часть хочет надавить сильнее, чтобы узнать, сколько Гаврил Ниткин продержится, прежде чем сорвется.
Прошла неделя с тех пор, как он обращался со мной как с домашним животным, пытаясь наказать меня. Интересно, что именно он предпримет дальше, если я снова окажусь у него после уроков? Смесь страха и неуверенности удерживала меня от выяснения этого.
— Не странно ходить на занятия, когда их ведет твой муж?
Ева пожимает плечами.
— Не совсем, наверное, потому что так было с тех пор, как я встретила его.

Я киваю в ответ, размышляя, на что это было бы похоже, если бы у нас с профессором Ниткиным были отношения. Представляю, как это было бы захватывающе, даже волнующе. Мое желание к нему явно не знает границ, учитывая, что он превратил меня не более чем в животное на поводке.

— Количество жалоб уменьшилось?- спрашиваю её.

Ева выглядит немного грустной и качает головой.

— Нет, многие родители возмущены этой новостью, но Оак отправляет всем в ответ одинаковое шаблонное письмо. *«Если у вас есть проблемы, заберите своего ребенка».*

Я сжимаю ее руку.

— Эй, тебе повезло, что ты нашла мужчину, который готов рискнуть всем ради тебя.

Она улыбается.

— Я знаю. Просто хотелось бы, чтобы люди были более понимающими.

— Это неизбежно. Для директора не совсем традиционно жениться на студентке, особенно на той, которая все еще учится в академии.

Её брови хмурятся.

— Ну, это не совсем традиционная академия. Это место, где студентов учат убивать, калечить, травить и драться.

— Туше, - говорю я, кивая. — В этом ты права.

— Конечно, права.

Я смеюсь, когда мы входим в класс Бирна, где он уже сидит за своим столом.

В тот момент, когда заходит Ева, его глаза вспыхивают желанием, и он смотрит, как она садится. Он напряженно наблюдает за ней, и это отчасти напоминает мне о том, как Ниткин смотрит на меня в последнее время. Я качаю головой, пытаясь не

обращать внимания на надежду, которая пытается пробраться в мое сердце.
Профессора Ниткина и директора Бирна разделяют океаны. Начиная с того, что Ниткин – садист, который по мнению многих, граничит с безумием. Бирн всегда был сдержанным и спокойным директором этой школы, который правил железной рукой, но он не сумасшедший. Он не монстр, как многие клеймят Гаврила Ниткина.
Я опускаюсь на стул рядом с Евой, мои мысли лихорадочно работают.
— Добрый день, класс. Я бы хотел, чтобы вы все прочитали главу тридцать два, так как мы собираемся рассмотреть законные методы обхода доказательств в деле против вас.
Звучит невероятно скучно, и я принимаю мгновенное решение не открывать книгу, а достать блокнот, чтобы заняться другой работой. Покопавшись в рюкзаке, нахожу ручку и пишу название задания по анатомии вверху страницы. Работа должна быть сдана только на следующей неделе, но я знаю, что директор Бирн терпеть не может, когда ученики отвлекаются на другие письменные работы.
Этого должно хватить, чтобы я оказалась в кабинете профессора Ниткина, как только он поймет, что я работаю над заданием для другого урока.
Ева тихонько подталкивает меня.
— Что ты делаешь? У тебя будут неприятности.
Я пожимаю плечами.
— У меня так много работы, что я тону. Надеюсь, он не заметит.
Она скептически смотрит на меня, качая головой.
Через несколько минут я слышу, как шаги директора Бирна останавливаются прямо перед моим столом.
— Разве я говорил писать, мисс Морроне?

Я поднимаю взгляд и сглатываю.
— Нет, не говорили.
— Ты хотя бы начала читать главу, которую я задал? - Он смотрит на мой учебник по праву, который все еще закрыт.
— Я... Нет. - Мои плечи опускаются. — Я прошу прощения.
— Тогда над чем именно ты работаешь? - Он выхватывает блокнот и качает головой. — Задание по анатомии?
Я киваю в ответ, тяжело сглатывая, пока он просматривает текст.
— И что заставило тебя делать работу для другого урока во время моего занятия, Морроне?
— Я не успеваю с заданиями.
Он швыряет блокнот обратно на стол, заставляя меня подпрыгнуть.
— Ниткин, сейчас.
— Но я...
— Сейчас, Камилла. Не заставляй меня повторять.
Я хватаю блокнот, учебник права и запихиваю их в сумку.
Ева смотрит на меня так, словно точно знает, почему я попалась, и это заставляет меня чувствовать себя немного уязвимой. Может ли она сложить два и два?
— Увидимся за ланчем? - Спрашиваю я.
Она кивает.
— Да, увидимся там.
— Меньше болтай и больше двигайся, Камилла, - рявкает директор Бирн.
Я взваливаю на плечо рюкзак и выхожу в коридор, сердце колотится быстрее, чем ноги могут нести меня. Мой желудок скручивает от тошноты, когда я все ближе и ближе подхожу к кабинету профессора Ниткина. Прошла неделя с тех пор, как он в последний раз

наказывал меня за опоздание. Интересно, какое наказание он придумает на этот раз?

Глава 8

Гаврил

Я разминаю шею, глядя на студентку, стоящую передо мной.

Целую неделю Камилла Морроне не бросала на меня ни единого кокетливого взгляда. Я был убежден, что мой отказ показать ей, насколько испорченным я могу быть, стал, так сказать, последним гвоздем в крышку гроба. И полностью верил, что она прекратила преследовать меня, даже если не мог остановить фантазии, бушующие в моей голове. Это было к лучшему.

Не могу отрицать, что скучал по ее сексуальным взглядам и тому, как она смотрела на меня, словно хотела, чтобы я затащил ее в подвал и дал ей свой член, помимо всего прочего.

Она перенесла от меня два совершенно разных наказания, и оба, похоже, доставили ей удовольствие. Второе выходило за рамки того, что я когда-либо использовал на студентах, но это потому, что жестокое телесное наказание, которое она перенесла, было настолько приятным, что она достигла оргазма. И все же она была той же грязной маленькой девчонкой, которая терлась друг о друга бедрами, в то время как я обращался с ней как с домашним животным.

Очевидно, я был неправ, что оттолкнул ее, раз она стоит передо мной и что-то бормочет о том, что Оак прислал ее для наказания.

— Что ты натворила на этот раз?, - спрашиваю я, сжимая кулаки под столом.

Она прикусывает нижнюю губу.
— Он застал меня за выполнением задания по анатомии на уроке права.
Добавляет оскорбления то, что она выполняла задание для моего гребаного урока в классе Оака. Я встаю и расхаживаю по кабинету, ломая голову над тем, как мне наказать ее, когда два моих варианта с треском провалились с первого раза.
Я ни за что на свете не смогу затащить ее обратно в свой подвал, так как знаю, что сделаю что-то такое, о чем потом буду жалеть, особенно если она не сможет контролировать себя и снова достигнет оргазма.
Я прекращаю вышагивать и пристально смотрю на нее.
— Ну, телесные наказания на самом деле не были для тебя настоящим наказанием, как и унижение. - Я провожу рукой по волосам. — Ты сама сказала, что не уверена, что что-либо из того, что я с тобой сделаю, будет наказанием, тогда что мне остается? - Требуется вся моя сила воли, чтобы не затащить ее обратно в подвал и не поступить с ней по-своему. — Как мне наказать тебя, Камилла?
Она пожимает плечами.
— Думаю, боль, в конце концов, была наказанием, ведь Вы оставили меня в синяках на несколько дней.
Услышав, что я оставил на ней свои отметины на несколько дней, вся кровь в моем теле устремляется на юг, и я засовываю руки в карманы, чтобы скрыть нарастающее возбуждение. От желания увидеть эти синяки мой желудок сжимается, и я хочу снова пометить ее кожу, просто чтобы увидеть последствия.
— У меня до сих пор шрам от пореза на спине. - Она качает головой. — Я не могла плавать почти неделю, так что это было своего рода наказанием.
Я подхожу к ней, ничего так не желая, как увидеть ущерб, нанесенный ее прекрасной коже.

— Да, но тебе это слишком понравилось, не так ли?
Её горло сжимается, когда она сглатывает, и она едва может встретить мой взгляд.
— Я не уверена, что понимаю, что Вы имеете в виду, сэр. - Ее лицо приобретает красивый розовый оттенок.
Я крепко хватаю ее за подбородок, заставляя посмотреть мне в глаза.
— Не лги мне. Ты прекрасно понимаешь, о чем я говорю, Камилла.
Ее ноздри раздуваются, а в глазах вспыхивает страх, когда она качает головой.
— Я… я не…
Тот факт, что она прикидывается дурочкой со мной, действует мне на нервы.
— Ты кончила, как маленькая грязная потаскушка, от боли, когда тебя хлестали по спине, - рычу я. — А когда я обращался с тобой не лучше, чем с животным, ты терлась бедрами друг о друга в погоне за таким же гребаным освобождением.
Ее глаза расширяются, и она ахает от удивления.
— Сэр, я…
Она теряет дар речи, так и не закончив предложение, и, честно говоря, я ее не виню. Я потерял контроль и нахожусь на грани того, чтобы сорваться и показать ей настоящего монстра, с которым она играет. Все темные и грязные секреты, которые я прячу глубоко внутри.
— Что, Камилла? - Я смотрю в ее медово-карие глаза. — Скажи мне, что я ошибаюсь.
У нее перехватывает дыхание, и она качает головой.
— Вы не ошибаетесь.
— Тогда как я могу наказать тебя, если ты получаешь удовольствие от боли и унижения?
Она качает головой, обхватывая себя руками, словно они защитят ее от меня.
— Я не знаю, сэр.

Моя челюсть сжимается, и приходится напоминать себе, что я имею дело с девственницей. Невинной, юной девушкой, которая и представить себе не может, насколько я порочен на самом деле, даже если позволит своему разуму разгуляться. Я отпускаю ее подбородок и отхожу, чтобы установить некоторое расстояние между нами и обуздать свои порывы. Если я не буду осторожен, всё может выйти из-под контроля.

— Как насчет отказа[3]? - Спрашиваю я, бросая на нее взгляд через плечо. — Или тебе это тоже нравится?

Она пожимает плечами.

— Я не знаю, что это, сэр.

Мой член пульсирует сильнее каждый раз, когда она называет меня "сэр".

— На колени, Морроне.

Ее глаза расширяются.

— Я не понимаю.

— Сейчас же, - огрызаюсь я.

Камилла торопливо опускается передо мной на руки и колени, глаза расширены от страха и возбуждения одновременно. В этот момент, когда она стоит передо мной на четвереньках и ее глаза снова устремлены на мое лицо, я чувствую себя Богом. Хотелось бы, чтобы на ней был спортивный комплект, как в тот день, когда я привел ее в свой подвал, потому что женская форма СА слишком консервативна.

Юбка чересчур длинная, а рубашка застегнута почти до самого верха, и все равно она выглядит сексуально, как грех. Я придвигаю свой стул к другой стороне стола и сажусь, скрестив руки на груди, свирепо глядя на нее, а она смотрит на меня в ответ из-под густых темных ресниц. Ее уверенность в себе ослабевает с каждой секундой молчания.

— Вы снова собираетесь обращаться со мной как с домашним животным, сэр? - наконец спрашивает она,

облизывая пухлые розовые губы.
— Что-то вроде этого. - Я сужаю глаза. — Ты будешь делать то, что я скажу. Ты поняла?
Она судорожно сглатывает и затем отводит глаза, не в силах больше выдерживать мой взгляд.
— Да, сэр.
Я прочищаю горло.
— Теперь ползи ко мне, как в прошлый раз.
Ее глаза снова встречаются с моими, и она выгибает бровь.
— Почему?
— Без вопросов, - рычу я.
Её лицо бледнеет от тона моего голоса. Я на грани. Зверь внутри меня пытается вырваться на свободу.
Она медленно и чувственно ползет ко мне, не сводя глаз с моего лица. Даже когда она напугана и неуверенна, эта девушка просто источает чистую сексуальную привлекательность. Из-за этого очень сложно упорядочить свои хаотичные мысли и не дать им вырваться наружу. То, что я хочу с ней сделать, должно быть незаконным. На самом деле, возможно, так оно и есть.
Меня сдерживают не моральные принципы, так как у меня их почти нет. Другим моим коллегам плевать на секс со студентами, да и мне тоже. Честно говоря, до сих пор я никогда этого по-настоящему не хотел. Меня сдерживает то, что Камилла девственна и невинна и, вероятно, привязалась бы, если бы наши отношения приняли сексуальный оборот. Она надеется на результат как у Евы и Оака, а я никогда не смогу ей этого дать.
Оказавшись в полуметре от меня, она останавливается и заглядывает мне в глаза.
— Разве я говорил тебе остановиться?

Ее ноздри раздуваются, и она продолжает, пока ее голова не оказывается между моими икрами, и она не может двигаться дальше. Камилла смотрит вперед, больше не выдерживая моего взгляда.
— Посмотри на меня, - приказываю я.
Она неловко вытягивает шею, чтобы встретиться со мной взглядом, и желание в ее глазах заставляет мой член шевелиться. Прирожденная мазохистка, которая любит деградацию. Она чертовски идеальна.
— Теперь принеси мне ручку и бумагу со стола. - Я киваю в сторону стола за спиной, понимая, что мне нужно подводить её к этому осторожно.
На лице появляется раздражение, но она делает, как ей сказано, ползет на четвереньках за ручкой и бумагой, которые я оставил на столе.
Она уже собирается протянуть руку и взять предметы, когда я инструктирую её.
— Зубами.
Выражение ее лица становится шокированным.
— Сэр?
— Я сказал, зубами, по одному.
У нее перехватывает горло, и после нескольких неудачных попыток она хватает ручку со стола зубами, подползает ко мне и протягивает, как хорошая маленькая зверушка, которой она является.
— Хорошая девочка. Теперь бумагу.
Ее ноздри раздуваются, но она делает, как ей сказано: ползет обратно к столу за бумагой и хватает ее зубами. Когда она возвращается, я вынимаю бумагу у нее изо рта и глажу ее по голове.
— Молодец, Камилла.
Ее глаза расширяются от моей похвалы, и она замирает, с нетерпением ожидая моих следующих инструкций. Плюс еще один аспект, который ей нравится так же как

унижение, - похвала. Выражение в её глазах сводит меня с ума, я кладу лист бумаги себе на колени.
— Теперь я хочу, чтобы ты взяла ручку в руку и написала то, что я тебе скажу. Ты поняла?
— Да, сэр.
Она берет у меня ручку.
— Другую руку положи мне на бедро, - говорю я.
Ее язычок пробегает по нижней губе, когда она кладет левую руку на мое правое бедро, чтобы не упасть и ждёт моих указаний.
— Напиши следующее. *«Я маленькая грязная шлюха, которой нравится боль.»*
Ее щеки краснеют, когда она пишет первое предложение. Мой член твердеет под бумагой у меня на коленях.
— *«И я должна научиться контролировать себя и не кончать, когда меня бьют.»*
Если я думал, что ее щеки не могут покраснеть еще больше, то ошибался. Но, как послушная сабмиссив, она делает то, что ей говорят, и пишет следующее предложение слегка дрожащей рукой.
Из-за нашей близости мне трудно сосредоточиться, я наблюдаю, как она впивается зубами в нижнюю губу и смотрит на меня, ожидая следующего предложения.
— Скажи мне, о чем ты сейчас думаешь, Морроне.
— Я думаю о том, что это чертовски странно, - бормочет она.
Я с силой хватаю ее за подбородок, впиваясь кончиками пальцев в ее кожу достаточно сильно, чтобы причинить боль.
— Никакой лжи. Никакого гребаного фильтра. Скажи мне правду.
— Сэр?
— Какие мысли в твоей маленькой испорченной головке? - Я давлю. — И не заставляй меня спрашивать

снова.
Она трепещет своими густыми ресницами, прежде чем тихо произнести:
— Я думаю о том, что хотела бы увидеть выпуклость, которую Вы прячете в своих штанах под этой бумагой.
Ее взгляд опускается к моей промежности, даже когда я держу ее за подбородок, которая действительно выпуклая и твердая.
Камилла облизывает губы, отчего у меня начинают болеть яйца. Вся моя решимость контролировать свои порывы рушится в одно мгновение при мысли о том, как ее пухлые губки обхватят меня, пока я буду, словно животное, вколачивать свой член в ее горло.
— Ты заслуживаешь этого после того, как была такой плохой девочкой?
Она качает головой и отводит от меня взгляд.
— Нет, сэр.
Я отпускаю ее подбородок и бросаю бумагу на пол, хватаю ручку в её руке и швыряю сверху.
— Что Вы...
Хватаю ее за запястья и кладу ее руки ладонями вниз на каждое из моих бедер, рядом с членом, но недостаточно близко.
— Не двигай руками. Ты поняла?
Она кивает в ответ.
— Да, сэр.
— Сегодня твоим наказанием будет оставаться в таком положении и смотреть, как я удовлетворяю себя.
Ее глаза становятся такими широкими, что напоминают блюдца, и она чуть не брызжет слюной.
— Сэр?
— А потом я собираюсь кончить прямо на твое милое личико.
Я расстегиваю молнию на брюках, а она смотрит на меня так, словно застыла во времени. Честно говоря,

это безумие, но мне все равно.
Камилла Морроне не страдает от боли, и не страдает от унижения, поэтому поднести ей к лицу то, что она хочет, и отказать в этом - лучший вариант. Я заставлю ее смотреть, но не прикасаться, как бы сильно она этого ни хотела. Неважно, насколько она жаждет моего члена.
Заставить ее смотреть, как я доставляю себе удовольствие, прежде чем кончить ей на лицо, будет для нее своеобразным наказанием, даже если она будет наслаждаться каждой секундой, судя по искрам в ее глазах. Я встретил достойную пару в лице Камиллы Морроне. Девушку, которую невозможно наказать, потому что она такая же испорченная и извращенная, как и я.
Я вытаскиваю свой член из штанов, и глаза Камиллы расширяются.
— Ты когда-нибудь раньше видела член, Морроне?
Она завороженно смотрит на него, качая головой.
— Нет, сэр.
Ее язык скользит по губам, и она выглядит так, словно изголодалась. Как будто она хочет протянуть руку и поклоняться ему, но не получает желаемого.
— Теперь запомни, никаких движений.
Её глаза встречаются с моими, и в них читается разочарование.
Я крепче сжимаю основание своего члена и смотрю на нее, двигая им вверх-вниз, наблюдая за тем, как ее глаза расширяются от желания. Невозможно не смотреть на ее прекрасное лицо, когда я дрочу себе кулаком все более жесткими и резкими движениями, яйца тяжелеют от спермы.
Камилла протягивает руку к моему члену, и я качаю головой.
— Не двигаться. Помни правила.

Она дуется на меня.
— Простите, сэр. Я просто очень хочу прикоснуться к Вам.
Я гортанно стону.
— А плохие девочки не получают того, чего хотят, потому что тогда это не было бы наказанием, не так ли?
Она мотает головой и кладет руку обратно на мои бедра, глядя на меня снизу вверх, как нетерпеливый щенок. Это делает мой член тверже, и я с большей силой провожу рукой вверх-вниз, представляя, как ее губы обхватывают меня.
Я стону, из моего члена вытекает предсемя.
Тогда замечаю, как она ерзает, словно испытывая дискомфорт, пытаясь потереться бедрами друг о друга, стоя на коленях на полу и преследуя собственное удовольствие.
— Не двигаться, - рявкаю я.
Ее глаза расширяются.
— Но, сэр...
Я хватаю ее за подбородок свободной рукой и подтягиваю еще ближе, так что ее губы оказываются примерно в двух дюймах от моего члена. Она жадно смотрит на него, и эта картинка такая чертовски извращенная.
— Никаких но, Морроне. Оставайся неподвижной, как гребаная статуя, и сиди как хорошая девочка. Ты поняла?
Она выпускает разочарованный вздох, ее дыхание дразнит мой ствол.
— Да, сэр.
— Это наказание, а не награда.
— И это чертовски мучительно, - бормочет она.
— Хорошо.
Я точно знаю, что она чувствует, и хотя это должно быть наказанием для неё, для меня это похоже на

пытку. Ее губы и руки так близко от меня, но я не могу позволить ей прикоснуться к себе, потому что это дало бы ей то, чего она хочет.
Выражение ее лица становится восхитительно яростным, когда она пристально наблюдает за тем, как моя рука движется вверх и вниз по члену, словно ждет, когда я скажу ей, что она может потрогать. К сожалению для нее, она будет разочарована. Я – ничто без дисциплины.
Я наблюдаю за ней и позволяю своему воображению разыграться от мыслей обо всех грязных долбанутых вещах, которые хотел бы с ней сделать, пока она жадно подпрыгивала бы на моем члене. Мой взгляд падает на ее грудь, которая, несмотря на то, что полностью скрыта рубашкой без видимого выреза, выглядит полной и упругой под тканью. Образ ее обнаженной сверху на мне почти невыносим, и я хриплю, моя разрядка наступает сильно и быстро.
— Возьми все до последней капли, - рычу, кончая и выплескивая свою сперму на Камиллу.
Её лицо становится изумленным, когда я кончаю ей на лицо и шею, пачкая рубашку, так как некоторые капли попадают и туда.
Как только шок проходит, я замечаю, как она высовывает язык, чтобы попробовать мою сперму на вкус. Это самая эротичная вещь, которую я когда-либо видел от такой невинной девственницы. Похоже, что она не так уж невинна, в конце концов.
Я хватаю ее за волосы и поднимаю ее лицо к себе.
— Ты жаждешь моей спермы, Камилла?
Она кивает в ответ, широко раскрыв глаза.
— Да, сэр.
— Такая грязная малышка. Не уверен, что это тоже было наказанием для тебя, не так ли?

Ее ноздри раздуваются, когда она подносит палец к лицу и соскребает сперму, а затем засовывает ее в рот и демонстративно сосет.
— Это было наказанием - не прикасаться к Вам, но, по крайней мере, я могу попробовать Вас на вкус.
Мой член снова твердеет, вынуждая меня отпустить ее волосы и засунуть его обратно в штаны, пока я не зашел слишком далеко.
Камилла выглядит разочарованной, продолжает держать руки на моих бедрах, но сжимает их крепче.
— Ползи назад, - приказываю я.
Она неохотно убирает от меня руки и отползает назад на четвереньках.
— Теперь приведи себя в порядок и отправляйся на следующий урок, - говорю я, встаю и марширую к двери.
— Дважды за неделю - это на тебя не похоже, Морроне. Я не ожидаю увидеть тебя снова так скоро. Ты поняла? - Я не смотрю на нее, стоя к ней спиной.
— Я поняла, сэр. - В ее голосе слышится легкая боль, как будто ее задело мое холодное обращение.
Ей нужно понять, что я больше едва ли мужчина. Зверь - более подходящее описание. Я выхожу из класса и оставляю ее на коленях с моей спермой на лице, зная, что мне никогда не следовало переступать с ней эту черту.
Камилла Морроне – словно мой криптонит, и чем больше я узнаю о том, что движет ею, тем сильнее хочу ее так, как она и представить себе не может.

Глава 9

Камилла

Меня переполняет стыд, когда я спешу по коридору к бассейну в дальнем конце школы, зная, что опаздываю на встречу с Адрианной. Шрам на спине зажил достаточно, чтобы его можно было скрыть под купальником, поэтому я согласилась поплавать с ней сегодня.

Сложно поверить в то, что только что произошло с профессором Ниткиным. Он обращался со мной не лучше, чем с собакой, когда велел сесть, а после кончил мне прямо на лицо, и отпустил, едва взглянув в мою сторону. И что самое ужасное, я наслаждалась каждой чертовой секундой.

Его мужской солоноватый вкус все еще остается на моих губах, и я провожу по ним языком, застонав от нарастающей боли между бедрами. Наблюдать за тем, как он удовлетворяет себя, было мучительно, так как все, чего я хотела, - это прикоснуться к нему или попробовать его на вкус. Это была форма наказания, но такая приятная.

Я не могу выбросить из головы образ его твердого члена и то, как он сердито смотрел на меня сверху вниз, сжимая его в кулаке, пока из него вытекала сперма. От этого мой рот наполнился слюной. Он бесстыдно вытащил свой член прямо передо мной, не заботясь о том, что я его ученица. Что-то подсказывает мне, что подобные вещи его не беспокоят, но я никогда не

слышала слухов о его связях со студентками, в отличие от тренера. Может быть, это потому, что большинство студенток не настолько сумасшедшие, чтобы подобраться к нему так близко, за исключением меня, похоже.
Очевидно, со мной что-то не так, потому что я люблю боль, люблю деградацию, и я полюбила отказ. Интересно, есть ли что-нибудь, что он мог бы сделать со мной, что мне бы не понравилось? Мой шкафчик находится по пути к бассейну, поэтому я останавливаюсь и беру рюкзак с плавательным снаряжением, но неожиданно Ник прислоняется к соседнему шкафчику с ухмылкой на лице.
— Приятный сеанс у Ниткина? - спрашивает он.
Я свирепо смотрю на него, так как он знает, что Бирн отправил меня к нему во время урока по праву.
— Потрясающий, - отвечаю, надеясь, что мое лицо не такое красное, каким кажется сейчас.
Он выгибает бровь.
— Ты выглядишь не такой измученной, как я ожидал.
— Какого черта тебе нужно? - огрызаюсь я, захлопывая шкафчик и вешая на плечо сумку для плавания.
Он поднимает руки вверх с высокомерной ухмылкой на губах.
— Просто говорю, что ожидал увидеть тебя немного более потрепанной после встречи с Ниткиным.
— Откуда ты знаешь, потрепали меня или нет? - Спрашиваю, раздраженная тем, что этот мудак вообще разговаривает со мной.
Достаточно того, что он лучший друг Элиаса, и ему тоже нравится донимать Нат, но я не собираюсь терпеть его дерьмо. Я не знаю, что Элиас имеет против нее в этом году, но точно ничего хорошего.
— Потому что, если бы ты побывала под его хлыстом, тебе бы сейчас было больно. - Он самоуверенно

ухмыляется. — А в твоем выражении лица нет боли.
— У него было более примитивное наказание для меня. - Я толкаю его. — А теперь убирайся с моей дороги.
Он усмехается.
— Ты продолжаешь слишком легко отделываться от Ниткина. И мне интересно, почему?
Я удаляюсь по коридору, игнорируя его насмешку. Ник - мудак, но он прав. Две моих последних встречи с профессором обошлись без телесных наказаний. Если так пойдет и дальше, то вскоре люди зададутся вопросом, почему меня не наказывают так же, как всех остальных.
Не то чтобы я собиралась в ближайшее время оказаться у него.
Кого, черт возьми, я обманываю?
Я хочу, чтобы утром первым делом меня отправили обратно к нему после того, что только что произошло. Черт, я бы провела остаток обучения в наказаниях от Ниткина, если бы это было хоть немного похоже на то, что я только что пережила.
Когда я прихожу, в бассейне относительно тихо, а Адрианна ждет меня на скамейке у бортика, нетерпеливо постукивая ногой в купальнике.
— Наконец-то!
— Извини, меня отправили к Ниткину.
Она закатывает глаза.
— Только не снова. Что ты сделала на этот раз?
— Делала задание по анатомии на уроке права.
— Это значит, что тебе будет слишком больно плавать?
Я качаю головой.
— Нет, он просто задал мне написать эссе, - вру я, мои щеки пылают, поскольку я не могу выкинуть из головы образ того, как он поглаживал свой член в нескольких дюймах от моего лица. Или то, как он приказывал мне,

словно животному. Это было сверхэротично, в каком-то очень хреновом смысле.
— Спасибо, блядь, за это. - Она кивает в сторону раздевалки. — Одевайся.
Я бегу в раздевалку и переодеваюсь в купальник так быстро, как только могу. Когда возвращаюсь, мое сердце замирает при виде тренера Дэниелса, загоняющего Адрианну в угол.
— Эй, оставьте ее в покое, - выкрикиваю я, бросаясь к ним.
Тренер впивается в меня взглядом, его темные глаза злее, чем я когда-либо видела.
— Морроне, разве Ниткин не преподал тебе урок в прошлый раз, когда ты проявила ко мне неуважение? - Его ноздри раздуваются. — Или нужно повторить?
Я тяжело сглатываю, понимая, что если надавить на него, то это приведет к еще большему наказанию.
Адрианна быстро качает головой, давая мне понять, что справится с этим, но ясно, что тренер заходит с ней слишком далеко. Он не оставит ее в покое.
Я сжимаю челюсть и киваю.
— Отлично, я иду в бассейн.
Я отхожу от них, оставляя его домогаться моей подруги вопреки здравому смыслу. Очевидно, что он не остановится, пока не залезет к ней в трусики, или пока она не сбежит из этой академии в конце года.
Я встаю на блок и ныряю, наслаждаясь тем, как меня обволакивает холодная вода. Затем перехожу на вольный стиль и разогреваюсь заплывом на четыреста ярдов (*прим. пер. 365 метров)* в легком темпе. Закончив разминку, замечаю, что Адрианна уже плавает, а тренера Дэниелса, к счастью, не видно.
Она останавливается в конце и снимает защитные очки.
— Ты пыталась снова попасть к Ниткину?
Я качаю головой.

— Нет, но этот парень, блядь, загнал тебя в угол.
— Не беспокойся об этом. Я справлюсь с тренером. - Адрианна пожимает плечами. — Этот засранец заставляет нас выйти с ним куда-нибудь сегодня вечером.
— Выйти? - Спрашиваю я.
Она кивает.
— Да, Оак никуда не пойдет без Евы, а Ева хочет, чтобы мы вдвоем были рядом. Так что мы отправляемся в город. - Она тяжело вздыхает. — Я не хочу находиться рядом с этим мудаком, но не могу отрицать, что не прочь выбраться и немного выпить.
— Значит, мы втроем встречаемся с тренером Дэниелсом и директором Бирном? - уточняю я.
Она кивает.
— Да, и, вероятно, профессором Ниткиным.
Мое тело покалывает при одном упоминании его имени. После наказания, которое он мне сегодня устроил, мысль о том, чтобы провести с ним ночь, заставляет мой желудок трепетать.
— Держу пари, Нат будет завидовать.
— Завидовать, почему?
Я пожимаю плечами.
— Потому что мы действительно можем выехать отдохнуть и не попасть в неприятности из-за этого.
Адрианна кивает.
— Наверное.
— Интересно, как у нее дела в Бостоне.
— Кто знает? Наверное, наслаждается отдыхом вдали от этой дыры. - Говорит Адрианна.
— Вероятно. Просто странно, когда кого-то из нас здесь нет, правда?
Адрианна кивает в ответ.
Мой желудок все еще подрагивает от мысли, что я проведу сегодняшний вечер в баре с профессором

Ниткиным.
— Меньше болтовни и больше плавания, - говорю я.
Адрианна поджимает губы, так как обычно, это она говорит мне заткнуться.
— Хорошо. - Она окидывает взглядом бассейн. — Я чувствую себя в настроении для какого-нибудь попурри.
Я качаю головой.
— Ты всегда в настроении для него, а я наоборот. Буду придерживаться фристайла.
— Слабачка. Ладно, давай для начала сделаем десять повторений по сто ярдов.
Я киваю в ответ, и мы начинаем наши заплывы. Мои мысли едва ли заняты плаваньем, поскольку в голове проносятся грязные воспоминания о том, что Гаврил сделал со мной менее тридцати минут назад. Это ужасная идея - пойти вечером в бар, когда там будет он. Я не смогу сосредоточиться ни на чем, кроме того, что чувствовала, когда была в его власти, пока он обращался со мной не лучше, чем с собакой, и как сильно мне это понравилось.

— Не могу поверить, что мы идем отдыхать с учителями. Это немного странно, да? - Спрашиваю я, надеясь, что каким-то образом смогу убедить подруг отменить всё.

— Ты ведь понимаешь, что один из этих учителей - мой муж, верно?
Я тяжело вздыхаю.
— Да, но двое других - нет. Не говоря уже о том, что один из них не перестает приставать к Адрианне.
— Если он будет вести себя неподобающе, я сразу же разберусь с ним, а Оак меня поддержит, - говорит Ева, подкрашивая губы перед зеркалом.
— У тебя такое несправедливое преимущество, - стонет Адрианна. — Хотела бы я найти способ навсегда избавиться от тренера.
— Переспать с ним было бы самым эффективным способом, - говорю я.
Адрианна лишь молча сверлит меня взглядом, натягивая платье и застегивая его спереди.
Я поднимаю руки вверх.
— Извини, я знаю, что ты этого не хочешь, но факт в том, что этот мужчина не перестанет преследовать тебя, пока не получит то, что хочет.
Она издает раздраженный звук, и ее плечи опускаются.
— Я знаю.
На самом деле я немного удивлена, что она это признает, ведь Адрианна – само определение упрямства. Хотя, думаю, что она, возможно, встретила достойного соперника в лице Дэниелса. Они оба упрямы и решительны, и я боюсь, что в конце будут только слезы.
— Прости, что говорю все как есть, - говорю я, подходя к ней и обнимая ее. — Просто этот человек упрям, как мул.
— Расскажи мне об этом. - Адрианна бросает взгляд на Еву. — Я до сих пор не спрашивала, но ты думаешь, Оак может что-нибудь с этим сделать?
Она поджимает губы.

— Я уже спрашивала его пару недель назад, и он сказал, что поговорит с ним. - Она качает головой. — Это сложно, потому что они близкие друзья.
Адрианна закатывает глаза.
— Думаю, мне придется найти способ использовать это в своих интересах.
— Использовать что? Внимание тренера? - Спрашивает Ева.
Адрианна кивает.
— Не волнуйтесь. У меня есть план. - Она выглядит решительной, поправляя прическу перед зеркалом. — К тому времени, как я с ним закончу, он пожалеет, что связался с Васкез.
— О нет, только не говори мне, что ты уговоришь свою семью совершить на него покушение, - говорю я, так как знаю, какими безжалостными они могут быть.
— Нет, ничего настолько радикального. - Она смеется. — Он чертовски раздражающий, но я бы не зашла так далеко, чтобы сказать, что хочу его смерти. - Она делает паузу. — Пока.
Ева смеется.
— Может, к концу года ты передумаешь.
— Может быть, - говорит Адрианна, хватая свой клатч с туалетного столика. — Вы двое готовы? Чем быстрее мы с этим покончим, тем лучше.
Я склонна согласиться. Боюсь, что единственный человек, который действительно получит удовольствие от сегодняшнего вечера, - это Ева. После того, что Ниткин сделал со мной ранее, я с трудом переношу мысль о встрече с ним лицом к лицу.
— Как мы доберемся до города?
— Оак отвезет нас.
Я тяжело сглатываю.
— Только нас троих, верно?
Она выгибает бровь.

— Да, Арчер и Гэв встретят нас там.
Гэв.
Я немного ревную, что она так небрежно обращается к нему по имени, что нелепо, поскольку Ева более чем незаинтересована. Черт возьми, она замужем.
Адрианна морщит нос.
— Разве не странно называть их по именам?
Ева качает головой.
— Не совсем, ведь Оак часто говорит о них. Теперь даже как-то странно называть их профессором Ниткиным или тренером Дэниелсом.
— Логично, - говорю я, соединяя руки с Евой и Адрианной. — Давайте начнем нашу вечеринку.
Я стараюсь казаться как можно более хладнокровной и вести себя как обычно, но в глубине души я вся на нервах. Сегодня я увижусь с Гаврилом Ниткиным за пределами академии после того, как он кончил мне на лицо несколько часов назад. Время не могло быть подобрано хуже, и я просто надеюсь, что мы доберемся туда раньше него, чтобы я смогла немного выпить и снять напряжение перед встречей с ним.

Глава 10

Гаврил

— Мы уходим, - говорит Арчер.
Я качаю головой.
— Нет, спасибо. В прошлый раз, когда ты уговорил меня выйти куда-нибудь, мы застряли с кучей студентов.
— Это не подлежит обсуждению. Я даже заставил Оака согласиться.
Я вскидываю бровь.
— А вот в это я не уверен, что верю.
— Ну так поверь. - Он бросает на меня строгий взгляд.
— Ты ни за что не выкрутишься, раз Оак согласен.
Я тяжело вздыхаю.
— И мы можем гарантировать, что нас не побеспокоят студенты?
— Не совсем.
Я хмурюсь.
— Что значит “не совсем”?
— Ну, одно из условий присутствия Оака - чтобы Ева и ее подруги тоже поехали.
Я тяжело вздыхаю и щиплю себя за переносицу.
— И дай угадаю, это включает Адрианну Васкез?
Его темные глаза вспыхивают смесью гнева и желания.
— Да.
— Забудь об этом. Я не пойду.
Я ни за что не могу доверять себе в том, что смогу просидеть в баре с Камиллой Морроне всю ночь и не зайти слишком далеко.

— Ты собираешься заставить меня и Оака тащить тебя силой?
Я сжимаю челюсть, и злобно смотрю на Арчера.
— Ты можешь быть настоящим засранцем. Ты знал об этом?
— Да, - говорит он, пожимая плечами. — Но я привлекательный засранец.
Оак заходит в учительскую.
— О чем вы двое треплетесь? Вас слышно из коридора.
— Я говорю этому мудаку, что не хочу никуда идти вечером.
У Оака сжимается челюсть.
— Удачи. Этот парень – чертово наказание. Он не сдастся, пока ты не встанешь на колени.
Мои глаза сужаются.
— Хотел бы я посмотреть, как он попытается.
Арчер смеется.
— Просто сделай это проще для всех нас и перестань быть кайфоломом.
— Мы же больше не пойдем в тот сомнительный бар? Потому что место было чертовски ужасным.
— Нет, - говорит Оак, проводя рукой по волосам. — Я выбрал место получше. Там не будет полно студентов. - Он сжимает челюсть. — Кроме троих, которых мы берем с собой.
— Троих? - Спрашиваю я, удивляясь, почему не четверо. Ева общается с Камиллой, Адрианной и Натальей.
— Да, Наталья Гурин все еще в Бостоне на свадьбе своего брата.
Мой желудок опускается, так как какая-то часть меня надеялась, что Камилла не поедет. Потому что я просто не могу быть уверен, что смогу держать свои руки при себе, не за пределами кампуса, не после того, как она была такой нетерпеливой, хорошей девочкой, когда позволила мне кончить ей на лицо.

Я стискиваю зубы.
— Прекрасно, но это совершенно неуместно, чтобы студентки выходили куда-то с нами.
— Отчаянные времена требуют отчаянных мер, - говорит Арчер.
— И что ты хочешь этим сказать?
Он вздыхает.
— Васкез заставляет меня попотеть. Возможно, если я смогу ослабить её бдительность, она наконец сдастся.
— С какой целью? У тебя будет еще одна зарубка на столбике кровати.
Отвратительно, как безжалостно он преследует Адрианну, тем более что для него это завоевание и ничего больше.
Его челюсть сжимается.
— Не совсем. - В его глазах появляется странное выражение, когда он качает головой. — Давай просто повеселимся сегодня. Ты знаешь, как это делается, Гэв?
Я бросаю на него взгляд.
— Мое представление о веселье полностью отличается от твоего, Арчер.
— Да, потому что ты садист, который любит причинять боль. Я знаю.
На самом деле, Арчер не имеет ни малейшего понятия. Как и Оак. Никто не знает о глубине моей испорченности или о том, как сильно мне не достает человечности. Внутри меня всегда была эта темная пустота, сколько себя помню. Но я чувствую, как она становится больше с каждым днем.
Мое детство в России было мрачным и извращенным, и большую его часть я отбросил, но знаю, что именно оно породило эту пустоту, эту тьму. И я подпитывал это своими порочными желаниями. Тьма настолько разрослась, что, кажется, полностью контролирует

меня, и теперь я знаю, что не существует способа удовлетворить мою жажду крови и разрушений.
Я думал, что дисциплинирование учеников будет достаточно хорошей отдушиной, чтобы сдерживать свои порывы, но с некоторых пор они стали выходить из-под контроля. Несколько лет назад я позволил своему безумию взять верх. Помощница учителя по имени Гейл была в определенной степени мазохисткой, и у нас начались интимные отношения.
Как и большинство саб, она привязалась ко мне, но я позволил этому продолжаться слишком долго. Позволил привязанности углубиться, наслаждаясь не только физической, но и эмоциональной болью, которую причинял. А потом нас поймали. Оак отправил ученицу для наказания и она вошла в мой подвал, когда я трахал девушку, привязанную к качелям, и резал ей кожу, заливая кровью нас обоих.
Студентка закричала и побежала прямо к Оаку.
Тогда у нас были большие проблемы. Дело было не столько в том, что мы трахались, сколько в том, что это было во время уроков, и свидетелем стала относительно юная ученица. Гейл уволили, потому что она недолго проработала в академии, а мне Оак назначил испытательный срок на три месяца. Он не хотел увольнять меня, так как знал, что мне некуда идти, но пояснил, что мне нужно сдерживать свои садистские наклонности, по крайней мере, на территории школы.
Вот почему Камилла Морроне так опасна. Она мазохистка в большей степени, чем когда-либо была Гейл, и ее стремление к боли будет только подпитывать мое желание причинить ее.
— Гэв?
Я качаю головой.
— Что?

— Я сказал, встретимся здесь через час, хорошо? - Спрашивает Арч, пристально глядя на меня.
Я киваю.
— Хорошо.
Я должен сказать ему, чтобы он засунул свое предложение себе в задницу, но какая-то часть меня хочет быть ближе к Камилле. Часть меня, которая хочет исследовать эту гребаную динамику между нами дальше. Выяснить, насколько мисс Морроне на самом деле мазохистка.

Бар, который выбрал Оак, намного лучше, чем тот, куда водил нас Арч перед зимними каникулами. Стильный и не такой шумный. В таком месте мы бы никогда не наткнулись ни на одного студента, и все же мы, черт возьми, пригласили троих из них сегодня вечером.
Я замечаю, что Оак и Ева уже сели за столик в конце зала. Вместе с Адрианной и Камиллой, которые повернуты спиной ко мне. Мы с Арчером добрались сюда вместе на такси, и это означает, что я могу сбежать, когда захочу.
Тяжелая рука опускается мне на плечо.
— Чего ты ждешь, Гэв?
Я стряхиваю руку Арчера.
— Держи свои руки при себе.
Он поднимает вверх обе.
— Прости, забыл, какой ты обидчивый.

Иногда я удивляюсь, почему вообще терплю этого идиота.
— Давай повеселимся.
Он подмигивает и самоуверенным шагом направляется в бар к девушкам и Оаку.
Я тяжело сглатываю и иду следом, зная, что сегодняшний вечер - ошибка еще до того, как он начался. Как только подхожу к столику, я понимаю, что единственное свободное место - рядом с Камиллой.
Чертовски идеально.
Я молча сажусь, бросая при этом взгляд на неё.
Ее щеки покрываются румянцем, когда она встречается со мной глазами.
— Добрый вечер, сэр.
Я скриплю зубами.
— Добрый вечер, мисс Морроне.
— Вы оба опоздали, - говорит Оак, глядя на меня.
Я пожимаю плечами.
— Прошу прощения, задержался.
Он выгибает бровь, но не задает вопросов. Дело в том, что я опоздал, потому что на самом деле не хотел приходить. Я не знаю, в чем оправдание Арчера, поскольку именно он устроил эту чертову затею.
— Здесь мило, правда, Адрианна? - Спрашивает Арчер, садясь слишком близко к ней.
Девушка выглядит так, словно готова вцепиться ему в горло.
— Не особенно.
Ева прочищает горло.
— Когда ты собираешься оставить Адрианну в покое, Арчер? - спрашивает она, свирепо глядя на него.
Я удивлен, что Ева допрашивает его, но, честно говоря, у нее есть Оак для защиты. Если кто-нибудь нагрубит Еве, я уверен, что он убьет его, даже если это будет Арчер.

— Я остановлюсь, как только она отдаст мне то, что моё.
Выражение лица Евы становится разъяренным.
— И что же это?
Он ухмыляется, поднося бокал к губам.
— Адрианна знает.
Он делает глоток.
— Я ни черта тебе не должна, - говорит она.
Я поворачиваюсь к Камилле.
— Что ты думаешь об этой ситуации?
Она поджимает губы.
— Думаю, Вы знаете, после того, за что меня отправили к Вам на днях.
Я усмехаюсь.
— Действительно. Но ты не усвоила урок, не так ли?
Теперь щеки Камиллы красные, как вишня.
— Я не знаю, сэр.
— Не очень убедительно, мисс Морроне. Возможно, в следующий раз мне нужно будет постараться сильнее.
— В следующий раз? - она пищит, ее голос такой высокий, что это восхитительно.
Я наклоняюсь к ней еще ближе, наслаждаясь тем эффектом, который произвожу на нее.
— За две недели мне пришлось трижды наказать тебя. Хотя до этого был всего один случай за все время твоего обучения в СА. Что-то подсказывает мне, что в этом году мы будем чаще видеться, или я ошибаюсь?
Её горло подрагивает, когда она хватает свой напиток и делает большой глоток.
— Я не знаю, сэр.
Я дотягиваюсь до ее запястья под столом и нащупываю пульс, который учащается в тот момент, когда мои руки касаются ее.
— Скажи мне правду, Камилла. Ты специально попадаешь в неприятности? - Я говорю тихо, чтобы

никто за столом не услышал.
Ее глаза расширяются, и она пытается высвободить свою руку, но я крепко держу ее.
— Нет, - просто отвечает она, глаза сужаются.
Ее пульс подскакивает в тот момент, когда она лжет.
Я наклоняюсь к ней ближе.
— Вы лжете мне, мисс Морроне.
Она облизывает губы, привлекая к ним мое внимание.
Я хочу прикусить их до крови.
— Скажи мне правду.
Ее глаза слегка расширяются, она делает долгий глоток своего напитка, а затем наклоняется ближе ко мне.
— Правда в том, сэр, что мне нравится быть наказанной и я вела себя как отродье, чтобы меня отправили к Вам, да.
От ее признания что-то внутри меня разгорается, потому что это подтверждение, в котором я нуждаюсь. Камилла Морроне хочет меня самым первобытным образом, и я испытываю сильнейшее искушение дать ей желаемое, хотя бы для того, чтобы увидеть, как она с криками убегает. Но больше всего я боюсь, что даже когда она увидит масштабы моих развратных вкусов, она останется и будет наслаждаться этим.
— И как скоро ты хочешь, чтобы тебя отправили ко мне после сегодняшнего дня? - Спрашиваю, зная, что та грань, с которой я флиртую, чертовски опасна.
Теперь она наклоняется ко мне еще ближе и шепчет на ухо.
— Первым делом завтра утром. Черт, да я бы просидела у Вас до конца года, если бы это было похоже на предыдущие наказания.
Мой член растет в штанах, и я откидываюсь назад, ища любой признак неуверенности в медово-карих глазах. Она не знает, как опасно играть с таким мужчиной, как я.

— Осторожнее, малышка, тебя может просто разорвать на части, - бормочу в ответ, кладу руку ей на бедро и мягко сжимаю.
Ее губы сжимаются, и я вижу, как расширяются ее зрачки почти сразу же, как только мои руки оказываются на ней. Садистские наклонности всегда заставляли меня остро чувствовать реакцию женщины на меня, и прямо сейчас я наслаждаюсь тем, как краснеют ее щеки, а грудь поднимается и опускается все сильнее и быстрее с каждым вдохом. Ее зрачки расширились так сильно, что я не могу точно сказать, это только от желания или частично от страха, но и то, и другое опьяняет.
Мою ладонь покалывает на ее ноге, желание обхватить ею ее горло и почувствовать, как учащается пульс, так чертовски соблазнительно, но я сопротивляюсь. В конце концов, мы сейчас на публике.
Внезапно Камилла встает и ладонь падает с ее бедра.
— Извините, я на минутку, - говорит она, прежде чем броситься прочь сквозь толпу к выходу из бара.
Правильно, малышка, убегай, пока монстр не уничтожил тебя. Я выжидаю несколько секунд, а затем встаю и следую за ней, не утруждая себя извинениями. Погоня - одно из самых острых ощущений, которые может испытать садист, и Камилла играет мне на руку. Боюсь, что не смогу долго сдерживать себя.

Глава 11

Камилла

Я выхожу из бара, чтобы подышать свежим воздухом, так как я едва могла сделать вдох, когда профессор Ниткин был так близко от меня. По какой-то безумной причине я призналась ему, что нарочно ввязывалась в неприятности, но как будто каждый раз, когда он что-то требует от меня, я не могу ему отказать.

И поэтому, когда он потребовал правды, мне пришлось выложить ее ему. В баре душно, но думаю, что мне так жарко из-за него и того, как он смотрит на меня.

Я провожу рукой по шее, а затем прислоняюсь к прохладной кирпичной стене и закрываю глаза. Приятно подышать свежим воздухом, а то казалось, что я могу задохнуться внутри.

— Проблемы, Морроне?

Его голос где-то слева заставляет меня замереть одновременно от страха и предвкушения. Тон такой греховно глубокий, что мои бедра сжимаются, когда я представляю все те грязные вещи, которые хочу, чтобы он сделал со мной.

Я наклеиваю улыбку, хотя знаю, что она не достигает моих глаз, прежде чем поворачиваюсь к нему.

— Мне просто нужно было немного воздуха.

Он выгибает бровь и подходит ко мне ближе, заставляя мурашки покрывать каждый сантиметр открытой кожи.

— Я бы не сказал, что там так уж тепло.

Я тяжело сглатываю.

— Так и есть, когда я сижу рядом с Вами.

Его взгляд скользит по всей длине моего платья, а затем возвращается к моим глазам.
— Правда? - Он придвигается ближе, заставляя мое сердце сильнее биться о грудную клетку. — Потому что ты не можешь перестать думать о моем члене, не так ли, Морроне?
Мой язык облизывает губы, пока я размышляю, как, черт возьми, я должна ответить на этот вопрос. Честность побеждает.
— Это так, сэр. Не могу.
Вспышка восторга в его глазах должна была бы напугать меня, но прямо сейчас я слишком возбуждена, чтобы бояться. Он бросает взгляд через стеклянную дверь бара на столик, и кивает в сторону переулка.
— Иди туда, сейчас же, - приказывает он.
Доминирование в его тоне так чертовски привлекательно. Я никогда не думала, что слушать приказы может быть так сексуально. И все же он отдает мне приказ, и все мое тело покалывает от возбуждения, когда я делаю то, что сказано, и слышу, как он называет меня хорошей девочкой. Я киваю ему и иду по переулку.
— Остановись, - приказывает он.
Я останавливаюсь, но не оборачиваюсь. Кажется, что каждый нерв в моем теле горит от возбуждения, и я слегка подрагиваю, не в силах унять дрожь в мышцах. Предвкушение, черт возьми, почти убивает меня, ведь все, что я слышу, - это свое тяжелое дыхание и отдаленный ритм музыки в баре. Профессор Ниткин дышит так тихо, что я даже не слышу его, и это заставляет меня вздрагивать.
— Вы боитесь, мисс Морроне? - спрашивает он, его рука едва скользит по моему бедру, когда он сокращает расстояние между нами.
— Нет, сэр.

Он наклоняется к моему уху, и дыхание щекочет его.
— А следовало бы.
Я дрожу.
— И почему же?
— Потому что ты соблазнила монстра выйти и поиграть, а монстры никогда не играют честно.
Он хватает меня за бедра так сильно, что у меня перехватывает дыхание, и поворачивает лицом к себе.
Карие глаза почти сияют в тусклом свете уличных фонарей, и, глядя на него, я понимаю, что никогда в жизни не видела такого ужасающе прекрасного образа.
— Ты понимаешь, Камилла?
Я киваю в ответ.
— Да, сэр. Хотя, думаю, мне нравится, когда Вы играете нечестно.
Его ноздри раздуваются.
— Похоже, ты права.
Я замечаю, как поднимается и опускается его грудь при глубоких хриплых вдохах, а неповторимые ореховые глаза смотрят на меня с такой интенсивностью, которая могла бы сбить меня с ног, если бы не его поддержка.
Его сильная и болезненная хватка на моем бедре - напоминание о том, насколько опасен этот мужчина. Насколько он развращен. Я дрожу, но не из-за холода, а потому, что этот мужчина воздействует на меня так, как мне и не снилось.
— Сэр, что мы...
Прежде чем я успеваю закончить предложение, он резко притягивает меня к себе, и его губы накрывают мои. Проникая языком внутрь, он исследует мой рот с неистовым отчаянием, целуя меня решительно и требовательно.
В этом нет ничего нежного, он пожирает меня изнутри, цепляясь за мои бедра.

Я стону и кладу руки на его широкие мускулистые плечи, желая лишь одного, - оказаться к нему как можно ближе, насколько это физически возможно. Как будто он был нужен мне всю жизнь. Как будто я ждала этого момента.

Он отрывает меня от земли, заставляя обхватить ногами его сильные бедра. А затем его губы перемещаются от моих ниже к ключице, где он сильно кусает меня.

Я вскрикиваю от неожиданности, но боль только усиливает жар, вспыхивающий между нами. Жар, который словно хочет сжечь меня дотла и оставить после себя лишь пепел.

Моя боль не останавливает его, и он продолжает кусать кожу, как бешеный зверь. Постепенно мои удивленные визги превращаются во всхлипы удовольствия, и я запускаю пальцы в его темные волосы, чувствуя, как глубоко внутри нарастает давление. Инстинктивно мои бедра двигаются вверх-вниз, пытаясь найти трение в моем пульсирующем центре.

— Я, блядь, хочу поглотить тебя, Камилла, - стонет он напротив моей кожи. — Ты бы убежала далеко-далеко, если бы знала, какие дерьмовые вещи я хочу с тобой сделать.

— Возможно, Вы недооцениваете, насколько я испорчена, - выдыхаю я, когда он оттягивает переднюю часть моего платья и грубо посасывает мой сосок. А потом он кусает, и я не могу поверить, насколько приятной кажется боль.

— Сэр, что Вы…

— Тихо, - рычит он, оттягивая другую сторону платья вниз и проделывая то же самое с другим соском.

Я стону, мои трусики мокрые между бедер, и я трусь о твердую выпуклость в его промежности. Потребность в

нем настолько всепоглощающая, что кажется, будто она пытается поглотить меня целиком.
— Пожалуйста, сэр.
Он останавливается, глядя на меня с диким выражением лица.
— Пожалуйста, что? Чего ты хочешь, Камилла?
Я тяжело сглатываю, теряя храбрость, которая была у меня минуту назад, когда смотрю в манящие карие глаза.
— Я не уверена.
— Лгунья, - рычит он, кусая мою ключицу, как животное, пока я не убеждаюсь, что он собирается проткнуть кожу.
— Скажи мне, чего ты хочешь. - И тогда действительно он кусает меня достаточно сильно, чтобы проколоть кожу, слизывая мою кровь, как зверь. — Скажи мне, сейчас же.
— Вас, - хнычу я, моя киска такая влажная, что я чувствую, как мои трусики промокли между бедер. — Я хочу Вас, сэр.
— Что ты хочешь, чтобы я с тобой сделал? - Он прокладывает поцелуями дорожку вверх по моей шее, а затем прикусывает мочку уха, заставляя меня вздрогнуть. — Я хочу подробностей от твоего грязного маленького мазохистского ума.
Я нервно сглатываю.
— Всё. Я хочу, чтобы Вы сделали мне больно, сэр.
Он сильно щиплет мои соски, заставляя все мое тело содрогаться.
— Вот так?
Я киваю и хнычу.
— Да, и я хочу, чтобы Вы унизили меня. Чтобы обращались со мной как со своим питомцем.
Он гортанно стонет и трется твердым членом о мой центр.

— Расскажи мне больше.
— И я хочу, чтобы Вы дразнили меня и отвергали до тех пор, пока я не начну умолять Вас трахнуть меня.
Из его горла вырывается звериный рык, и он сильно кусает мою нижнюю губу, пока я не чувствую вкус крови.
— Ты хочешь, чтобы я трахнул тебя, Камилла? Ты уверена, что знаешь, о чем просишь?
Я киваю в ответ.
— Да, сэр. Я хочу этого больше всего на свете.
Его ноздри раздуваются, когда он отстраняется и изучает мое лицо своими прекрасными глазами.
— Ты хочешь подарить монстру свою девственность? Всё верно, Камилла?
Я киваю, моя голова падает назад, пока он продолжает пожирать мою кожу зубами и губами.
— Я так сильно хочу Ваш член, сэр.
— Блядь, - стонет он, прижимая меня спиной к стене. Я чувствую его руку у себя между бедер, и он срывает с меня трусики, ткань рвется от его прилагаемой им силы.
— Такая охренительно мокрая. - Внезапно, без предупреждения, он вводит в меня два пальца, заставляя меня застонать, выгибаясь в его руках. — Такая грязная маленькая шлюшка, мисс Морроне. Моя маленькая грязная шлюшка.
— Ваша, сэр.
— Сегодня я накажу тебя как следует.
Я хмурюсь.
— За что?
— За тот оргазм во время нашего первого сеанса. Это было наказание, а не награда. - Он ставит меня на ноги, а сам опускается на колени, отодвигая одно из моих бедер. — Теперь будь хорошей девочкой и не двигайся.

Я вздрагиваю, когда он приподнимает юбку моего платья, не понимая, как это вообще может быть наказанием.
Его язык щелкает по пульсирующему клитору, и мои колени почти подгибаются. Однако он удерживает меня своей сильной рукой. А затем его язык проникает глубже между бедрами, и он пирует на мне, как зверь.
Моя голова откидывается назад, ударяясь о грубую кирпичную стену позади, и я изо всех сил пытаюсь набрать в легкие достаточно кислорода.
Это происходит на самом деле?
Я снова смотрю на него и обнаруживаю, что его неповторимые карие глаза прикованы к моему лицу, пока он сосет, покусывает и облизывает меня. Даже не верится, что Гаврил Ниткин находится между моих бедер и пожирает меня так, как я могла только мечтать в своих фантазиях.
Напряженность в его взгляде одновременно возбуждает и пугает меня, когда он толкает меня всё выше. Давление внутри нарастает с такой скоростью, что я не уверена, что смогу долго сдерживаться.
— О Боже, профессор, - стону, запуская пальцы в его темные волосы. — Я сейчас кончу.
Я впиваюсь зубами в нижнюю губу, и тут он внезапно останавливается, оставляя меня задыхающейся и на грани освобождения.
— Но плохие девочки не кончают, Камилла. - Тон его голоса – чистое зло, он приподнимает бровь. — Ты не заслуживаешь оргазма.
Мое сердце бешено колотится в груди, когда я понимаю, что именно это и было его намерением с самого начала.
Наказать меня.
Я с трудом сглатываю.
— Вы серьезно?

На его губах играет дьявольская ухмылка.
— Смертельно. - Внезапно он сильно кусает меня за бедро, причиняя боль. — Я хочу продолжать подвешивать тебя на краю обрыва и смотреть, как ты корчишься в блаженной агонии, в то время как я отказываю тебе снова и снова, пока ты не заплачешь от отчаяния. - Он кусает меня за другое бедро. — И даже тогда я не отступлю.
Я содрогаюсь при мысли о том, что он будет так мучить меня, но какая-то часть меня наслаждается этой идеей. Что, черт возьми, со мной не так?
— Интересно, сломает ли тебя наконец это наказание? Является ли отказ от оргазма высшей карой для такой грязной девчонки, как ты, мисс Морроне?
Я тяжело сглатываю, зная, что то, что сказала раньше, было правдой. Все, что этот мужчина делает со мной, доставляет удовольствие, даже если он мучает меня до слез. Даже если в конце я буду умолять его об освобождении.
— Я не знаю, сэр.
Он слегка наклоняет голову.
— Давай выясним это.
А потом он снова поглощает меня, его глаза сосредоточены на моем лице, как будто выискивая на нем признаки того, насколько я близка к тому, чтобы развалиться на части.
Я еще сильнее выгибаю спину, прижимаясь к кирпичной стене, и провожу пальцами по его волосам, из-за чего раздается звериное рычание.
— Никаких прикосновений, Морроне.
Я убираю пальцы из его волос и тяжело вздыхаю, прижимая их к стене позади себя.
— Так несправедливо.
Он прикусывает зубами мой клитор, посылая волну шока по всему моему телу.

— Наказание никогда не бывает справедливым, Камилла.
Я стону, когда его язык снова подталкивает меня к краю, мое дыхание становится затрудненным. Невероятно, насколько он искусен в этом. Как легко он подталкивает меня к кульминации, наблюдая за моим лицом.
Я пытаюсь оставаться бесстрастной, но это невозможно. Удовольствие не похоже ни на что из того, что я испытывала.
— Профессор, - хнычу я, с благоговением глядя в его красивые глаза.
— Что, мисс Морроне? - спрашивает он, дьявольски ухмыляясь мне.
— Мне нужно кончить, - говорю я, тяжело сглатывая. — Пожалуйста.
Его ухмылка становится шире.
— И каким это будет наказанием?
Я знаю, что он не даст мне того, чего я хочу, как бы сильно я ни умоляла его об этом, поэтому просто впиваюсь зубами в нижнюю губу.
— Камилла!
Голос Адрианны прорывается сквозь безумный туман, в который мы оба погрузились, и возвращает нас к реальности.
Я замираю, в ужасе от перспективы быть пойманной одной из моих лучших подруг в таком положении, когда профессор-садист стоит на коленях с головой между моих бедер.
Хотя Ниткин останавливается, он выглядит таким же невозмутимым, как всегда, когда вытирает мое возбуждение со своего рта и медленно встает, глядя в мои глаза с такой интенсивностью, что у меня перехватывает дыхание. Это говорит мне о том, что я

преследовала монстра, и теперь я в его власти. И, как ни странно, я в восторге от этого.

Глава 12

Гаврил

— Камилла!
Голос Адрианны Васкез эхом разносится по переулку, заставляя нас обоих застыть, как статуи.
Я вытираю восхитительное возбуждение Камиллы со рта, а затем поднимаюсь на ноги, не сводя с нее взгляда.
Она уже собирается заговорить, когда я подаюсь вперед и закрываю ей рот рукой.
— Тихо, - произношу одними губами.
Она кивает в ответ, ее глаза шире, чем блюдца.
Я убираю руку от ее рта, но вместо этого хватаю ее за бедра. Мне не нравится мысль о том, чтобы отпустить ее прямо сейчас. Попасться на глаза ученице было бы не лучшим вариантом, но на самом деле это не такая уж большая проблема. В конце концов, Арчер пытается залезть в трусики Васкез. Это не является чем-то неслыханным, и, в отличие от Оака, я не несу ответственности за репутацию академии. Однако в действительности я не хочу, чтобы этот пузырь, в котором мы оказались, лопнул.
Встречи тайком только делают всё еще более захватывающим. Я знаю, что мне не следовало переходить черту с такой ученицей, как Камилла. Девственница, которая явно не наивна, но с девственницами могут быть сложности. Они легко привязываются. Однако я ничего не могу с собой поделать. Она слишком, блядь, идеальна.

— Где она, черт возьми? - Адрианна бормочет себе под нос, прежде чем, наконец, направиться обратно в бар.
Камилла с облегчением прислоняется к стене, а затем ее глаза снова расширяются.
— Не могу поверить, что нас чуть не поймали.
Я пожимаю плечами.
— Часть острых ощущений. - Я киваю в сторону бара. — Нам лучше вернуться, пока они не отправили поисковую группу.
Легко заметить вспышку разочарования в ее глазах.
— Наверное. - Она зажимает нижнюю губу между зубами. — Но мои трусики порваны.
Я крепче сжимаю ее бедра.
— И никто не узнает об этом, кроме меня. С тебя будет капать на сиденье, и ты устроишь беспорядок, думая о моем языке?
Я приближаю свои губы к её, зная, что она жаждет поцелуя, но все равно продолжаю её дразнить и мучить.
— Да, сэр, - стонет она, желание в ее голосе откровенно греховное.
— Хорошо. - Я хватаю ее за запястье и тяну по переулку, пока мы не доходим до конца. — Теперь ты заходи первой. Я немного подожду. - Я выгибаю бровь. — Мы же не хотим, чтобы у кого-то возникли подозрения?
Ее ноздри раздуваются, но она качает головой.
— Нет, сэр.
Я шлепаю ее по заднице.
— А теперь поторопись.
Она стонет, а затем отходит от меня, ее бедра раскачиваются из стороны в сторону самым дразнящим образом. Мой член непрерывно пульсирует в тесных трусах, пока я наблюдаю за ней, зная, что остаток ночи будет для меня настоящей гребаной пыткой – сидеть рядом с ней и не иметь возможности прикоснуться,

попробовать ее на вкус, поглотить ее всеми возможными физическими способами.
Камилла Морроне разбудила во мне зверя, и он ни за что на свете не отпустит ее. Она не знает, во что втянула себя. Я непринужденно подхожу к кафе и смотрю в окно, наблюдая, как она возвращается к столику.
Адрианна поворачивается к ней, как только она садится, нахмурив брови. Без сомнения, задаваясь вопросом, куда та исчезла. Возможно, немного очевидно, что мы были вместе, учитывая, что за столом не было только нас двоих.
Я захожу внутрь и первым делом направляюсь к бару, зная, что мне нужно выпить чего-нибудь покрепче, чтобы остановить себя от желания вытащить Камиллу из этого места и забрать к себе домой. Блондинка за стойкой замечает мое приближение и широко улыбается, хлопая ресницами в попытке пофлиртовать.
— Привет, красавчик. Что я могу тебе предложить?
Мне требуется все самообладание, чтобы не закатить глаза.
— Двойной скотч со льдом.
Она кивает.
— Сейчас принесу.
Женщина привлекательна, и если бы не моя одержимость Камиллой прямо сейчас, я бы, вероятно, безобидно пофлиртовал с ней, без намерения доводить дело до конца. В конце концов, такие мужчины, как я, не могут снимать женщин в простых барах, по крайней мере, обычно. Большинство женщин в этом месте пустились бы наутек, если бы знали об истинной развращенности моих вкусов.
Твердая рука ложится мне на плечо и сжимает.
— Что ты задумал, Гэв?

В голосе Оака слышится нотка подозрения, когда я смотрю на него и стряхиваю его руку со своего плеча.
— Собираюсь выпить. На что это похоже?
Его глаза сужаются.
— Не думай, что я не заметил, как ты вышел из бара вслед за Камиллой.
Мой друг всегда был очень проницательным. Я пожимаю плечами.
— Вышел подышать свежим воздухом. Это преступление?
Его челюсть сжимается.
— Не держи меня за дурака, Гэв. Я вижу, как ты смотришь на эту девушку.
Я поворачиваюсь к нему лицом.
— На что ты намекаешь?
— Я намекаю на то, что ходишь по опасной линии. - Он проводит рукой по затылку. — Есть разница между Арчером, трахающимся со студентками, и тобой.
Я прищуриваюсь.
— И какая, собственно, разница?
Я понимаю, о чем он говорит. Оак знает, что мои вкусы в сексе не ванильные. На самом деле, они чертовски черные и садистские, и именно поэтому он беспокоится, но мне не нравится, что он меня отчитывает.
— Ты знаешь разницу. Мне напомнить тебе, как мы познакомились?
Кажется, это было так давно, что легко забыть о том, что Оак видел масштабы разрушений, которые могут вызвать мои вкусы. Особенно когда я теряю контроль. Мы познакомились в стрип-клубе к югу от канадской границы. Я развлекался с несколькими стриптизершами, которым рассказал о своих вкусах. Они были готовы на все, лишь бы цена была подходящей, но, к сожалению, в играх с дыханием нет ничего безопасного, и с одной девушкой всё зашло

слишком далеко, – она не очнулась. Две другие перепугались, закричали, что вызовут полицию, и я увидел красное. У меня до сих пор в памяти всплывают воспоминания об их крови, окрашивающей стены в захудалом номере мотеля.

Оак помог скрыть мои садистские преступления, как будто увидел во мне что-то хорошее. Бог знает почему. И именно той ночью он предложил мне работу в академии, сказав, что это работа для таких проблемных людей как я, где можно найти свое место.

— Я никогда не забуду ту ночь.

Я почти уверен, что в тогда Оак спас меня от пожизненного заключения. Честно говоря, отвратительно, что случайная смерть девушки никогда не вызывала у меня чувства вины, ведь это один из рисков. Всё дело в том, что я сделал после. Когда я полностью потерял контроль и разорвал двух других девушек на части, - вот что преследует меня. Это не был несчастный случай. Это было дикое и жестокое убийство.

Блондинка прочищает горло, глядя на Оака.

— Вам что-нибудь принести?

Оак качает головой.

— Нет, запишите этот напиток на мой счет. Оак Бирн. - Он отмахивается от нее, а я беру свой бокал.

Ее лицо опускается, когда мы оба отходим от бара.

— Все, что я хочу сказать, - будь осторожен. Она студентка, и я не могу иметь дело с неприятностями прямо сейчас. - Он пощипывает переносицу. — Я достаточно разозлил родителей, женившись на одной из учениц. Мне не нужно, чтобы какой-то садистский акт пошел не так, как надо, и под моим руководством была убита студентка.

Я стискиваю зубы, потому что факт в том, что теперь я лучше контролирую ситуацию. В тот день в стрип-клубе

я крутился по спирали, не имея цели в жизни.
— Сейчас все по-другому. Я не рискую жизнью своих нижних.
Он приподнимает бровь.
— Ты хочешь сказать, что Камилла - одна из твоих нижних?
Пока нет.
Я качаю головой.
— Конечно, нет. Мы безобидно пофлиртовали, на этом всё.
Это самая большая ложь, которую я когда-либо говорил, но я не могу заставить себя сказать Оаку правду, опасаясь, что он попытается остановить меня. Теперь, когда я переступил черту с Камиллой, боюсь, ничто не сможет остановить зверя внутри меня от того, чтобы предъявить на нее свои права.
Оак не выглядит убежденным.
— Просто будь осторожен, ладно?
— Тебе действительно нужно говорить мне это? Когда я хоть раз переходил черту со студенткой?
— Извини. Ты прав, раньше ты никогда не переходил черту. - Он хлопает меня по плечу. — Давай насладимся остатком вечера.
Я не произношу больше ни слова, пока мы возвращаемся к столу и я сажусь рядом с Камиллой.
Я мгновенно чувствую на себе ее пристальный взгляд, но не встречаю его. Не сразу, так как знаю, что Оак будет внимательно наблюдать, выискивая любые признаки того, что я действительно нахожусь в сексуальных отношениях с мисс Морроне.
Адрианна трясет головой.
— Завязывай, Дэниелс. Никто не может победить меня в играх с выпивкой.
— Это правда, - говорит Ева, слегка наклоняясь вперед. — Она обыгрывает всех парней в «глотании пива».

Хмурых бровей Арчера и решимости в его глазах достаточно, чтобы я захотел сбежать подальше отсюда. Может, это и элитный бар, но если эти двое собираются пить залпом пиво, мы опустим заведение на ступеньку ниже.
— Вызов принят. - Он подзывает официантку. — Два больших пива, пожалуйста.
Она кивает и убегает за их заказом.
Я борюсь с желанием закатить глаза.
— Как ты вообще можешь быть профессором, если ведешь себя как гребаный ребенок?
Арчер смотрит на меня.
— Как ты можешь быть профессором, если ты такой садисткий сукин сын?
Оак прочищает горло.
— Никогда не думал, что буду сидеть в баре с двумя своими друзьями, профессорами из моей школы, и обнаружу, что студентки – наиболее взрослые из всех присутствующих. - Он бросает взгляд меня, а затем на Арчера. — Перестаньте быть идиотами.
Я сжимаю пальцами бокал и подношу его к губам, свирепо глядя на Арчера.
Камилла шаркает рядом со мной, обращая на себя моё внимание.
Я ухмыляюсь, когда вижу румянец на ее щеках и то, как она трется бедрами друг о друга под столом. Наша маленькая встреча в переулке сделала ее в нуждающейся и отчаянной.
— Ты в порядке, Камилла? - Спрашиваю я, привлекая ее взгляд к себе.
Её горло подрагивает, когда она медленно сглатывает.
— Отлично. - В тоне слышится намек на сарказм.
Я украдкой бросаю быстрый взгляд на Оака, который сейчас о чем-то подробно беседует с Арчером. Прекрасная возможность. Медленно скольжу рукой по

бедру Камиллы, заставляя ее напрячься под моими пальцами. А потом позволяю своим пальцам проникнуть под платье, и нащупываю ее насквозь мокрую пизду.
Она пытается отгородиться от меня, крепко сжимая бедра. Ее рука обхватывает мое запястье, пока она в шоке смотрит на меня.
Я с силой раздвигаю ее бедра, а затем погружаю средний и указательный пальцы глубоко в девственный вход, заставляя ее вздрагивать.
Она прикусывает нижнюю губу, чтобы не закричать, и разрывает наш зрительный контакт, уставившись на напиток перед собой.
— Что ты думаешь, Камилла? - Спрашивает Адрианна.
Она напрягается, встречаясь взглядом с подругой.
— О чем?
— Какое пиво лучше, Budweiser или Heineken?
Камилла морщит нос.
— Ты же знаешь, я не пью пиво.
Официантка возвращается, когда я продолжаю держать руку под платьем Камиллы, мои пальцы внутри нее, но все же.
Я могу сказать, что это сводит ее с ума, так как она покачивает бедрами из стороны в сторону, пытаясь найти хоть какое-то трение или давление.
Грязная маленькая девчонка.
— Правила просты. Выигрывает тот, кто первым допьет пиво, - говорит Оак.
Я вижу, что Камилла почти не обращает внимания на происходящее вокруг, в то время как мои пальцы глубоко погружены в ее маленькую жадную щелку.
Она кладет руку мне на запястье и тянет.
— Сэр, пожалуйста, - шепчет она.
Я усмехаюсь.
— Пожалуйста что, *malishka*? - Шепчу ей на ухо. — Двигать пальцами или остановиться?

Она поджимает губы, как будто еще не решила, чего хочет от меня.
— Первое.
— Грязная девчонка, - ругаю я, медленно выводя пальцы из нее, а затем так же медленно вводя их обратно, мучая ее деликатными движениями, чтобы убедиться, что она не кончит.
К концу этой ночи я хочу, чтобы она была отчаянной и задыхающейся, когда мы расстанемся. А потом я буду представлять, как она безрассудно мастурбирует, когда вернется домой, в погоне за освобождением, в котором я ей отказал.
— Всё! - восклицает Адрианна, со стуком опуская свой бокал на несколько секунд раньше Арчера.
Арчер рычит, как зверь.
— Твою мать.
— Боюсь, Адрианна – победитель, - объявляет Оак, ухмыляясь Арчу, который выглядит так, будто хочет разнести все это место голыми руками. Он действительно нашел свою пару в Адрианне Васкез во всех смыслах этого слова.
Адрианна ухмыляется, глядя на Арча, как кошка, которой достались сливки.
— Я же говорила, что никто не сможет победить меня.
Пока разговор продолжается, я медленно мучаю свою маленькую мазохистку, пока она ёрзает рядом со мной. Ритм ровный, но слишком медленный, чтобы подтолкнуть к краю, и её дыхание становится затрудненным.
— Сэр, пожалуйста, - шепчет она.
Я качаю головой.
— Нет. - Моя челюсть сжимается. — Непослушных девочек наказывают, а не доводят до оргазма.
Она издает милый раздраженный звук.

Я бросаю взгляд в сторону Оака и вижу, что он наблюдает за мной, слегка прищурившись. Однако это не смущает меня, я поднимаю свой бокал в его сторону.
— Твое здоровье.
Другие мои пальцы все еще глубоко погружены в девственную киску моей ученицы.
Камилла тяжело сглатывает и тоже делает глоток, пока Ева что-то говорит ему. Ни я, ни Камилла не вносим особого вклада в разговор, но для меня в этом нет ничего необычного.
Я вытаскиваю из нее пальцы и вытираю их о салфетку, стирая ее сладкое возбуждение. А потом наклоняюсь к ней и бормочу:
— Позже, когда ночь закончится, ты пойдешь домой и будешь удовлетворять себя, думая обо мне и обо всех тех грязных вещах, которые ты хочешь, чтобы я с тобой сделал.
Она дрожит, прикусив нижнюю губу.
— Однако это не успокоит тебя, потому что не я подарю тебе этот оргазм. - Я наклоняюсь еще ближе. — Но непослушные девочки не получают того, чего хотят.
Я отстраняюсь от нее и допиваю остатки виски, вставая.
— Я принесу еще выпить. Кто-нибудь хочет?
— Запиши на мой счет, - говорит Оак, едва взглянув в мою сторону.
Я ухожу, зная, что переступить грань с Камиллой этой ночью было опрометчиво. И все же я уже ходил по краю ранее сегодня, когда выплеснул свою сперму ей на лицо. Черт, думаю, можно сказать, что я не просто ходил по краю, а полностью стер все грани.
Возможно, мне пора прислушаться к предупреждению Оака и держаться от нее подальше, пока я не совершил то, о чем потом буду жалеть.

Глава 13

Камилла

— Наконец-то ты вернулась! - визжу я, заключая Нат в объятия, когда она подходит ко мне в коридоре.
Ее не было почти две недели, намного дольше, чем мы ожидали, ведь она говорила, что уедет на несколько дней. Она писала, что расскажет нам новость, когда вернется в СА, но сообщения были довольно загадочными и неконкретными о том, почему её нет.
— Да, вернулась. - Похоже, она не слишком рада этому, что меня удивляет.
Я разрываю объятия и смотрю на нее.
— Итак, что это за новость, которую ты должна сообщить нам?
Адрианна сжимает мое плечо.
— Дай ей секунду. Она только что вошла в академию, черт возьми.
Нат бросает на нее благодарный взгляд.
— Ты права. Извини. - Я пожимаю плечами. — Ты же знаешь, какой нетерпеливой я могу быть.
Они обе смеются над этим.
— Где Ева? Спрашивает Нат.
— Её не было на завтраке, поэтому предполагаю, что её задержал муж.
Адрианна морщит нос.
— Они настолько неразлучны, что это тошнотворно.
Я бы не назвала это тошнотворным, скорее восхитительным. Еве повезло, что она нашла мужчину,

который настолько без ума от нее, что рискнул всем. Ходят слухи, что многие родители CA ополчились на случившееся, заявляя, что трудно доверять академии, где директор считает приемлемым жениться и трахаться со своей ученицей. И все же Оака, похоже, это не волнует.
Судя по всему, в ответ на любую жалобу, он предлагает им найти другую академию, если для них это такая большая проблема. Очевидно, что CA – единственная в своем роде. Другой такой академии в Северной Америке нет.
— Нат! - Ева мчится по коридору, широко улыбаясь. — Где, черт возьми, тебя носило? - Она заключает ее в объятия. — Даже Оак не знает, почему тебя так долго не было.
— Это освежающая перемена, - говорю я.
Ева закатывает глаза.
— Ты собираешься рассказать нам, что происходит?
Нат кивает.
— Да, но не в коридоре.
— Тогда где? - Я спрашиваю.
— У всех из нас свободный период, верно? - Спрашивает Нат.
Мы киваем в ответ.
— Тогда давайте вернемся в общежитие.
Мы с Евой обмениваемся обеспокоенными взглядами, так как Нат выглядит странно серьезной.
— Ты не можешь рассказать нам об этом в общей комнате? - Спрашиваю я.
Нат качает головой.
— Там слишком много людей. - Она берет меня под руку. — Давай. Хочешь узнать? Хватит тянуть время.
Я позволяю Нат оттащить меня обратно к общежитию и войти через огороженный вход, Адрианна и Ева следуют за нами. Как только мы оказываемся в комнате

Нат, она поворачивается к нам и испускает долгий вздох.
— В чем дело? - Спрашиваю я, горя желанием выяснить.
Она кивает на диван в углу.
— Возможно, вам захотите присесть для этого.
Я стискиваю зубы и сажусь, Ева и Адрианна присаживаются рядом.
— Выкладывай, Нат, - говорит Адрианна.
— Я помолвлена.
Мой рот практически падает на пол. По крайней мере, мне так кажется.
— Что за черт?
Нат хмурит брови.
— Думаю, нормальная реакция - это поздравления.
— С кем? - Спрашивает Адрианна, качая головой.
— С Элиасом, конечно, - говорит Ева, как будто мы обе тупицы.
Я качаю головой.
— Ни в коем случае, она могла переспать с ним, но выйти за него замуж... - Я замолкаю, когда вижу выражение лица Натальи.
— Ева права. Я помолвлена с Элиасом.
— Ты с ума сошла? - Спрашиваю я.
— Да, этот парень вел себя с тобой как полный засранец все время, пока учился в СА, - добавляет Адрианна.
Нат садится на край кровати и качает головой.
— Произошло много такого, о чем вы не знаете, но он обещает загладить свою вину передо мной.
— Верно, - говорит Адрианна, не в силах скрыть сарказм в своем тоне.
— Я имею в виду, что он отдал свою корону Финну ради меня и моей семьи. Чтобы защитить нас от чего-то, что я не могу вам объяснить, не подвергая их опасности.
Я хмурю брови.

— А я-то думала, что, черт возьми, все это значит. - Я качаю головой. — Хотя Финна никто не слушает. Они не уважают этого засранца.
— Думаю, это замечательные новости, Нат. Поздравляю, - говорит Ева.
Мне приходится напомнить себе, что до этого года Евы здесь не было. Она не была свидетелем того дерьма, которое мы наблюдали все эти годы.
— Не уверена, что ты бы так сказала, если бы проучилась в академии так долго, как мы.
Адрианна кивает.
— Я не думаю, что то, что он натворил, и то, как он обращался с Нат, простительно.
Наталья прочищает горло.
— На самом деле не имеет значения, что ты думаешь, правда? - Она скрещивает руки на груди. — Я люблю Элиаса, и мы собираемся пожениться после окончания школы. Всё просто.
Люблю.
Я никогда не ожидала услышать это слово из уст моей подруги в адрес Элиаса, черт возьми, Моралеса, но по выражению ее глаз ясно, что она абсолютно серьезна. Поэтому я поднимаю руки в знак капитуляции.
— Ну ладно, поздравляю.
Адрианна сглатывает.
— Да, поздравляю, но не думай, что я не переживаю по этому поводу. Этот парень так чертовски плохо обращался с тобой все годы.
Нат кивает.
— Я понимаю это. Ты настроена скептически. Но мы оба любим друг друга.
Адрианна сужает глаза.
— Прекрасно, но если я хоть раз увижу, что он плохо обращается с тобой, я без колебаний надеру ему задницу.

Мы все смеемся, но Адрианна просто скрещивает руки на груди.
— Это не шутка. Вы все знаете, что я могу превзойти его в бою.
Это правда, Адрианна действительно крутая. Единственный человек, которого она не может победить, - это тренер Дэниелс.
— Согласна, я рада за тебя, но с осторожностью. Надеюсь, он покажет серьезные изменения до конца года, - говорю я.
Нат уверенно кивает.
— Поверь мне, он уже это сделал.
— Тогда хорошо. Так как же все-таки это произошло?
Наталья выпрямляется и рассказывает нам историю о том, как появился Элиас и обо всём безумии, которое за этим последовало, включая ее брата, угрожавшего убить его. А затем между его дядей и ее братом была заключена сделка об их браке. Им потребовалось две недели, чтобы уладить все детали, и именно поэтому их обоих так долго не было. Если честно, я даже не заметила, что Элиас пропал. А если и заметила, то не придала этому особого значения.
— Это безумие, - вздыхает Ева, когда заканчивается рассказ. — Когда состоится свадьба?
— Только после окончания школы. Таким было одно из условий, поставленных моим братом и его дядей. - Она широко улыбается. — Вы все трое должны быть моими подружками невесты. И, надеюсь, Джорджия, если она сможет приехать из Сицилии.
Адрианна и Ева возбужденно подпрыгивают.
— Конечно.
Я улыбаюсь.
— Ты же знаешь меня: всегда «за», если есть повод купить новое платье.

Хотя я рада за Нат, не могу не относиться скептически к намерениям Элиаса Моралеса.
Не говоря уже о том, что прямо сейчас мне кажется невозможным думать о чем- то другом, кроме безумной ситуации, в которую я попала с профессором Ниткиным. С тех пор как он вытащил свой член и кончил на меня, я не могу сосредоточиться ни на чем.
Со вчерашнего вечера я так чертовски возбуждена, что кажется, будто никогда уже не буду прежней. Я вернулась в свою комнату и провела очень долгий и, как мне показалось, очень приятный сеанс с вибратором. Даже самого интенсивного оргазма, который я когда-либо испытывала в жизни, оказалось недостаточно, чтобы избавиться от ощущения голода, потому что это не Гаврил Ниткин подарил мне его.
— Ты в порядке? - Спрашивает Нат, нахмурив брови и пристально глядя на меня.
Я качаю головой.
— Да, почему ты спрашиваешь?
— На мгновение ты выглядела отстраненной, как будто тебя на самом деле не было с нами.
— Извини, я устала после вчерашнего.
— Что случилось вчера? - Спрашивает Нат.
Ева прочищает горло.
— Мы втроем с Оаком, Арчером и Гаврилом выезжали гулять.
У Натальи отвисает челюсть.
— Вы гуляли с нашими профессорами?
Ева пожимает плечами.
— Один из них - мой муж, помнишь? Оак не соглашался отдыхать с Арчером без меня, а я бы не поехала никуда без своих подруг, так и получилось.
Адрианна странно притихла, уставившись в пол и постукивая ногой по ковру.

— Держу пари, это было весело, тем более что Арчер не оставляет Адрианну в покое, - говорит Нат.
Адрианна смотрит на неё.
— Все оказалось не так плохо, как я ожидала. - Она бросает взгляд на Еву. — Но думаю, что должна благодарить за это Еву. Она поставила его на место еще до начала вечера, не так ли?
Ева краснеет.
— Возможно, я успела перекинуться парой слов с Оаком, и он поговорил с ним.
— Я так и думала, но это лишь означает, что сегодня он будет таким же настойчивым, как всегда. - Она откидывает голову на спинку дивана и тяжело вздыхает. — Кто-нибудь, убейте меня сейчас же.
Я кладу руку ей на плечо и сжимаю.
— По крайней мере, мы уже на полпути к весенним каникулам, когда ты получишь целых две недели вдали от него.
Она пощипывает переносицу.
— И слава Богу. Не могу дождаться.
У меня противоположное чувство, я хочу задержаться здесь подольше и выяснить, что Гаврил Ниткин приготовил для меня. После прошлой ночи я хочу от него гораздо большего. Я хочу, чтобы именно он лишил меня девственности, даже если он считает, что я слишком невинна, чтобы справиться с ним.

Мои шаги замедляются, и я нервно сглатываю, когда подхожу с подносом еды к нашему обычному столику.
Похоже, у нас появились новенькие. Элиас сидит рядом с Натальей, по-хозяйски положив руку ей на плечо. У меня сводит живот, так как странно видеть их вместе после всего, что произошло за эти годы.
И все же, когда он что-то шепчет ей на ухо, а она смеется, я не могу отрицать, что никогда раньше не видела ее такой счастливой и непринужденной.
Я продолжаю идти, отмечая, что Алек, Риццо и Роза тоже пересели за наш столик. Риццо имеет наглость сидеть на моем обычном месте.
Я прочищаю горло, когда подхожу к нему.
— Почему ты сидишь на моем месте?
Бровь Риццо приподнимается, когда он встречается со мной взглядом. Это новый друг Элиаса, с которым никто из нас толком не разговаривал. Кажется, он держится особняком.
Предположительно, у отца Риццо были неприязненные отношения с моей семьей, и он намеревался свергнуть нас, пока не выяснилось, что он годами травил мать Риццо, и теперь Максим Волков и его сестра взяли управление на себя. Насколько всем известно, мистер Бьянки в бегах, но я боюсь, что "в бегах" - это код для чего-то более зловещего, как обычно бывает в нашем мире.
— Прости, не увидел на нем твоего имени.
Я стискиваю зубы.
— Я сижу на этом месте с первого класса. Двигайся.
Элиас прочищает горло.
— Подвинься. В конце концов, это их стол.
Риццо, похоже, не в восторге от того, что ему указывают, что делать, но сдвигается в сторону.
Возможно, Нат и принимает новые перемены, но ей придется дать нам время, чтобы привыкнуть, поскольку

это просто странно.
Я не могу не вспомнить день, когда тот же самый парень выгнал Нат с привычного столика и из ее группы друзей. Это был день, когда она присоединилась к нам и стала одной из моих лучших подруг на всю жизнь, но теперь все перевернуто с ног на голову.
Адрианна наклоняется ко мне.
— Это странно, правда?
Я киваю в ответ.
— Чертовски странно, да.
— То есть, я понимаю. Теперь они пара, но обязательно ли сидеть вместе за ужином?
Я пожимаю плечами.
— Она выглядит счастливой. - Я окидываю взглядом обычный столик Элиаса и вижу, что Джинни пристально смотрит на нас. — По крайней мере, Джинни осталась на месте.
Адрианна стонет.
— Черт возьми, я бы не сидела здесь, если бы она была за этим столом.
Я тоже не уверена, что осталась бы.
— Ева с Оаком? - Спрашиваю я.
Она вздыхает.
— Ага.
Алек и Роза - двое друзей Элиаса, дружелюбные и располагающие к себе, сидят напротив нас.
— Как тебе чили, Роза? - Спрашиваю я, глядя на свою тарелку с пастой. — Я разрывалась между ним и пастой.
Она широко улыбается.
— Очень вкусно, но здесь вся еда такая, да?
Я киваю, поскольку она права. Здесь, в СА, я не ела ничего посредственного.
— Верно. - Я постукиваю пальцем по подбородку. — Может быть, я попробую немного потом.

— И ты говоришь, что я умею расправляться с едой! - Адрианна смеется. — Не понимаю, что ты вообще можешь быть голодной после того, как умяла две порции фрикаделек за обедом.
— Я сказала ”может быть". - Я чувствую, как горят мои щеки, ведь обычно не переедаю, так как все уходит в бедра, но после вчерашней ночи с Ниткиным чувствую, что мне нужно на что-то отвлечься, и оказывается, что еда отлично работает.
Словно у меня есть радар на этого человека, я ощущаю его присутствие как только он переступает порог кафетерия. Еще до того, как обернуться, я знаю, что он смотрит на меня. Когда все-таки бросаю взгляд на него, то жалею, что сделала это.
Мое тело мгновенно нагревается, когда я смотрю в его пылающие карие глаза. Такое ощущение, что он смотрит прямо сквозь меня. Как будто один его взгляд может проникнуть прямо в мою душу, и я делаю глубокий вдох, прежде чем отвести глаза.
Элиас откашливается.
— Кто-нибудь из вас выполнял последнее задание по анатомии?
Я смотрю на бывшего короля академии и нахожу странным, что он сидит с нами и разговаривает о таких обыденных вещах.
Нат толкает его локтем.
— Ты же знаешь, что я да.
Он качает головой.
— Да, потому что ты ботаник. - Его тон игривый, и это так не похоже на его обычное поведение с Натальей. Я не могу отрицать, что они милая пара, но потребуется некоторое время, чтобы приспособиться этой новой динамике.
В течение многих лет всякий раз, когда я видела идущего в нашу сторону Элиаса, во мне просыпался

инстинкт "бей или беги". Я отточила бдительность, и пытаюсь понять, как Нат преодолела это и теперь кажется такой непринужденной с ним. Потребуется серьезная адаптация, чтобы привыкнуть к новой обстановке.

Глава 14

Гаврил

Я кладу ноги на пуфик в учительской и делаю большой глоток виски, чтобы успокоить нервы. Я не часто пью на работе, но после той ночи с Камиллой я весь на взводе. Кроме того, я избегаю ее как чумы уже целую неделю, и это сводит меня с ума.
Виски снимает напряжение.
Оак прав. Вступать в серьезные отношения с ученицей – плохая идея, потому что большинство взрослых женщин не могут справиться с моей садистской стороной, не говоря уже о такой невинной маленькой девственнице, как Камилла Морроне. Неважно, что она мазохистка по природе, есть вещи, с которыми не по силам справиться даже самым отъявленным мазохистам.
— Пьешь на работе, Гэв? - Спрашивает Арчер, входя в учительскую.
— Кто сказал, что это алкоголь?
Он вскидывает бровь.
— Никто не носит с собой ничего, кроме алкоголя в гребаной фляжке, и я чувствую его запах. - Он протягивает руку, ожидая, что я дам ему сделать глоток.
— Возьми свой собственный.
Он скрещивает руки на груди.
— Не у тебя одного был плохой день. А теперь дай мне это.
— Кто сказал, что у меня был плохой день?
Я поднимаю бровь, но передаю флягу ему в руку.

— Ты не пьешь, если только что-то не так. - Он хватает и делает большой глоток.
— Проблемы с Васкез?
Выражение его лица становится смертельным, когда он впивается в меня взглядом.
— Даже не начинай.
Я качаю головой.
— Ты действительно не знаешь, когда остановиться, не так ли?
Он двигает челюстью, прежде чем сделать еще один глоток моего виски.
— Я полон решимости заполучить ее, и я это сделаю, поверь мне.
Я усмехаюсь.
— Думаю, единственный человек в этой академии, который так же упрям, как ты, - это она. Потребуется чудо, чтобы один из вас отступил.
Он хлопает в ладони, выглядя бесконечно довольным собой.
— И чудо - это то, что я нашел.
Я вопросительно смотрю на него, когда он передает флягу обратно мне в руку.
— Что за чудо?
— Информация. Такого рода, которую она не хотела бы обнародовать.
— Так теперь ты шантажом заманиваешь ее в свою постель? - Я качаю головой. — Это нечестная игра, Арч.
Он рычит.
— Мне не нужно играть честно.
Я никогда не видел Арчера Дэниелса таким взвинченным, и, честно говоря, нахожу это довольно забавным.
— Осторожно, ты можешь подсесть на нее.
Его челюсть сжимается.
— Никаких шансов. Я просто хочу ее трахнуть.

Я не совсем уверен, что верю в это, поскольку он ведет себя слишком одержимо из-за нее. Адрианна Васкез - первая, кто дал отпор его ухаживаниям, а Арчер всегда любил борьбу. Он чертовски привык к тому, что девушки падают к его ногам и раздвигают свои ноги для него по первой просьбе. Я чувствую, в этот раз всё закончится по-другому.
— Неважно. Тебе следует сдаться, пока ты не увяз слишком глубоко.
— Ты же знаешь, я никогда не сдаюсь.
— Да. - Я киваю. — Один из твоих многочисленных недостатков.
Он сжимает кулак и отворачивается.
— Решительность - это не недостаток, а сила. Мне надоело с тобой разговаривать.
Он выходит из учительской, не сказав больше ни слова.
Никогда еще не было так легко завести Арча, но я получаю от этого огромное удовольствие. Дверь за ним захлопывается, и я сажусь прямее, проверяя время на часах. Скоро прозвенит звонок, возвещающий окончание обеда, и я знаю, что у Камиллы дальше свободный период.
Мужчина не может держаться подальше от чистого, сладкого искушения так долго, что даже чертов святой согрешит. А я – полная противоположность святому. Я грешник насквозь. И сейчас я на грани срыва. Сегодня я собираюсь выследить ее и сделать своей. К тому времени, как закончу с Камиллой, она станет неузнаваемой.
Первый звонок прерывает мои мысли, заставляя подняться на ноги, и я направляюсь к двери учительской, засовывая фляжку во внутренний карман пиджака, когда выхожу в коридор. Она может понадобиться мне позже, а может и нет, в зависимости от того, как обернется эта встреча.

Студенты спешат по коридорам на свои занятия, но все они обходят меня стороной, когда видят, что я направляюсь в их сторону. Благодаря моей репутации мне легче передвигаться по школе, особенно когда здесь так многолюдно. С каждым шагом я ускоряюсь, потому что не хочу пропустить ее и опоздать.

Заворачиваю за угол к шкафчикам для старшеклассников и выдыхаю, не осознавая, что все это время задерживал дыхание, когда вижу, что она стоит у своего шкафчика с открытой дверцей и роется в книгах.

Желание захлестывает меня, я прислоняюсь к стене и позволяю своему взгляду медленно опуститься вниз по ее красивой, соблазнительной фигуре сзади. Приятно видеть ее упругую попку под таким углом. Мои яйца подтягиваются, и я чувствую, как твердеющему члену становится неудобно в штанах. Забавно наблюдать за ней издалека, пока она стоит там, ничего не подозревая, совершенно не обращая внимания на то, что монстр наблюдает за ней и ждет, чтобы наброситься.

Она перебрасывает свои каштановые волосы через плечо, захлопывает дверцу шкафчика и затем оборачивается. Ее глаза мгновенно встречаются с моими, и я замечаю, как густо краснеют ее щеки. Она облизывает нижнюю губу, и мне кажется, что каждое ее движение и причуда созданы для того, чтобы доводить меня до безумия. Камилла Морроне взывает к моим садистским инстинктам – охотиться, ловить и наказывать.

Её женственность невозможно игнорировать, и это сводит меня с ума.

Я отталкиваюсь от стены и направляюсь к ней, не отрывая глаз со своей добычи. Эта часть коридора не слишком оживленная.

Ее медово-карие глаза широко раскрываются, когда она смотрит на меня, на мгновенье застыв на месте. А затем она разворачивается ко мне спиной и идет в противоположном направлении.
— Морроне, - рявкаю я, останавливая её на полпути.
Я вижу, как напрягается все ее тело, когда она резко останавливается, и медленно поворачивается ко мне лицом.
— Да, сэр?
Ее голос звучит пронзительно, а щеки так краснеют, что я не могу поверить, что это возможно.
Я складываю руки на груди.
— Мой кабинет, сейчас же.
Нежный изгиб ее шеи вздрагивает, когда она тяжело сглатывает, привлекая мой взгляд. Я хочу надеть на него свой ошейник и заставить ее носить его днем и ночью, черт возьми.
— Сэр, я должна встретиться с подругами в...
— Мне насрать, Морроне. - Я подхожу ближе, возвышаясь над ее маленькой фигуркой. — Сейчас же, и не заставляй меня просить снова.
Ясно, что пытаться противостоять притяжению, которое я испытываю к Камилле, - серьезная ошибка. Со временем оно становится только сильнее и неконтролируемее. Прошла неделя с тех пор, как мы все вместе пошли в бар и я вылизал ее сладкую, девственную киску на улице в переулке. С тех пор я старался избегать ее, понимая, что то, что мы делали, – было хождением по натянутому канату.
Ноздри Камиллы раздуваются, и впервые я вижу вызов в ее глазах.
— Могу я спросить, в чем дело?
— Не можешь.
Виски все еще разливается по моей крови, когда я выдерживаю ее пристальный взгляд, зная, что не

отступлю. Она пойдет в мой кабинет, нравится ей это или нет. Ее грудь вздымается, когда я делаю еще один шаг вперед, оставляя между нами меньше полуметра.
— А теперь тащи свою задницу в мой кабинет, пока я сам тебя туда не затащил.
Я чувствую ее нерешительность, когда она смотрит на меня. На мгновение я искренне верю, что мой покорный маленький питомец впервые откажется подчиниться, пока ее плечи не опускаются в знак поражения, и она, ни говоря ни слова, поворачивается и идет в сторону моего кабинета.
Я держусь поближе к ней, наблюдая за тем, как сексуально покачиваются ее бедра. Она не делает это специально, но выглядит чертовски неотразимо. Камилла останавливается перед дверью моего кабинета и оглядывается на меня. Мне нравится, как мягко сжимаются ее полные губы, когда она переплетает пальцы, доказывая, что встревожена — что я заставляю ее волноваться.
Медленно я придвигаюсь к ней так близко, что моя рука касается ее руки. Я наблюдаю, как ее полные груди вздымаются с резким вдохом, как будто от моего кратковременного прикосновения по ее венам пробегает электрический ток. Заставив себя перестать пялиться на нее, я вытаскиваю ключ от двери из кармана пиджака и вставляю его в замок. Открываю дверь и снова смотрю на нее, ожидая, пока она первой войдет внутрь.
Я практически чувствую вкус ее страха – заметная дрожь пробегает по ее телу, когда она разрывает зрительный контакт и заходит в кабинет. Она обхватывает себя руками, как будто это защитит ее, и не смотрит на меня.
— Присаживайся, - говорю, наблюдая за ней, как ястреб.

Камилла бросает взгляд на стул напротив моего стола, прежде чем подойти к нему и неловко опуститься. Я некоторое время наблюдаю за тем, как она переминается с ноги на ногу, пытаясь занять удобное положение.

Необходимость оставаться к ней как можно ближе физически заставляет меня встать между ней и столом, вместо того чтобы занять место за ним. Я небрежно присаживаюсь на край, наблюдая за тем, как расширяются ее медово-карие глаза, и соблазнительно приоткрываются губы. Никогда не было женщины, которую я хотел бы больше, чем Камиллу Морроне. Мой член в штанах твердый как сталь, упирается в ткань и пытается вырваться на свободу.

Какое-то время я наслаждаюсь ее дискомфортом, молча наблюдая, как она ерзает под моим пристальным взглядом.

Ей становимся не по себе и она нарушает молчание.

— В чем дело, сэр?

Я сжимаю челюсть.

— Думаю, ты точно знаешь, в чем дело, Камилла.

Ее глаза сужаются.

— Боюсь, я не умею читать мысли, так что Вам придется просветить меня.

Это поведение.

До сих пор Камилла была идеальным сабмиссивом. Она не проявляла никаких признаков дерзкого поведения, но это будет последняя дерзость в мою сторону, когда я закончу с ней. Я гарантирую это. Быстро двигаясь вперед, чтобы застать ее врасплох, я хватаю ее за подбородок достаточно сильно, чтобы причинить боль.

— Не прикидывайся дурочкой, *malishka*.

Ее глаза расширяются одновременно от страха и возбуждения.

— Речь идет о том, что произошло в баре неделю назад.

— Что насчет этого? - Она качает головой. — С тех пор Вы почти не смотрели мне в глаза.
Хватка на ее подбородке усиливается, так как зверь внутри меня едва сдерживается в своей клетке, жаждая вырваться на свободу и полностью поглотить девушку передо мной.
Ее щеки бледнеют, когда я опускаю руку ниже, обхватываю пальцами стройную шею и тяну ее к себе, пока она не оказывается так близко, что я чувствую ее сладкий клубничный аромат.
С моей стороны совершенно неуместно прикасаться к ученице таким образом, но я зашел слишком далеко. Я ни за что не загоню монстра обратно в клетку, только не рядом с Камиллой. Она слишком соблазнительна, как яблоко в саду Эдема, манит меня очарованием греховных наслаждений.
Она погубит меня, а я собираюсь погубить ее, и все же я не могу найти в себе силы для беспокойства. В любом случае, я уже проклят адом.
— Ты хотела, чтобы я смотрел тебе в глаза? - Спрашиваю.
Румянец на ее щеках возвращается.
— Может быть.
Я крепко сжимаю пальцы на её горле, представляя, как бы она выглядела с кожаным ошейником на шее. Моим ошейником, с выгравированной надписью “*Собственность Гаврила Ниткина*”. Я бы с удовольствием посмотрел на то, как она надевает его вместе с поводком для меня, а затем ползает на четвереньках, как зверушка, пока я хлещу ее прекрасную кожу до красных отметин на ней. До тех пор, черт возьми, пока не пойдет кровь и она не начнет умолять меня трахнуть ее.
Развратные образы в моем сознании делают меня тверже камня. Когда я возвращаю свое внимание к

невинной девственнице передо мной, невозможно игнорировать, насколько это неправильно. Камилла не должна знать, какая больная фантазия разыгрывается у меня в голове. Фантазия, которую я хочу воплотить в реальность. Она – нетронутая студентка, у которой даже не было обычного, скучного ванильного секса.
Обычно этой мысли было бы достаточно, чтобы отбить мой интерес, но в случае с Камиллой это лишь усиливает мою жажду. Я крепче сжимаю её в объятиях и притягиваю к себе, пока упругие груди не упираются в мою грудь.
— Я больше не могу сдерживаться, - бормочу, почти про себя.
В ее глазах вспыхивает раскаленное желание.
— Тогда не надо. - Она выдерживает мой пристальный взгляд с такой решимостью, но сама не понимает, о чем просит.
— Ты не знаешь какого монстра ты искушаешь выйти и поиграть.
Она облизывает нижнюю губу, что привлекает мой взгляд.
— Может быть, я никогда не боялась монстров. - Ее ноздри раздуваются. — Возможно, меня всегда тянуло к ним.
Это все, что требуется, чтобы разорвать тонкую нить контроля над моей потребностью. Как будто она растянула старую веревку, которая не давала мне упасть с острого выступа скалы, и та наконец оборвалась. Монстр вырывается на свободу и я впадаю в неконтролируемое состояние.
Резко дергаю ее к себе и прижимаюсь губами к ее губам, с силой проталкивая язык внутрь, прежде чем она успевает остановить меня. Потребность поглотить её сводит меня с ума, так как я хотел сделать это снова

с тех пор, как неделю назад мы впервые поцеловались в переулке возле бара.
Черт, думаю, в глубине души я хотел поцеловать ее гораздо дольше, даже если это отвратительно признавать. Ей не было восемнадцати, когда она показала мне, насколько она мазохистка. Теперь, когда это законно, я больше не сдерживаюсь.
Мой язык исследует её рот, ощупывая каждый сантиметр.
Камилла стонет, и я чувствую это до самых костей. Я сильнее сжимаю пальцы на ее горле, достаточно, чтобы перекрыть кислород и посмотреть, как она отреагирует на удушье. Сначала ее тело напрягается напротив моего, но затем она расслабляется и снова стонет. Звук настолько, блядь, сексуальный, что мне хочется трахнуть ее прямо здесь и сейчас, но я не должен торопиться.
Отстраняясь от нее, я сильно прикусываю ее губу, отчего она вскрикивает. Отпускаю ее горло, перемещаю пальцы к пуговицам на блузке, быстро расстегиваю их и впиваюсь зубами в ее ключицу.
От боли у нее вырывается стон, она хватается за край моего пиджака, чтобы удержаться на дрожащих ногах.
— Сэр, - дышит она, пытаясь отстраниться от меня.
Я не отступаю, крепко удерживая ее на месте, пока мои губы опускаются ниже, к груди, обрамленной белым бюстгальтером, который идеально подчеркивает тон ее кожи. Мои губы скользят по обнаженной ложбинке мягко, почти поцелуями. А затем я впиваюсь зубами в нежную кожу.
Камилла вскрикивает от неожиданности, пытаясь вырваться.
— Не сопротивляйся, *malishka*. - Я впиваюсь кончиками пальцев в ее бедра. — Я знаю, ты любишь боль не меньше, чем удовольствие.

Ее губы приоткрываются, как будто Камилла собирается что-то сказать, но она снова закрывает их.
— Это правда, - говорит она, качая головой. — Но когда Вы перестанете валять дурака и трахнете меня?
Нахальный вопрос поражает меня, и я отпускаю ее бедра, заглядывая в глаза.
— Это плохая идея, Камилла.
Не могу поверить, что она действительно этого хочет. Чтобы садист-профессор лишил ее девственности.
— Почему? - спрашивает она обиженным тоном, отступая на шаг. — И не говорите мне, что это потому, что я невинная девственница, которая не может справиться с Вами. - Ее губы поджимаются. — Очевидно, что, учитывая, как сильно мне нравится боль, я не так невинна, как Вы думаете.
Я резко подаюсь вперед и сильно кусаю ее за нижнюю губу, выпуская кровь и слизывая ее с кожи.
— Потому что я жажду вещей, которые большинство здравомыслящих людей никогда не поймут. Вещей, за которые они отправили бы меня в тюрьму.
Я хочу попробовать на вкус ее кровь и разрисовать ею ее кожу. Создать шедевр боли и страданий на самом прекрасном живом холсте, который я когда-либо встречал.
— Моя одержимость причинением боли глубока и гораздо более извращенна, чем ты можешь представить в своих самых смелых мечтах или самых темных кошмарах.
От страха ее радужки расширяются, но Камилла не отводит взгляд.
— Покажите мне, и мы узнаем, справлюсь я с этим или нет.
Я сжимаю челюсть.
— Дело не только в этом. Ты девственница, а девственницы, как известно, привязываются к их

первому половому партнеру. - Я сужаю глаза. — Секс для меня - это всего лишь сделка. Золотое правило - я никогда не формирую привязанностей.
Камилла пытается скрыть свое разочарование и терпит поразительную неудачу, когда говорит:
— Мне все равно.
Нет сомнений, что это ложь, что должно послужить мне сигналом прекратить всё.
— Девственницы слишком навязчивы. Это просто факт.
Я отворачиваюсь от нее, понимая, что лишить Камиллу девственности было бы огромной ошибкой. Это открыло бы ящик Пандоры.
— Что Вы хотите сказать? - Спрашивает она, в голосе слышится то, что я могу описать только как боль — эмоциональную боль. Такую, которой я собирался избежать, убедившись, что не лишу ее девственности, и все же каким-то образом она уже подсела на меня.
Я не смотрю на нее.
— Я говорю, что продолжать было бы ошибкой.
Слова идут вразрез с моими первобытными инстинктами, требующими погубить красивую девушку позади меня, но я знаю, что это к лучшему.
Камилла хватает меня за плечо и сжимает.
— Сэр.
Я поворачиваюсь к ней лицом.
Она проводит рукой вниз по моей груди, а затем опускается на пресс, удерживая мой взгляд, медово-карие глаза пылают решимостью. Ясно, что она так просто не отступит.
— Пожалуйста.
Ее рука опускается еще ниже, она хватает конец моего ремня и расстегивает его, ни на секунду не отводя от меня глаз.
— Пожалуйста что?

— Пожалуйста, трахните меня, сэр, - выдыхает она, ее голос едва громче шепота.
Я позволяю ей расстегнуть молнию на моих штанах, а затем чувствую, как ее маленькая ручка скользит в них, обхватывая твердый член через трусы. Ее глаза расширяются, когда она проводит рукой вверх и вниз по всей длине. Она сжимает его, и тогда я срываюсь, выдергиваю ее руку из штанов и поднимаю над головой.
— Прежде чем мы пойдем дальше, Камилла, давай проясним одну вещь. - Я хватаю ее за другую руку и соединяю с первой, удерживая их за запястья над головой. Мои губы всего в сантиметре от ее, когда я нависаю над ней. — Я контролирую каждую секунду, что мы вместе. Если тебе это не нравится, тогда найди кого-нибудь другого, кто тебя трахнет. - От этой мысли у меня сводит живот, но я выдерживаю ее взгляд. — Ты ничего не делаешь без моего разрешения, это понятно?
Камилла кивает.
— Да, сэр.
Я стону, а затем притягиваю ее тело к себе, проводя рукой по идеальной фигуре.
— Сейчас ты узнаешь, на что похож настоящий ад.
Несмотря на явный страх, она отвечает:
— Не могу дождаться.
Я качаю головой, зная, что она не понимает, о чем говорит. Садистская сторона моей натуры не знает границ, и я боюсь, что эта девушка разрушит тот небольшой контроль, который у меня еще есть. Чем больше я нахожусь рядом с этой соблазнительной девушкой, тем сильнее чувствую как тьма затягивает меня изнутри, стремясь вырваться на свободу.
Камилла Морроне собирается уничтожить всё, что я так старательно контролировал, и все же я не могу не попасть в ловушку. Я знаю, что это ошибка, но все равно совершаю её, потому что я плохой человек. Такие

мужчины, как я, берут то, что хотят, и плевать на последствия.

Глава 15

Камилла

Рука Гаврила с силой обхватывает мою талию, он поднимает меня и несет так, словно я ничего не вешу, в пустой класс, примыкающий к его кабинету, и к двери в подвал. Он поддерживает меня одной рукой, а свободной открывает дверь.

Мое сердце колотится со скоростью тысячи миль в час, мчась, как лошади на ипподроме, когда нас окутывает темнота. Темная, садистская комната пыток Гаврила - это место, в которое я мечтала вернуться с момента последнего раза, когда я кончила от одной только боли.

— Зачем мы сюда спускаемся?

Бабочки порхают в моем животе, когда на его губах появляется жестокая ухмылка.

— Потому что тебя нужно наказать, *malishka*.

— Наказать? За что? - Спрашиваю, зная, что не сделала ничего плохого.

Он снова прикусывает мою губу, заставляя воспаленную кожу кровоточить. А затем облизывает ее, как голодный зверь, отчаянно желающий отведать свою добычу.

— Тебя нужно наказать за то, что ты грязная маленькая потаскушка, которая не может не возбуждаться каждый раз, когда я тебя бью.

— Вы выпороли меня всего один раз, - замечаю я.

Его глаза сужаются.

— Дважды, если считать девятый класс.

Как, черт возьми, он это помнит?

— Вы помните, как наказывали меня в тот день? - Уточняю я.
Его ухмылка становится шире.
— Конечно, я едва ли мог думать о чем-то другом, кроме грязной девчонки, которая трется бедрами друг о друга, испытывая боль.
Жар охватывает меня, и я отвожу глаза.
Он ставит меня на ноги, после чего приподнимает мой подбородок, заставляя встретиться с ним взглядом.
— Не стыдись. Это естественно, *malishka*. - Он перемещает губы к моему плечу и осыпает его мягкими поцелуями, пока не добирается до изгиба у горла, сильно впиваясь зубами в мою кожу. Он срывает с меня блузку и швыряет ее на пол.
Я стону, не в силах понять, почему боль так хорошо ощущается. Ниткин двигается выше, покусывая мою горло, как животное.
— Сегодня мы попробуем кое-что, что либо заставит тебя пуститься наутек, либо тебе это понравится так же сильно, как и мне.
В его голосе звучат странные нотки, от которых у меня сводит живот.
— Что именно мы будем пробовать?
— Игру с ножом, - бормочет он мне в ухо, прежде чем прикусить его.
Я тяжело сглатываю.
— Что это значит?
— Я поиграю с тобой с помощью своего ножа. - Его голос глубокий, хриплый и чувственный. — Слегка надрежу твою кожу и поиграю с кровью. - Хриплость в голосе усиливается. — Нарисую ею шедевр на твоей прекрасной коже.
Всё перешло к настоящей развращенности гораздо быстрее, чем я ожидала. На самом деле, я и представить себе не могла, что он скажет именно это,

даже в самых смелых мечтах. И все же я помню чистый восторг в его глазах, когда он увидел, что порвал мне кожу своим хлыстом. То, как он пробовал мою кровь, словно дикий зверь.

Некоторое время я безучастно смотрю на него и могу ясно видеть нетерпение на его лице, пока он выжидающе хмурится. Дело в том, что то, о чем он говорит, должно вызывать отвращение, и все же это приводит меня в восторг. Болезненный бессмысленный восторг, и я киваю головой, прежде чем успеваю обдумать это.

— Хорошо.

Его плечи слегка расслабляются от облегчения, он притягивает меня к себе, глубоко целуя. Его поцелуи свирепы, как будто он пытается поглотить меня изнутри, совсем как монстр, о котором он предупреждал меня.

Я запускаю пальцы в его волосы, притягивая мужчину ближе, когда моя потребность в нем становится всё глубже.

Он гортанно стонет, с силой хватая меня за запястья и заводя их мне за спину.

— Что я тебе говорил?

Я сглатываю.

— Я не могу ничего делать без Вашего разрешения.

— Именно так.

Доминирующий тон его голоса заставляет мои бедра сжаться.

— Прошу прощения, сэр.

— Пришло время узнать, какое прекрасное произведение искусства ты создашь, *malishka*.

Он быстро целует меня еще раз, прежде чем оставить стоять полуголой в подвале, а сам идёт к стене, где висят его инструменты.

От мысли, что я позволю ему порезать себя, по спине пробегает дрожь. Я вспоминаю ходившие три года назад слухи о том, что студентка застала его и ассистентку преподавателя занимающимися сексом в этом подвале, пока он резал ее. Поговаривали, что студентка была травмирована тем, что увидела, но я никогда не знала, верить этому или нет. Слишком часто слухи раздувают или преувеличивают, но теперь я убедилась в том, что это действительно было правдой.

Гаврил Ниткин одержим идеей заставить меня истекать кровью. То, как загорелись его глаза, когда он размазал мою кровь по своим пальцам и слизывал ее, навсегда запечатлелось в моей памяти.

Его возвращающиеся шаги выводят меня из оцепенения, и моё сердцебиение учащается, когда я вижу большой зазубренный нож в его руке.

— Сэр, я не уверена...

— Пути назад уже нет, Камилла. - Его карие глаза, которые я всегда находила такими манящими, кажутся почти демоническими в тусклом свете подвала. — Ты ясно дала понять, чего хочешь. - Он склоняет голову набок. — Я не причиню тебе вреда, по крайней мере, не слишком сильного.

Когда он подходит ближе, мои внутренности крутит, как в стиральной машине на максимальной скорости отжима. Такое чувство, что меня сейчас стошнит, но я не могу сдвинуться ни на дюйм. Даже когда он приближается, я застываю на месте, как будто попала в паутину, полностью обездвиженная.

— Я не уверена, - говорю, несмотря на то, что в глубине души знаю, что какая-то часть меня хочет испытать это, но не могу отрицать, что я также боюсь мужчину передо мной. Потому что он не мужчина, он монстр. Из тех, кто процветает за счет боли и страданий.

Он тянется ко мне и проводит твердой рукой по моему горлу.
— Ты не можешь сказать мне "хорошо" в одну минуту, а потом отступить, *malishka*. - Он с силой сжимает руку. — Это не так работает.
Я с трудом втягиваю воздух в легкие, пока он давит на мое горло, словно пытается убить меня.
Темнота в его глазах заставляет меня вздрогнуть, когда он, наконец, ослабляет хватку.
— Будь хорошей девочкой и повернись для меня.
Холод разливается по моим венам, и я понимаю, что спускаться в подвал с монстром, где никто не услышит, как ты кричишь, – вероятно, ужасная идея. Я поворачиваюсь к нему спиной, как мне было велено, поскольку, похоже, не могу удержаться от того, чтобы не подчиниться его приказу. Это безумие, учитывая, что я знаю, насколько он опасен и что собирается сделать со мной.
Он берет меня за талию и перемещает руку к пуговицам на передней части юбки, расстегивая их до тех пор, пока ткань не падает на пол, оставляя меня в одном белом лифчике и стрингах в тон. От его прикосновений по каждому сантиметру моей обнаженной кожи бегут мурашки. А затем его пальцы цепляются за застежку лифчика на спине, расстегивают его и сдергивают с меня, прежде чем я успеваю понять, что произошло.
— Повернись, - приказывает он.
С тревогой я прижимаю руки к груди, потому что ни один мужчина никогда раньше не видел меня такой обнаженной. Находясь в столь беззащитном виде перед таким человеком, как Гаврил Ниткин, я нервничаю больше, чем когда-либо за восемнадцать лет своей жизни. И все же не могу ослушаться его приказа, словно запрограммирована делать все, что он скажет.
Я с трудом сглатываю и поворачиваюсь.

Он мгновенно хватает меня за запястья и дергает за руки вниз, полностью обнажая меня перед собой. Прекрасные карие глаза расширяются, когда он фиксирует внимание на моей груди, разглядывая ее, словно шедевр в Лувре. Это заставляет меня чувствовать себя более желанной, чем когда-либо прежде, хотя мой желудок сжимается, когда глаза останавливаются на клинке, который он заткнул за пояс.

— Такая чертовски красивая, - бормочет он глубоким и хриплым голосом.

Жар разливается по моим щекам, пока я стою перед ним почти полностью обнаженная. А потом он протягивает руку и щиплет мой правый сосок, заставляя меня стонать. Изысканная смесь боли и удовольствия вызывает у меня трепет глубоко внутри.

— Ты идеальный холст для создания шедевра, - говорит он почти отсутствующим тоном.

Я хмурю брови.

— Что Вы имеете в виду?

Гаврил отрывает взгляд от моего тела и встречается со мной глазами, выражение в них заставляет меня содрогнуться. Мрачное и садистское, он сжимает левый сосок еще сильнее, заставляя меня вскрикнуть от неожиданности.

— Резать - это искусство.

Другой рукой он впивается в мое правое бедро, и дергает меня вперед, так что я чувствую, как холодный металл лезвия на его поясе вдавливается в мою кожу.

— Кровь - моя краска, а кожа - мой холст, Камилла. И я никогда не видел более прекрасного холста.

Я заглядываю ему в глаза и понимаю, что он абсолютно серьезен. Серебристый укол страха разливается по моим венам, оседая глубоко в сердце, и я задаюсь вопросом, почему профессор Ниткин такой, какой он

есть. Только теперь я понимаю, что этот человек на самом деле не человек, а зверь. Он предупреждал меня об этом, но я не верила ему до сих пор, пока он не продемонстрировал мне свою жажду боли и кровопролития.

Он отпускает левый сосок и тянется к ножу на поясе брюк, осторожно прижимает его между моих грудей и плавно проводит зазубренным краем вниз по моей коже, оставляя лишь красную царапину. Это почти не причиняет боли, заставляя меня нуждаться в нём сильнее, чем когда-либо прежде, в то время как он не сводит глаз с ножа и отметин, которые оставляет на моей коже – его холсте.

Давление нарастает по мере того, как он опускает его ниже, мимо грудной клетки и чуть выше пупка. Я опускаю взгляд, замечая, что, хотя он и не порезал кожу, следы покраснели. Мое дыхание сбивается, когда он снова опускается ниже, направляясь прямо к моим трусикам.

Ниткин делает паузу, встречаясь со глазами и наклоняя голову в сторону.

— Я чувствую, что ты начинаешь возбуждаться, а я еще даже не порвал кожу.

В этом темном подземелье его глаза выглядят демонически, когда он слишком пристально наблюдает за моим лицом, как будто пытается заглянуть сквозь меня в мою душу.

Давление на нож усиливается, и я чувствую, как мое сердце колотится в предвкушении со скоростью тысячи миль в час. А затем он слегка взмахивает запястьем, разрезая кожу чуть выше пояса моих белых трусиков.

— Красиво.

Гаврил не может оторвать глаз от маленького надреза, который он сделал, и капель крови, стекающих на ткань и пачкающих ее. Он подцепляет ножом мои трусики и

медленно срезает их с тела, заставляя меня возбудиться так, как никогда прежде.
Несмотря на то, что этот мужчина уже доводил меня до оргазма, он еще не видел меня такой обнаженной. Когда обрывки трусиков падают на пол, я понимаю, что никогда не чувствовала себя более уязвимой.
Тихий рокот вырывается из его груди, а взгляд опускается между моих бедер, вызывая огонь по всему моему телу.
— Сэр, что...
Он крепко хватает меня за горло, обрывая меня прежде, чем я успеваю закончить.
— Никаких вопросов.
В выражении его лица – тьма, которая пугает меня до глубины души.
Он проводит острием ножа мимо пореза на моей коже в нижней части живота и опускает его вниз, останавливаясь прямо над клитором.
Я резко вдыхаю кислород, ожидание убивает меня. Этот мужчина непредсказуем и явно немного безумен, а я стою здесь полностью в его власти. Обнаженная, уязвимая и в то же время более нуждающаяся, чем я когда-либо была.
Его глаза вспыхивают огнем, когда он опускает нож ниже, зазубренный край касается моего клитора.
Я вздрагиваю, так как никогда в жизни не чувствовала себя такой чувствительной. Мои соски тверже камня, когда он проводит ножом ниже, а затем вводит кончик внутрь. Кажется, что мое сердце на мгновение перестает биться, пока я задаюсь вопросом, как далеко он зайдет. Наши глаза встречаются, и он наблюдает за мной с садистским весельем, от которого у меня сводит живот.
— Всё еще не боишься монстров, *malishka*?

Я тяжело сглатываю и обдумываю вопрос. Монстры никогда не пугали меня, но, с другой стороны, я никогда не была во власти одного из них так, как сейчас. И все же я не могу найти в себе страха. Когда смотрю в его карие глаза, я не чувствую ничего, кроме чистого, неподдельного желания. Более важный вопрос заключается в том, что, черт возьми, со мной не так, раз я не боюсь этого зверя?

Я качаю головой в ответ.

Гаврил усмехается, в глазах появляется намек на недоверие.

Может, я и не боюсь монстров, но я боюсь того, как далеко зайдет конкретно этот. Насколько развратным может быть Гаврил Ниткин?

Моё дыхание сбивается, когда я чувствую, как он осторожно проводит острым кончиком ножа между моих складочек. Предвкушение и опасность ситуации делают меня только более влажной.

Он действительно засунет в меня острый нож?

Я чувствую, как острие исчезает, но так же быстро, как оно исчезает, я наполняюсь чем-то до самого основания. Крик вырывается из моего горла, и я не могу сдержать его, потому что от мысли, что он только что воткнул в меня нож, мне становится плохо.

— Нет необходимости кричать, хотя, должен признать, что от этого звука я становлюсь тверже камня.

Тогда я понимаю, что он не вонзил в меня острие, а держит за него и засовывает рукоятку в мою киску. Я с трудом сглатываю, когда смотрю вниз и вижу, как его кровь капает на пол.

— Ты такая чертовски мокрая. Я чувствую, как твое возбуждение стекает по рукоятке ножа мне на руку, смешиваясь с моей кровью, - рычит он.

Я впиваюсь зубами в нижнюю губу и смотрю ему в глаза.

— Может, это потому, что я такая же развратная, как и Вы. - Я тяжело сглатываю. — Может, Вы не единственный монстр.
Гаврил качает головой, трахая меня рукояткой в устойчивом ритме, подталкивая к краю.
— Нет, ты гребаный ангел, которого развратил монстр. - Он стискивает зубы, боль отражается в его зрачках, а с руки капает всё больше крови, пока он трахает меня.
— Каково это, когда тебя трахают рукояткой ножа?
Я боюсь ответа, потому что знаю, что он покажет, как я больна.
— Это приятно, - практически шепчу я.
— И тебе понравится, если я порежу тебя чуть глубже?
Я закрываю глаза, не в силах поверить в свои следующие слова.
— Да, сэр.
Из его горла вырывается животный звук, он вытаскивает из меня рукоятку ножа и с лязгом роняет его на пол, заставляя меня подпрыгнуть. Гаврил обхватывает окровавленной рукой мое горло, глаза горят абсолютной порочностью, когда он ухмыляется.
— Я хочу, чтобы ты носила на шее ошейник из моей крови. - Он сжимает сильнее. — И собираюсь надрезать тебя сильнее и размазать твою кровь по своему телу. А когда я, наконец, удовлетворю свою нездоровую жажду крови, я лишу тебя девственности, даже если ты будешь кричать, чтобы я этого не делал.
Я удивленно смотрю на него, недоумевая, зачем мне кричать, когда я уже умоляла его трахнуть меня. Такая перспектива только сильнее возбуждает, – знать, что ничто не способно унять желание этого монстра ко мне.

Глава 16

Гаврил

Между ее бровей образуется складка.
— Зачем мне это делать, когда я уже несколько раз просила Вас трахнуть меня?
— Потому что мы даже не коснулись того, насколько я болен.
Я с большей силой провожу ножом по нижней части ее живота, оставляя двухдюймовый порез, не слишком глубокий, но хорошо кровоточащий. Свободной рукой рисую пальцами по крови, размазывая ее по красивой, нежной коже.
Она вздрагивает, глядя на это.
Кровь сводит меня с ума, когда маленькие ручейки стекают по загорелой коже и исчезают между бедер. Я не знаю, как далеко смогу зайти в этом, но теперь, когда начал, я не смогу остановиться, несмотря ни на что. Даже если Камилла будет умолять меня, не уверен, что у меня хватит самообладания положить этому конец.
Я провожу лезвием ножа между ее влажных складочек, и она вздрагивает, глаза расширяются.
— Ты уже жалеешь, что играла с монстром, маленькая девственница? - дразню я.
Ее глаза сужаются, а губы поджимаются.
— Нет.
Она пытается говорить уверенно, но я слышу дрожь в ее голосе. Чувствую, как страх волнами накатывает на

нее. Эта девственница откусила больше, чем может проглотить.
Невозможно отрицать, что она возбуждена, когда ее соки стекают по бедрам, заставляя их блестеть в тусклом свете подвала. Я опускаюсь перед ней на колени и вылизываю идеальную киску, пробуя на вкус ее возбуждение, смешанное с кровью. Первобытное желание сжимает моё нутро, и я крепко хватаю ее за бедра, притягивая ближе.
Камилла ахает, когда я прикусываю зубами клитор, заставляя ее ноги дрожать.
— Я собираюсь поглотить тебя, *malishka*, - говорю, поднимая на неё глаза, пока она смотрит на меня сверху вниз. Я редко готов стоять на коленях перед женщиной, но для Камиллы готов на все, чтобы заполучить ее.
Ее щеки покрываются приятным румянцем, пока она наблюдает за мной медово-карими глазами, расширенными настолько, что вокруг зрачка виден лишь небольшой ободок.
— Тогда приступай к делу.
Я тихо рычу и впиваюсь зубами во внутреннюю поверхность бедра, заставляя ее вскрикнуть.
— Будь осторожна со своими желаниями.
Я делаю то же самое с другим бедром, и она вздрагивает. А затем возвращаю свое внимание к ее центру, облизывая и покусывая, пока она не начинает стонать, как шлюха.
Когда она меньше всего этого ожидает, я поднимаю нож и провожу зазубренным краем по следам укусов на бедрах, разрезая кожу до тех пор, пока капли крови не выступают на поверхности.
Камилла смотрит на меня сверху вниз с неподдельным желанием в глазах.
— Перестаньте играть со мной, сэр.

Я слизываю кровь с ее кожи и стону.
— Ты восхитительна на вкус.
Она поджимает губы.
— Какая часть меня?
— Каждая часть. - Я встаю и грубо целую ее, мой язык проникает ей в рот, давая почувствовать вкус крови и возбуждения. А потом отстраняюсь и смотрю ей в глаза.
— Чувствуешь свой вкус?
Её горло подрагивает, когда она сглатывает.
— Да, сэр.
Я беру ее за плечо и провожу ножом по коже. Все нанесенные мной раны поверхностны, но я знаю, как извлечь неимоверное количество крови, не причинив слишком большого вреда.
— Я хочу окрасить нас обоих в твою кровь.
Глаза Камиллы расширяются, она кладет руку мне на плечо для устойчивости.
— А потом я трахну тебя так сильно, что ты не поймешь, что с тобой произошло, - бормочу ей в ухо, позволяя своим зубам коснуться его, когда мягко провожу ножом по ее спине, разрезая кожу, пока по ней медленно стекает кровь. — Ты уверена, что готова к этому? - Я отстраняюсь и смотрю ей в глаза.
Её нижняя губа дрожит, когда она качает головой.
— Нет, но я так сильно хочу Вас.
Я рычу и сильно кусаю ее за плечо, оставляя отметины там, где мои зубы вонзились в плоть.
— Повернись, - приказываю я.
Она делает, как сказано, показывая мне свою спину и небольшой порез, который я нанес. Я провожу большим пальцем по крови, размазывая ее по коже. Потребность быть обнаженным и чувствовать ее кровь на своей коже заставляет меня раздеться: сначала я снимаю галстук, рубашку и пиджак, бросая их на пол. Затем расстегиваю

молнию на брюках, наслаждаясь тем, как Камилла напрягается при этом звуке.
Нож со звоном выпадает из моей руки на каменный пол.
— Я собираюсь уничтожить тебя, Камилла. Ты уверена, что готова к этому? - Спрашиваю, снимая брюки и обувь, оставаясь в одних обтягивающих трусах.
Она оглядывается через плечо, зажав нижнюю губу между зубами.
— Лицом вперед, - рявкаю я.
У нее перехватывает дыхание, и она неохотно продолжает смотреть вперед.
— Я готова ко всему, что Вы приготовили для меня.
Я сбрасываю трусы на пол и откидываю их в сторону, мой член напряжен и тверд как камень. Наклоняюсь и забираю нож, после чего подхожу к ней и прижимаю твердый член к ее спине, заставляя Камиллу задыхаться.
— Сэр, я...
Я сильно шлепаю ее по заднице.
— Никаких разговоров. Я просто хочу, чтобы ты перестала всё обдумывать и наслаждалась этим.
Я хватаю ее ногу за колено и вынуждаю согнуться, открываясь мне. Ее тело содрогается от паники, когда ей кажется, что она сейчас упадет вперед.
— Я поддерживаю твой вес.
Зажимаю нож между зубами, а свободной рукой направляю кончик члена к ее мокрому влагалищу.
Ее тело напрягается.
— Что Вы...
Раздражение от её вопросов толкает меня вперед, и я вгоняю свой член в ее тугой, девственный вход. Я не даю ей ни секунды на подготовку или осмысливание момента, так как одним быстрым движением лишаю ее девственности.

Она кричит от боли, и этот крик заставляет меня затвердеть внутри нее.
Я вытаскиваю нож изо рта свободной рукой.
— Вот и всё, кричи для меня, - стону, толкая бедра еще дальше вперед, позволяя последней паре дюймов погрузиться в нее. — Мне нравится, когда кричат, - шепчу ей на ухо.
— Вы сумасшедший. - Я слышу смесь боли, шока и удовольствия в ее голосе. — Вы остановитесь, если я попрошу об этом?
Я подношу нож к ее горлу и давлю на него, из-за чего она хнычет в ответ.
— Что я тебе говорил?
— Никаких вопросов, - бормочет она.
Я опускаю нож ниже и провожу острым краем по коже над ее ключицей.
Она вскрикивает от боли.
— Именно. - Я облизываю губы, наблюдая через ее плечо за тем, как кровь стекает по ее груди. — Но, отвечая на твой вопрос, нет. Сейчас ты ничего не можешь сказать, что могло бы меня остановить.
— Пожалуйста, сэр, - умоляет она.
Я не знаю, о чем именно она меня умоляет. Хочет ли она, чтобы я остановился, или чтобы трахнул ее, и это действительно не имеет значения. Поскольку зверь вырвался из своей клетки, и единственное, что могло бы меня сейчас остановить, - это чудо.
Я отпускаю ее колено и выхожу из нее, из-за чего из прекрасного ротика вырывается разочарованный вздох.
— Повернись ко мне лицом.
Она оборачивается, чтобы посмотреть на меня, ее глаза вбирают в себя мое обнаженное тело в тусклом свете, который скрывает шрамы по всей коже. Щеки покрываются густым румянцем, она облизывает губы,

не сводя глаз с моего члена. Этот пухлый рот будет обхватывать его, но не прямо сейчас.
— Садись вон на тот стол. - Я дергаю головой в его сторону.
Она хмурит брови, переводя взгляд со меня на стол, как будто раздумывает ослушаться моего приказа. Через мгновение ее плечи опускаются.
Она делает, как сказано, но я чувствую нерешительность в ее движениях. Камилла уже не так уверена в себе, как до того, как мы спустились сюда.
Некоторое время просто наблюдаю за ней, пока она садится на стол, теперь ее бедра сжаты вместе. Я запоминаю этот образ Камиллы Морроне во всей ее обнаженной и окровавленной красоте, когда она ждет моего следующего шага, полностью в моей власти. Именного таких действий я жажду ежедневно, несмотря на их садистскую и извращенную природу. Я пытаюсь похоронить свои желания и потребности под обыденными наказаниями, которые раздаю ученикам, но это становится все труднее. И теперь Камилла открыла шлюзы для тьмы — тьмы, которую я больше не знаю, как контролировать.
Я вращаю нож в правой руке и приближаюсь к ней, наслаждаясь тем, как сбивается её дыхание и страх наполняет зрачки.
А затем быстрыми точными движениями делаю два неглубоких надреза под ее грудью, наслаждаясь тем, как кровь стекает по ее коже. Я втираю пальцами кровь, а затем размазываю ее по своему телу и стону, когда мой член выплескивает предсемя на пол.
— Я собираюсь сломать тебя, Камилла. - Я кладу нож на стол рядом с ней и хватаю ее за бедра, широко раздвигая их для себя. — Когда закончу с тобой, от тебя не останется ничего, кроме оболочки той девушки, которой ты когда-то была. - Я подношу головку своего

члена к ее влажному входу, удерживая ее взгляд. — Ты уверена, что все еще хочешь, чтобы тобой овладел монстр?
Её горло сжимается, когда она тяжело сглатывает, заглядывая мне в глаза.
— Конечно.
Я толкаю бедра вперед и погружаюсь в неё по самые яйца.
— Хорошо, потому что, если бы ты сказала "нет", я бы все равно не послушал, - рычу я.
Мои окровавленные пальцы обхватывают ее горло, и я частично перекрываю ей дыхательные пути, с силой толкаясь бедрами внутрь и наружу.
Ее рот приоткрывается, и она издает самый эротичный звук, который я когда-либо слышал. Нечто среднее между стоном и криком. Я вижу боль, написанную на ее лице, когда растягиваю девственную киску своим членом.
Если Камилла думала, что я буду нежен, потому что она девственница, то она разочаровалась. Я не знаю значения этого слова. И все же она наслаждается каждой секундой, выгибает спину, придвигая бедра ближе и позволяя моему члену погрузиться немного глубже в нее.
Я беру нож и провожу им по порезам под ее грудью, провоцируя новое небольшое кровотечение, прежде чем размазываю кровь пальцами по холсту. А после провожу кровью по своей груди.
Она стонет, тело изгибается под моей волей. Я трахаю ее медленно и глубоко, наблюдая, как ее лицо искажается от удовольствия.
— Это так приятно, сэр.
Я крепче сжимаю ее горло, и ее глаза расширяются, когда она пытается вдохнуть воздух.
— Я еще даже не начинал.

Ее глаза закатываются, и она толкает бедра вперед. Недостаток кислорода только усиливает ее наслаждение. Я цепляюсь за последние нити контроля, наблюдая, как она поддается садистским удовольствиям, которые управляют мной, зная, что как только я отпущу себя, остановиться будет невозможно.

— Трахните меня, сэр, - хрипит она, медово-карие глаза расширены так, что вокруг зрачка осталось лишь небольшое кольцо.

Я рычу и отпускаю её, освобождая горло и крепко хватаю за бедра, пока двигаюсь внутри нее. Она чертовски тугая, ее влагалище сжимает меня, как тиски, но я не позволяю этому остановить меня. Мои бедра двигаются резкими, сильными движениями, пока я трахаю ее жестко и безжалостно.

— Такая хорошая девочка, - мурлычу ей на ухо. — Больше не борешься с тем, кто ты есть на самом деле.

Я размазываю кровь по ее груди и своей, не прекращая трахать её, а затем слизываю со своих пальцев.

Ее рот приоткрывается в тихом стоне, когда она наблюдает за тем, как я веду себя словно дикий зверь. Такое чувство, что в этот момент ее пизда становится еще туже, либо мой член становятся тверже. Я стискиваю зубы, понимая, что никогда не испытывал такого сильного удовольствия. Я придвигаюсь к ней ближе и провожу зубами по ее шее.

— Ты такая чертовски мокрая и такая, блядь, тугая. Такое чувство, что я умер и попал в рай.

Я с силой впиваюсь зубами в ее шею, и она стонет от смеси удовольствия и боли.

Так или иначе, это было неизбежно. В тот момент, когда я привел ее сюда в начале года и увидел, как она кончает от боли, я понял, что мне потребуется чудо, чтобы держаться от нее подальше. На самом деле, думаю, что уже знал это после нашего флирта в баре

перед зимними каникулами. Каждый мускул в моем теле напрягается, когда я трахаю ее сильнее, чем когда-либо раньше, наблюдая, как ее лицо искажается от удовольствия.
— Расскажи мне, каково это - подчиниться тьме, - приказываю я.
Ее губы поджимаются, когда я размазываю по себе еще немного ее крови, не обращая внимания на жжение от раны на ладони.
— Это так чертовски приятно, - бормочет она так тихо, как будто боится сказать это слишком громко.
Я рычу, ускоряя темп настолько, что звук соприкосновения нашей кожи эхом разносится по комнате, прерываемый только ее стонами и моими хрипами. Если бы кто-нибудь сейчас зашел в мой класс, то услышал бы оттуда, как мы трахаемся в подвале, словно животные, но мне наплевать.
Все, что меня сейчас волнует, – это лишить эту девушку девственности и уничтожить ее способами, которые она пока не может понять. Я вытаскиваю из нее свой член, что приводит к протестующему возгласу из ее хорошенького маленького ротика.
— Я хочу, чтобы ты встала на четвереньки на полу, - инструктирую ее.
Она нетерпеливо слезает со стола и занимает позицию, оглядываясь на меня через плечо.
От вида ее крови, размазанной по телу, и тугой пизды и задницы, выставленных на всеобщее обозрение, я почти теряю рассудок. Мой член напрягается при мысли о том, чтобы врезаться в ее маленькую тугую попку без предупреждения и какой-либо смазки, кроме ее собственных соков.
Я возвращаю себе каплю контроля, понимая, что это было бы слишком – по крайней мере, для первого раза Камиллы. Вместо этого я опускаюсь на колени позади

нее, держа нож, и вонзаю каждый дюйм своего члена глубоко в тугой, влажный жар.
Её пизда плотно обхватывает мой ствол, как будто пытается втянуть меня глубже. Я размазываю пальцами кровь по ее спине, а затем подношу нож к ее ягодицам. Острым краем медленно провожу круговыми движениями, вписывая свои инициалы в ее кожу. Необходимость заявить о своих правах на нее – чуждая для меня, но желание сделать это царапает внутренности.
— На твоей заднице будут мои инициалы, чтобы ты знала, что принадлежишь мне.
Она стонет, но этот стон с оттенком боли, пока я заканчиваю выводить первую букву G на ее коже. А затем вырезаю N рядом с ней. К тому времени, как я заканчиваю, мой член как стальной стержень внутри ее влагалища, а она сжимает меня так крепко, что я не уверен, где начинается она и заканчиваюсь я.
— Трахните меня, сэр, - умоляет она, оглядываясь на меня через плечо.
Я хватаю ее за бедра так сильно, что на них остаются синяки. Потребность доминировать, разрушать и развращать терзает меня изнутри.
— Я сделаю больше, чем просто трахну тебя, Камилла. Я разорву тебя на части. - Я двигаю бедрами внутрь и наружу яростными движениями, вбиваясь в нее глубоко и сильно, несмотря на то, что знаю, что это её первый раз. — И ты возьмешь всё, что я тебе дам, - ворчу я.
Несмотря на грубость, она выгибает спину, словно приглашая к большему. Я фокусируюсь на своих кровавых инициалах, вырезанных на ее ягодицах, и чуть не кончаю от одного этого зрелища.
Сильно шлепаю ее по другой ягодице, и она стонет, киска становится еще влажнее вокруг моего члена.

— Я хочу, чтобы ты кончила на мой член, - говорю, крепче сжимая ее бедра и притягивая к себе. — Хочу, чтобы ты доказала мне, какая ты на самом деле грязная маленькая болезависимая шлюха.
Она снова бросает на меня взгляд через плечо.
— Ваша грязная шлюха, сэр.
Я рычу и трахаю ее еще сильнее и глубже, чем считал возможным, пока она не кричит:
— Блядь, да, сэр.
Это предупреждает меня о том, что садистские удовольствия унесли ее прямо с края обрыва в свободное падение. Теснота ее щели становится почти жесткой, когда оргазм накатывает на нее волнами.
Тело Камиллы сильно дрожит от напряжения. Ее глаза закатываются, и я могу сказать, что она не испытывала ничего подобного тому, что чувствует в этот момент. Звуки чистого удовольствия разносятся по подвалу.
Я впиваюсь зубами в ее плечо и крепко прижимаю ее к себе, когда кончаю. Мое семя заполняет ее тугую, девственную пизду. Я даже не могу найти в себе силы заботиться о том, что мы не предохранялись, ведь я заклеймил ее как свою.
Наше затрудненное дыхание наполняет гулкое пространство, пока мы оба приходим в себя после взаимных оргазмов. Неохотно вытаскиваю из нее свой член и встаю, направляясь к раковине у стены, чтобы вымыться.
Я не могу подобрать слов, чтобы сказать ей. Не после того, что только что произошло. Если она ожидала, что я лягу на мягкое одеяло и прижмусь к ней, то ее ждет разочарование. Как я уже говорил ей раньше, секс - это всего лишь сделка.
В этот момент я слышу ее гулкие шаги, спешащие к лестнице.

Я хмурю брови, наблюдая, как она выбегает из комнаты в окровавленной рубашке и едва подобранной юбке. Беги, малышка, подстегивает монстр внутри меня. И все же какая-то часть меня разочарована тем, что она убегает, поскольку это доказывает, что, возможно, в конце концов, она не так порочна, как я.

Она испуганная девушка, которая не может справиться с настоящим садизмом. Мне следовало довериться своему внутреннему чутью, но проблема в том, что теперь, когда я попробовал ее на вкус, ей не удастся сбежать так легко.

Глава 17

Камилла

— Где ты была? - Спрашивает Нат, когда я подхожу к нашему столику в кафетерии. — Ты забыла, что должна была встретиться с нами в библиотеке?
Мое сердце неровно стучит в груди, пока я избегаю ее взгляда.
— Меня отправили на наказание, - вру я, чувствуя тошноту в животе.
Элиас сидит рядом с ней, обняв ее за плечи. Жестокая ухмылка кривит его губы.
— Я никогда не считал тебя бунтаркой, Морроне.
Я пристально смотрю на него, часть меня желает, чтобы между ними ничего не менялось. Конечно, я благодарна, что Нат больше не подвергается его мучениям, но теперь нам приходится терпеть его присутствие на каждом гребаном обеде.
— Заткнись, Элиас. - Я сажусь на свое обычное место напротив них.
Воспоминания о том, что я делала с профессором Ниткиным, возвращаются снова и снова, и жгучие порезы, которые мне пришлось забинтовать под рубашкой, являются постоянным напоминанием. Я бежала так быстро, как только могла, из подвала до самой комнаты в общежитии, радуясь, что не столкнулась ни с кем из знакомых. Или, по крайней мере, ни с кем из тех, кто обратил на меня внимание.
Рубашка, в которой я была, так сильно испачкалась кровью, что я выбросила ее в мусорное ведро,

испытывая непреодолимый стыд, когда смывала кровь со своей кожи в душе. У меня перед глазами до сих пор картина того, как вода окрашивается в красный цвет, стекая в канализацию. А после того, как я закончила, вытерлась и перевязала нанесенные порезы, я разрыдалась.

Я рыдала не из-за боли или того, что мы сделали, а потому, что не могу до конца понять, что произошло между нами и почему мне это понравилось. С тех пор я пытаюсь убедить себя, что не наслаждалась этим, несмотря на то, что знаю, что это ложь.

Со мной явно что-то не так.

— Камилла? - Адрианна произносит мое имя, наморщив лоб.

Я встряхиваю волосами.

— Прости, что?

Она вздыхает.

— Я сказала , что Элиас прав. Что с тобой такое, что ты в последнее время влипаешь в неприятности?

Я встречаюсь с ней взглядом и пожимаю плечами.

— Не знаю. Такое ощущение, что все профессора специально цепляются ко мне.

Мои щеки пылают, когда я беру вилку, накалываю ею картофелину и отправляю в рот. Это единственное, что меня отвлекает, пока я пытаюсь выкинуть из головы все мысли о профессоре Ниткине.

Ева прочищает горло.

— Не без оснований. Ты точно не была образцовой ученицей.

Я хмурю брови.

— На чьей ты стороне?

— Это факт, - говорит Адрианна.

— Да, ты не можешь винить никого, кроме себя, - говорит Нат. — Я никогда не забуду выражение лица

тренера Дэниелса, когда ты набросилась на него из-за Адрианны. Это было нечто.
Элиас смеется.
— Правда, это было охренительно потрясающе. - Меня удивляет искренний тон его голоса. — Ты действительно поставила его на место.
Мое лицо пылает.
— Прекрасно, в какой-то степени я это заслужила, хотя все, что я делала, – это говорила правду.
Я сосредотачиваюсь на своей тарелке и замолкаю, понимая в глубине души, что вела себя так, чтобы меня отправили к профессору Ниткину. И теперь, когда я получила то, что хотела, не знаю, что чувствую. Я никогда не был так сбита с толку, как из-за того, что произошло в подвале меньше часа назад с Гаврилом.
Оргазм был самым большим кайфом, который я когда-либо испытывала в своей жизни. Однако, как только он прошел, реальность обрушилась на меня сильнее, чем град, падающий на землю во время сильной грозы.
Я не могу стереть из памяти его образ, покрытый моей кровью, – это было почти сатанинское зрелище.
Как я могла по-настоящему наслаждаться тем, что мы делали?
Мой желудок сжимается от стыда и отвращения. Не к нему, а ко мне.
И поэтому я сделала единственное, что могла. Я сбежала, как трусиха. Теперь мне будет чертовски неловко, когда я увижу его в следующий раз. Я ничего не могла сказать ему после того, что мы сделали, потому что это было на грани психоза.
— Ты в порядке? - Спрашивает Ева, толкая меня локтем в ребра.
Я прочищаю горло и киваю.
— Да, всё нормально. Просто задумалась.

Она хмурит брови, как будто не верит мне, но, к счастью, не настаивает. Вместо этого она меняет тему.
— Итак, чем вы все займетесь на весенних каникулах? До них осталось всего две недели.
Адрианна раздраженно выдыхает.
— Не напоминай мне. Я ненавижу возвращаться домой.
Нат выгибает бровь.
— Я думала, тебе не терпелось сбежать от тренера Дэниелса.
Я замечаю румянец у Адрианны на щеках.
— Я уже привыкла к его глупостям. С моим отцом гораздо сложнее иметь дело.
Ева кивает.
— Я знаю всё о трудных родителях.
В ее глазах появляется печаль, так как она редко говорит о своей матери и о том, как она умерла. Конечно, ведь тренер Дэниелс застрелил ее, черт возьми. Это безумие.
Даже если она не очень ладила с матерью, должно быть, тяжело потерять ее таким образом. Я бы сделала все, чтобы моя мама все еще была здесь. Судя по тому, что Ева рассказала нам о своей, её мать была не очень хорошим родителем.
— С тех пор ты что-нибудь слышала о своем отце? - Спрашивает Нат.
Ева качает головой.
— Нет, и никогда не ожидала этого.
— Ты скучаешь по родителям? - Спрашивает Адрианна.
Я замечаю, как у Евы сжимается челюсть, прежде чем она качает головой.
— Как бы ужасно это ни звучало, нет. - Она тяжело вздыхает. — Знаю, это звучит бессердечно, но моя мама хотела убить меня, и я никак не могу выбросить это из головы. Я почти рада, что её больше нет. - Она смотрит на Адрианну. — А мой отец не заботится обо мне

настолько, чтобы выходить на связь, и это меня не беспокоит. Здесь, в академии, я счастлива так, как никогда не была. - Она смеется. — Что иронично, ведь я не хотела поступать сюда.
— И теперь ты так рада, что сделала это из-за нас, верно? - шучу я. — Не из-за того, что ты подцепила директора.
— Конечно, отчасти я люблю это место из-за вас троих. - Она улыбается. — Не знаю, что бы я делала без вас, девочки. Это место превратилось бы в ад.
Нат кивает.
— Я согласна, без вас троих это место не было бы прежним. - Выражение ее лица становится немного грустным. — Хотя было бы лучше, если бы Джорджия все еще была здесь.
Я киваю в ответ, и в груди у меня немного ноет. Джорджия стала моей первой подругой здесь, в академии, и было очень тяжело, когда семья забрала ее во время весенних каникул в прошлом году. Она уехала на Сицилию, рассчитывая приехать обратно через две недели, но так и не вернулась, и с тех пор мы не виделись с ней, разве что по видеочату.
Из всех подруг она, пожалуй, единственная, с кем мне было бы комфортно поговорить о дилемме с Ниткиным. Она наименее осуждающая в нашей группе и наиболее открытая, но ее здесь нет.
— Я сейчас вернусь, - говорю, вставая со своим подносом, чтобы вернуть его и взять десерт, как вдруг в кафетерий входит профессор Ниткин и направляется прямо ко мне.
Я скрежещу зубами и не поднимаю глаз от пола, не имея ни малейшего желания смотреть на него после того, что произошло. Он, должно быть, думает, что я жалкая, убежала как трусиха, неспособная встретиться лицом к лицу с темнотой внутри меня и с тем, что это

значит. Ускорив шаги, я спешу на кухню, где оставляют грязную посуду и ставлю поднос.
И в этот момент я чувствую, как чья-то рука сильно хватает меня за локоть.
— Ты думаешь, что можешь просто сбежать от меня?
Я смотрю на мужчину, которого пыталась избегать, и тяжело сглатываю, когда вижу яростное выражение его лица. Гаврил Ниткин чаще всего бывает бесстрастным, за исключением тех случаев, когда у него есть возможность кого-то наказать.
— Отпустите мою руку, - говорю я, вырывая ее из его хватки.
— Ответь мне, Камилла.
Я свирепо смотрю на него, потому что он не имеет права приставать ко мне в кафетерии и говорить о том, чего вообще не должно было случиться.
— Оставьте меня в покое.
Он тихо рычит.
— Это не то, чего ты на самом деле хочешь, и ты не можешь убедить меня в обратном. - Он наклоняется ближе и крепче сжимает мою руку. — Почему ты убежала?
— Это не имеет значения. - Я чувствую, как возвращается стыд, когда отчаянно пытаюсь вырвать руку из его хватки. — А теперь отпустите меня.
— Нет, скажи мне почему. - Он скалит на меня зубы, как бешеный зверь. — Или я затащу тебя обратно в подвал и буду пороть до тех пор, пока ты мне не расскажешь.
— Я сбежала, потому что то, что мы сделали, было неправильно, - говорю, зная, что это не вся правда.
— В этом не было ничего плохого. - Его глаза сужаются.
— Почему ты убегаешь от того, кто ты есть?
Я смотрю в его прекрасные карие глаза, горящие одержимостью.
— Кто я есть?

— Да, ты мазохистка. Я знал это с тех пор, как тебе исполнилось пятнадцать, Камилла. Ты получаешь удовольствие от боли, и в этом нет ничего плохого.
Я качаю головой.
— Это была не просто боль. То, что мы сделали, было садизмом. Это был полный пиздец.
— И все же ты наслаждалась каждой секундой, - мурлычет он мне на ухо.
Я чувствую, как дрожат мои бедра, а киска становится влажной только от того, что он близко. Внутри меня живет болезнь, раз я получала удовольствие от происходящего. Болезнь, от которой я не знаю, как избавиться.
— Со мной что-то не так.
— Ты идеальна, Камилла. С миром что-то не так, раз он указывает всем, что правильно, а что нет.
Я качаю головой.
— Вы сумасшедший. А теперь отпустите мою руку.
Он рычит, как животное.
— Ты разбудила монстра, мисс Морроне. Не думай, что он позволит тебе так легко уйти.
Его взгляд напряжен, несколько секунд он пристально смотрит на меня, прежде чем отвернуться и уйти дальше в кафетерий.
От его прощального предупреждения у меня по спине пробегает дрожь. Очевидно, я недооценила, насколько безумен профессор Ниткин. Его инициалы, вырезанные на моей заднице, наверняка оставят слабый шрам, заклеймив меня его именем на всю оставшуюся жизнь. И тот факт, что она болит всякий раз, когда я сажусь, постоянно напоминает мне о том, что мы сделали.
Я убираю поднос и возвращаюсь к столу без десерта, так как потеряла аппетит, и обнаруживаю, что Нат наблюдает за мной, нахмурив брови. Когда я сажусь, она наклоняется ко мне.

— Что все это значило?
— Что? - Спрашиваю я.
Она вздыхает.
— Профессор Ниткин, схвативший тебя за руку вон там.
Я тяжело сглатываю и пожимаю плечами.
— Он напоминал мне, что завтра после уроков я должна быть у него на наказании, - вру, поскольку у меня буквально нет другого объяснения для неё.
— Это не было похоже на напоминание. - Она прищуривается. — Выглядело довольно враждебно.
— Разве профессор Ниткин не всегда враждебен? - Я смеюсь, хотя мое сердце бешено колотится, из-за расспросов подруги об этой встрече. — Что еще это могло быть?
Я жалею, что задала этот вопрос, как только он срывается с моих губ, так как знаю, что Нат подозревает, что я специально попадала к нему, особенно после моего комментария о попытке его подцепить, который я сделала сразу после зимних каникул.
Она качает головой.
— Не знаю. Просто тебя, кажется, часто посылают к нему с тех пор, как ты упомянула о попытке залезть к нему в штаны.
Такое чувство, словно кто-то сунул мое лицо в печь, и я делаю большой глоток кока-колы.
— Я же говорила тебе, в последнее время профессора как-будто специально цепляются ко мне, за исключением тренера Дэниелса в тот единственный раз.
Нат кивает и продолжает есть, но я чувствую, что она мне не верит до конца.
Адрианна встает.
— Я возвращаюсь в свою комнату в общежитии, потому что устала и у меня свободный период.

Я благодарна, что она не предложила плавание, поскольку ни за что на свете не смогу надеть купальник еще долгое время, особенно после тех ран, которые нанес мне профессор Ниткин сегодня днем.

Ева вздыхает.

— Везет же некоторым. У нас всех дальше право.

Я рада, что следующим у нас будет урок права с директором Бирном, потому что не хочу сегодня снова видеть Гаврила.

Черт, я собираюсь избегать его, насколько это возможно.

После его предупреждения очевидно, что он не намерен так легко отпускать меня, но избежать встречи с ним не так уж сложно.

Академия достаточно большая, и пока я буду вести себя наилучшим образом, у меня не будет причин оставаться с ним наедине.

Не могу понять, почему от этой мысли у меня щемит в груди. Возможно, потому, что в глубине души я хочу снова пересечься с ним. Хочу погрузиться в разврат с мужчиной, который явно не в себе. Одна эта мысль пугает меня больше всего на свете.

Глава 18

Гаврил

Я скрежещу зубами, когда Камилла входит в класс, даже не взглянув в мою сторону. Невозможно подавить жажду крови, которую она разожгла во мне, и все же с тех пор, как мы трахнулись, она не обращала на меня внимания.

Я думал, что это девственница подсаживается на того, трахнул ее первый раз, а не наоборот. Прочищая горло, я заставляю себя отвлечься от проклятия моего существования и достаю учебник по анатомии. Прошла целая неделя с тех пор, как мы зашли слишком далеко, а потом она сбежала, слишком напуганная, чтобы посмотреть правде в глаза.

Что она такая же облажавшаяся, как и я.

Я пытался дать ей понять, что она не сможет так легко убежать от этого в кафетерии тем же вечером после того, как лишил ее девственности, но она явно не восприняла меня всерьез. С тех пор у меня не было возможности застать её одну.

Я показал ей свое истинное лицо и то, что меня заводит, и факт в том, что она наслаждалась каждой чертовой секундой этого, пока не выветрились эндорфины. А потом она бросила один взгляд на меня, на мою кожу, измазанную ее кровью, и убежала, как испуганный кролик от волка, который хочет оторвать ему голову. Спаслась бегством после того, как я порезал ей кожу, уносясь прочь от обезумевшего, изголодавшегося по крови зверя, который хотел поглотить её. Какая-то

часть меня хотела зайти дальше и оставить ее сломленной безвозвратно.
Я встаю, когда звенит звонок и последние ученики занимают свои места, стараясь не слишком зацикливаться на Камилле, так как с того дня она даже не смотрит мне в глаза. Это сводит меня с ума, потому что всё, о чем я могу думать, - это Камилла и то, каким идеальным был наш сеанс траха в подвале. Я хочу повторения, но после того, как она взбесилась, почти уверен, что этого никогда не произойдет.
Игнорируя свой внутренний монолог, я делаю глубокий вдох и фокусируюсь на текущей задаче. Мне все еще нужно преподавать, даже если я больше не могу сосредоточиться ни на чем, кроме нее, особенно когда она сидит в нескольких футах от меня в начале класса.
— Кто может сказать мне, в чем заключается функция почек? - Спрашиваю, пытаясь сконцентрироваться на уроке, который должен вести, а не на студентке, которая избегает меня, как чумы.
Наталья поднимает руку.
— Да, Гурин?
— По сути, почки работают как фильтр, выводя из организма любые токсичные вещества. - Она пожимает плечами. — Но они также работают и в обратном направлении, возвращая жизненно важные вещества в кровоток.
— Правильно. А что произойдет, если у человека повреждены или удалены почки?
Рука Натальи снова взлетает вверх.
Я сжимаю челюсть.
— Гурин?
— Если обе почки будут повреждены или удалены, это приведет к смерти. Так как организм больше не сможет выводить токсины, что в конечном итоге приведет к повреждению других органов. Тем не менее, человек

может выжить, если ему назначат диализ, но это достаточно сложно при наличии только одной функционирующей почки. Если повреждены обе, то, скорее всего, пациент умрет довольно быстро.

— Верно, - говорю я, переводя взгляд на Камиллу, которая избегает смотреть на меня. — Теперь я хочу, чтобы вы написали эссе о том, какой орган, по вашему мнению, является самой легкой мишенью в бою и как бы вы поступили, чтобы остановить его функционирование. Будь то с помощью яда, нападения с ножом или любым другим способом, который вы можете придумать. - Я оглядываю классную комнату. — Выберите жизненно важный орган с самым быстрым и эффективным способом уничтожения и убийства вашего противника.

Некоторые ученики ворчат, как всегда, когда задают сочинение. Но у меня не хватает терпения стоять перед классом и все время говорить об органах, когда Камилла Морроне даже не смотрит на меня.

Я знал, что было ошибкой связываться с кем-то настолько невинным, даже если понимал, что она мазохистка. Нужно быть мазохистом определенного типа, чтобы смириться с моим уровнем испорченности. А я позволил своей жажде крови взять верх, навсегда отпугнув ее от себя.

Я должен быть рад. В конце концов, после секса я редко хочу повторения, но с Камиллой это все, о чем я могу думать. В глубине души я знаю, что это потому, что, хотя Камилла была девственницей и совершенно не подозревала о своей склонности к боли, я никогда не был с женщиной, которая так соответствовала бы моему ритму как она.

Возможно, страх и оттолкнул ее от меня, но не потому, что она испугалась, а потому, что ей не понравилось то, что она узнала о себе. Ей трудно смириться с тем, что она получала удовольствие от таких первобытных,

развратных наслаждений, на которые я открыл ей глаза.
Я сажусь за свой стол и беру верхнее эссе из стопки сочинений младших классов с урока пыток, которые мне нужно проверить. Однако с трудом могу сосредоточиться на словах передо мной, поскольку все они, кажется, сливаются воедино. Такими темпами я ничего не успею сделать, и во всем будет виновата Камилла.
Никогда в жизни я не был так зациклен на другом человеке. Я крепче сжимаю карандаш в руке, и стискиваю челюсть, желая стереть из памяти восхитительные образы ее обнаженной и окровавленной. Он ломается пополам, вырывая меня из гневного тумана, в который я погрузился.
Блядь.
Камилла наклоняется к Наталье, и я срываюсь, понимая, что мне нужно поговорить с ней после занятия, пока я не сошел с ума.
— Что именно такого важного Вам нужно обсудить во время моего урока, мисс Морроне?
Она поворачивает голову в мою сторону и ее глаза расширяются.
— Прошу прощения, сэр. Я просто задала Нат вопрос о задании.
Я встаю и подхожу к их столу.
— Кто дал задание?
— Вы.
Я киваю.
— Так что, если у Вас есть вопрос по заданию, кому Вы должны задавать его?
Ее губы сжимаются, когда она смотрит на меня.
— Вам.
— Именно. Теперь, что за вопрос?

Ее щеки заливает темно-красный румянец, пока она таращится на меня.
— Это неважно. Нат уже ответила.
Я сужаю глаза.
— Значит, Вы солгали про вопрос, связанный с заданием?
Она качает головой.
— Нет, я же сказала Вам...
— Я видел, как Вы говорили, мисс Морроне, но мисс Гурин не произнесла ни слова в ответ, прежде чем я вас прервал. Так что либо Вы лжете, либо у Вас каким-то образом развились телекинетические способности.
Класс хихикает над этим.
Ее плечи опускаются, и она тяжело вздыхает.
— Ладно, я солгала.
— Останетесь после занятия.
Я отворачиваюсь и возвращаюсь к своему столу, чувствуя облегчение от того, что она дала мне возможность остаться с ней наедине. Я заставляю себя сосредоточиться на сочинениях на столе и выкинуть Камиллу из головы, хотя бы до конца урока.
Кажется, проходит целая вечность, прежде чем звенит звонок и все ученики встают, за исключением Камиллы. Я наблюдаю за тем, как она хмурится над своим эссе, избегая смотреть на меня.
Я смотрю, как студенты выходят из класса, ожидая, когда последний отвалит и оставит меня наедине с моим не таким уж невинным завоеванием. Как только дверь со щелчком закрывается, я позволяю себе вернуть свое внимание к Камилле.
Теперь она смотрит на меня отсутствующим взглядом, ожидая, что я заговорю.
Я не произношу ни слова, когда встаю и иду к ее столу.
Ее глаза расширяются от страха, чем ближе я подхожу, и садист внутри меня наслаждается этим. Оказавшись в

сантиметре от ее стола, я останавливаюсь и скрещиваю руки на груди.
— Что Вы можете сказать в свое оправдание, мисс Морроне?
Ее глаза сужаются.
— Я уже извинилась за то, что разговаривала на уроке.
— И что именно ты говорила Наталье?
Она качает головой.
— Это неважно.
— Я хочу точно знать, что ты сказала, Камилла.
Её горло подрагивает.
— Просто констатировала, что урок был скучным до чертиков.
Я рычу на это.
— Правда?
Она кивает.
— Да, сэр.
— Что ж, возможно, мне нужно сделать его немного более захватывающим. - Я провожу рукой по челюсти. — Немного практичнее. - Я разворачиваюсь и направляюсь к двери в подвал. — Следуй за мной.
Когда не слышу ее шагов, я останавливаюсь и оглядываюсь через плечо.
— Я не могу спуститься туда, только не после того, что...
— Ты можешь и ты сделаешь это. Или я потащу тебя вниз, брыкающуюся и кричащую.
Она пристально смотрит на меня, словно оценивая, правду я говорю или нет. Наконец, она сдается и встает, нерешительно следуя за мной.
Я открываю дверь подвала и спускаюсь в темноту, возбуждение покалывает внутри меня.
Она у меня именно там, где я хочу. Меня не волнует, что она этого не хочет. Я зашел слишком далеко.

Я предупреждал ее не играть со мной, но она была непреклонна. Теперь ей придется иметь дело с последствиями.
Оказавшись в подвале, я оборачиваюсь.
— Снимай одежду, всю до единой.
Она сердито смотрит на меня.
— Я же сказала, что не хочу...
— Сейчас же, Камилла. Я предупреждал тебя, во что ты ввязываешься, а ты продолжала настаивать. Снимай одежду, пока я не срезал ее с тебя.
Идея не такая уж непривлекательная. На самом деле, какая-то часть меня хочет, чтобы она бросила мне вызов, только чтобы я мог достать нож.
— Ты - гребаный мудак.
Я с рычанием подаюсь вперед, крепко обхватывая ее рукой за горло.
— Разве так разговаривают со своим профессором? - Приближаю свои губы к её губам на расстояние сантиметра. — Ты будешь делать то, что тебе говорят или да поможет мне Бог. - Я чувствую, как учащается ее пульс под моими пальцами, и это делает меня тверже.
— А теперь перестань вести себя как отродье.
Она сердито смотрит на меня и делает глубокий вдох, когда я освобождаю ее горло. А потом расстегивает пуговицы на своей рубашке.
Я слежу за каждым ее движением, ожидая, когда она откроет мне свою прекрасную кожу.
Воспоминания о том, как она капает кровью на нас обоих сводят меня с ума от потребности, и мне приходится использовать всю свою силу воли, чтобы не сорвать с нее одежду и не поглотить ее.
Наконец, она сбрасывает остатки своей одежды в кучу на полу и смотрит на меня.
Она не пытается прикрыться, стоя там во всей своей обнаженной красе, как разгневанная богиня.

— Иди сюда, - приказываю я.
Ее щеки вспыхивают темно-красным, и она делает шаг вперед. Я чувствую ее возбуждение, даже когда она пытается держаться за свой гнев.
По тому, как учащается её дыхание и расширяются глаза.
— Ты такая чертовски красивая, - бормочу, когда она подходит ближе.
Она отводит взгляд, уставившись в пол.
— Посмотри на меня.
В ней просыпается покорность, и она поднимает глаза, чтобы встретиться с моими.
— На колени.
Её горло судорожно сжимается, когда она сглатывает, но, как хорошая девочка, которой она является в глубине души, она опускается на колени.
На несколько мгновений я запоминаю этот образ, наслаждаясь тем, что она полностью обнажена и подчиняется мне. А затем делаю шаг вперед, пока не оказываюсь так близко к ней, что она находится всего в дюйме от моей промежности.
— Вытаскивай.
Она поднимает на меня вопросительный взгляд.
— Сэр?
— Я сказал, вытаскивай, - рычу я.
Она тянется к пуговице на моих брюках и расстегивает ее, прежде чем потянуть молнию вниз.
Ее пальцы дрожат, когда она стягивает их вместе с трусами-боксерами, освобождая мою твердую как камень эрекцию.
Мне нравится, как она облизывает губы при виде меня, словно позабыв, что она злится.
— Теперь обхвати губами мой член и соси.
Она скрипит зубами.
— Почему?

— Потому что ты сводила меня с ума целую неделю, и пришло время загладить свою вину.

Я внимательно наблюдаю за ней, пока она обдумывает свои варианты, и через несколько долгих мгновений тянется рукой к члену.

Шипение срывается с моих губ, когда она плотно сжимает рукой болезненно твердый член и с силой дергает его.

— Я сказал, соси.

Ее глаза сужаются.

— Не нужно быть таким чертовски грубым.

Я уже собираюсь ответить, когда она обхватывает своими божественными губами кончик моего члена, а затем медленно вводит его в рот.

Я гортанно стону, закрывая глаза от восхитительного ощущения прикосновения женщины, которую хочу так, как никого раньше не хотел. Обычно я не испытываю такой жажды, как в случае с Камиллой, поэтому в прошлом подобное сдерживаемое неудовлетворенное никогда не было проблемой.

— Вот так, *malishka*. Соси мой член, как хорошая девочка.

Она мурлычет, обхватив мой ствол, глаза расширены, любое нежелание решительно улетучилось.

Я запускаю пальцы в ее волосы и сильнее насаживаю на член, кончик упирается в заднюю стенку ее горла.

Она смотрит на меня широко раскрытыми глазами, ее ноздри раздуваются.

Я ухмыляюсь.

— Вы забыли, что играете с монстром, мисс Морроне?

Глава 19

Камилла

Я смотрю на него снизу вверх, пока он блокирует мои дыхательные пути толщиной своего члена, а в его глазах сверкает садистский восторг.
Моё горло болит, пока я жду, что он позволит мне дышать, но чувствую, что он не намерен этого делать.
Паника охватывает меня, и я извиваюсь, пытаясь освободиться от захвата.
Но Ниткин лишь с восторгом наблюдает за моей паникой, как будто ему доставляет удовольствие мой дискомфорт.
Кого я обманываю?
Он получает огромное удовольствие от моего дискомфорта.
Наконец, когда я уже уверена, что сейчас потеряю сознание, он вытаскивает свой член и качает головой.
— У Вас есть нос, мисс Морроне. Используйте его, если не хотите упасть в обморок.
Я злобно смотрю на него.
— Мне бы это не понадобилось, если бы ты не был таким ублюдком и не душил меня своим членом.
Его хватка на моих волосах усиливается, и он проталкивает свой член обратно через мои губы в заднюю стенку моего горла.
— Это твое наказание за то, что ты игнорировала меня целую гребаную неделю. - Он делает толчки внутрь и наружу, как будто трахает мою киску, заставляя меня

задыхаться и давиться его членом. — Теперь дыши через нос.
Несмотря на панику, которую я испытываю, задыхаясь снова и снова, я слушаю его и сосредотачиваюсь на дыхании через нос.
Это облегчает задачу, и я возвращаю себе немного контроля, даже если Гаврил полностью контролирует ситуацию.
— Хорошая девочка, - бормочет он.
Я ненавижу себя за то, что мои соски становятся твердыми, а клитор покалывает в тот момент, когда он называет меня так, как будто его одобрение так чертовски важно.
Он стонет, его глаза закрываются.
— Твоя глотка почти так же хороша, как и твоя пизда.
Мои глаза расширяются, когда я слышу, как профессор использует такое вульгарное слово.
И все же мне нравится слышать, как он это говорит, потому что это так непристойно.
Сколько бы я ни пыталась убедить себя, что ненавижу это, я знаю, что это неправда.
С прошлой недели, когда он лишил меня девственности, словно дикий зверь, я втайне жаждала этого. Связи с мужчиной, от которого сбежала. С мужчиной, которого я старалась избегать.
Не имеет значения, как сильно я пытаюсь убежать от правды, она все равно упорно всплывает на поверхность.
Я мазохистка, причем особенно долбанутая.
Поэтому вместо того, чтобы бороться с этим, я позволяю себе расслабиться, пока он использует меня.
Его член входит и выходит из моего горла с огромной силой. Я фокусируюсь на дыхании через нос, даже когда слюна стекает по моему подбородку и на пол, а слезы застилают глаза.

Я удерживаю его взгляд, бросая ему вызов зайти еще дальше.
Как будто он читает мои мысли, на его губах появляется ухмылка, и он хватает меня за волосы, а затем толкается еще сильнее, пока каждый дюйм не исчезает в моем горле, а яйца не упираются в мой подбородок.
Меня снова охватывает паника, кажется, что меня сейчас вырвет прямо на его член. Я забываю дышать через нос, зрение расплывается по краям, и я уверена, что в любой момент умру от кислородного голодания.
Однако профессор Ниткин знает, что делает: он вынимает член как раз в тот момент, когда у меня кружится голова.
— Теперь пришло время получить то, чего я действительно хочу.
— И что это? - Спрашиваю я, мой голос хриплый и задыхающийся.
— Твоя задница, плотно обхватывающая мой член.
Я напрягаюсь и недоверчиво смотрю на него.
— Что?
— Ты слышала меня. У меня была твоя пизда и твой хорошенький ротик. Пришло время взять твою попку и заявить права на каждую дырочку.
Я тяжело сглатываю при этой мысли.
— Нет.
Он усмехается.
— Кажется, у тебя не очень хорошая память, да?
— Что ты имеешь в виду?
— Я же говорил, что монстрам плевать на согласие, мисс Морроне. - Он все еще держит меня за волосы и использует их, чтобы поднять меня на ноги. — Ты целую неделю бросала мне вызов и держалась на расстоянии. Будет только справедливо, если я накажу тебя тем, что возьму всё, что, блядь, захочу.
Он тащит меня к качелям, свисающим с потолка в углу.

— Ложись на качели.
Мой желудок скручивает, когда я перевожу взгляд с него на конструкцию.
— Ты не можешь этого сделать. Я расскажу…
Его пальцы обхватывают мое горло прежде, чем я успеваю закончить предложение.
— Кому ты расскажешь, Камилла? Ты никогда не доносила на меня, и ты знаешь, что хочешь этого. Ты, блядь, искала этого, появляясь у моей двери снова и снова в ожидании наказания.
Мне трудно дышать, когда он с силой толкает меня на качели.
— Ты примешь всё, что я тебе даю, как хорошая маленькая мазохистка, какой ты и являешься, и будешь наслаждаться каждой гребаной секундой. - Он сильно шлепает меня по ягодицам, заставляя вздрогнуть. — В конце концов, ты принадлежишь мне. - Его палец проводит по едва зажившим инициалам на моей заднице. — Моя.
Он вставляет три пальца в мою киску и стонет.
— Такая чертовски мокрая. Смазка нам не понадобится, твоей будет достаточно.
Я чувствую, как он размазывает возбуждение по моей попке и плюет на нее, заставляя меня содрогаться. А затем он засовывает член в мою киску.
— Я хорошенько намочу свой член в твоей пизде.
Часть меня не может поверить, что он делает это, заходит так далеко, но есть какая-то темная часть меня, которой это нравится. Я хочу, чтобы он брал от меня всё, что хочет, использовал меня и издевался надо мной больными и грязными способами.
— Гаврил, это безумие.
Его глаза вспыхивают.
— Я когда-нибудь говорил тебе, что ты можешь называть меня по имени?

Я поджимаю губы.
— Нет, но я думала…
— Не надо. Для тебя сэр или хозяин.
Я тяжело сглатываю.
— Извините, сэр.
Он выходит из моей киски и прижимает твердую, толстую головку члена к тугой дырочке, заставляя меня напрячься.
— Я бы сказал тебе, что больно не будет, но это ложь. И давай будем честны друг с другом. Ты любишь боль.
Он сильнее вдавливает кончик в тугое кольцо мышц, и я вскрикиваю, когда тот проникает внутрь.
— Именно так. Я хочу слышать, как ты кричишь, когда принимаешь член в свою попку.
Не могу поверить, что долгие годы влечения к этому мужчине, моему профессору, привели к такому.
Боль невероятна, когда он продолжает давить, ни на секунду не отступая, пока я кричу в агонии.
Его член погружается в мою задницу все глубже и глубже, используя в качестве смазки только мое возбуждение.
— Такая. Блядь. Тугая.
Его челюсть напряжена, когда он наблюдает, как его член исчезает внутри меня.
Мне следовало бы кричать, чтобы он остановился, потому что это так неправильно. Я говорю ему "нет", а он все равно это делает.
Может, я и мазохистка, но я не верила, что у меня настолько все не в порядке с головой, что мне понравится, если меня возьмут против воли.
И все же, в глубине души я знаю, что это не совсем против моей воли. Я хочу этого. Я хочу Гаврила. Я хочу того, что он делает со мной, даже если не могу до конца принять, насколько это порочно и что это говорит обо мне как о человеке.

Я опускаю взгляд, когда боль, кажется, немного утихает, и понимаю, что член Гаврила полностью исчез внутри меня.
— Ты приняла каждый гребаный дюйм. - В его голосе звучит почти благоговейный трепет. — Теперь давай посмотрим, как тебе понравится, когда тебе испортят попку.
Его глаза вспыхивают тем же садистским восторгом, который я видела снова и снова.
По спине пробегает дрожь, когда он хватает меня за бедра и отталкивает от себя на качелях, пока его член почти полностью не выходит из меня. А затем притягивает обратно, с силой вбивая в меня каждый дюйм.
Я кричу, боль не похожа ни на что, что я когда-либо испытывала.
Такое ощущение, что он буквально пытается уничтожить меня изнутри.
— Мне чертовски нравится, когда ты кричишь, - говорит он, наблюдая за мной, пока повторяет одно и то же движение снова и снова, наслаждаясь болью, которую причиняет. — Это делает меня таким охуенно твердым.
И все же, чем больше он трахает меня, тем менее болезненным это ощущается.
Пульсация между бедер становится почти невыносимой, и я протягиваю руку вниз, чтобы коснуться клитора.
Гаврил агрессивно отталкивает мою руку.
— Никто не прикасается к тебе, кроме меня.
Я сужаю глаза.
— Это смешно.
Он с силой хватает меня за запястья и поднимает их над головой, наклоняясь над качелями, в то время как его член остается глубоко внутри меня.
— Таковы правила. Ты кончишь, когда я захочу. Ты поняла?

Я должна ненавидеть его требовательность, но, похоже, это только подпитывает мою больную и извращенную потребность быть использованной им.
— Да.
— Что «да»?
— Да, сэр, - отвечаю я, добавляя в свой тон сарказм, поскольку он ведет себя как придурок.
Если он и замечает, то не ругает меня за это. Вместо этого он отпускает мои запястья и снова начинает двигаться. Каждое движение жестче и грубее предыдущего, как будто он проверяет, как далеко он может зайти и сколько выдержит мое тело. Если он ожидает, что я буду умолять его остановиться, то будет удивлен, потому что наслаждение не похоже ни на что, о чем я могла мечтать.
Такое чувство, что удовольствие вот-вот разорвет меня на части, когда я смотрю на мужчину, который двигается во мне. Предположение о том, что он монстр, никогда не было таким актуальным, когда он обнажает зубы.
— Всё еще не страшно, мисс Морроне? - спрашивает он, голос хриплый и грубый.
Я качаю головой.
— Нет, сэр.
Он рычит и проникает в меня еще глубже, чем я считаю возможным, а затем наклоняется и впивается зубами в мое плечо достаточно сильно, чтобы пустить кровь.
— А должно быть, - шепчет он мне на ухо. — Когда монстр чего-то жаждет, он берет это, несмотря ни на что, и этот монстр зависим от каждой твоей частички.
Я всхлипываю, боль и удовольствие становится невозможно различить – они совершенно неотличимы друг от друга. Должно быть, в моем мозгу что-то не так, поскольку я жажду боли, которую он мне доставляет,

не меньше, чем удовольствия. Для меня это одно и то же.
—Твоя задница такая чертовски тугая, - рычит он, облизывая следы укуса на моем плече, пока остается неподвижным внутри меня.
Я содрогаюсь.
— Трахни меня, сэр, - умоляю я.
Он выпрямляется и смотрит на меня сверху вниз своими потусторонними карими глазами.
— Попроси меня вежливо.
— Пожалуйста, трахни меня, сэр.
Он облизывает нижнюю губу.
— Назови меня хозяином, и, возможно, я подумаю об этом.
Я тяжело сглатываю.
— Пожалуйста, трахни меня жестко и грубо, хозяин.
Контроль в его глазах исчезает, он сильно хватает меня за бедра и вколачивается с неизмеримой жестокостью. Член входит быстро и сильно, как будто он пытается разорвать меня на части. Его головка находится так глубоко внутри меня, что кажется, будто я чувствую его у себя в животе, и мне это нравится. Мне нравится, насколько он груб, несмотря на то, что логическая часть моего мозга говорит мне, что это полный пиздец.
— Хорошая девочка, принимай мой член в свою девственную попку вот так, - ворчит он, глядя на меня сверху вниз со смесью благоговения и желания в глазах.
— Да, хозяин, - мурлычу я, страстно желая свести его с ума от потребности.
Его челюсть сжимается.
— Я хочу, чтобы ты кончила. Я хочу чувствовать, как сокращаются твои мышцы, когда ты переступаешь через край. - Его ноздри раздуваются. — Хочу, чтобы ты кончила, несмотря на то, что говорила мне, что не

хочешь этого, потому что в глубине души тебе нравится, когда тебя берут против твоей воли.
Мои глаза закрываются, когда он вонзается в меня с большей силой, чем я считала возможным, а затем я чувствую его палец на своем клиторе.
Он доставляет необходимое удовольствие, и через несколько секунд я разворачиваюсь для него, как плохо упакованный подарок.
Мое тело бьется в спазмах, заставляя качели содрогаться, пока он продолжает трахать меня прямо через оргазм.
— Черт, о, черт, да, - кричу я, не в силах думать из-за эйфории, которая разливается по моим венам.
А затем поток жидкости из моей киски брызгает ему на рубашку, и если бы я не зашла так далеко, то думаю, умерла бы от смущения.
Гаврил только рычит и врезается в меня сильнее.
— Ты маленькая грязная болезависимая шлюха, - бормочет он, сильно сжимая зубы. — Мне нравится, что ты только что брызнула для меня.
Тогда он рычит громче и удерживает себя глубоко внутри меня, изливая семя в мою измученную задницу. Вена пульсирует у него на виске, он закрывает глаза, и входит в меня, выпуская всё до последней капли.
Когда он снова открывает глаза, они сияют триумфом.
— Теперь ты моя, Камилла. Я овладел каждой твоей гребаной дыркой, и тебе не сбежать от меня, как бы сильно ты ни старалась. - Его глаза сужаются. — Неважно, как быстро ты бегаешь.
Его слова должны были бы напугать меня, но они лишь разжигают волнение глубоко внутри меня. Волнение и интерес, куда заведет эта сумасшедшая, извращенная история между нами.

Глава 20

Гаврил

Я захлопываю холодильник в учительской сильнее, чем собирался.
— Что, черт возьми, с тобой сегодня не так, Гэв? - Спрашивает Арч, наблюдая за мной с выгнутой бровью.
— Ничего, - бормочу, открывая банку кока-колы и опрокидывая содержимое в горло. Мне нужно что-нибудь покрепче, но знаю, что Оак терпеть не может, когда я пью на работе.
С тех пор, как я силой лишил Камиллу анальной девственности две недели назад, она не может оставаться в стороне. Либо она ввязывается в неприятности, чтобы ее отправили ко мне, либо я, несмотря ни на что, утаскиваю ее и поступаю с ней по-своему. Никогда еще я так не увлекался девушкой, но, боюсь, Камилла слишком привязалась.
— Ты ведешь себя отстраненно уже несколько недель. Что происходит?
Я свирепо смотрю на него, потому что он всегда сует свой нос в чужие дела.
— Не твое собачье дело. С каких это пор я должен делиться и заботиться, ты, гребаный педик?
Он усмехается и качает головой.
— Ладно, с тобой определенно что-то не так. - Он поднимает руки, сдаваясь. — Держи это при себе. Мне насрать.
Входит Оак и прищуривает глаза, когда видит нас обоих.

— О чем вы двое препираетесь? Каждый раз, когда я прихожу сюда, вы ссоритесь, как пожилая супружеская пара.
Я бросаю на него раздраженный взгляд, поскольку он знает, что это не я провоцирую споры.
— Арчер, как обычно, ведет себя как гребаный мудак.
Оак посмеивается.
— После почти шести лет совместного преподавания в этой школе, я бы подумал, что вы двое привыкли к дерьму друг друга.
Я тяжело вздыхаю и провожу рукой по шее.
— Есть какие-нибудь новости о замене по математике?
Оак знает, что я ненавижу гребаную математику, и он не оставил мне выбора, поставив на замену, но мое терпение на исходе.
— Есть несколько зацепок, но, возможно, тебе придется дать мне время до окончания весенних каникул.
— Это через четыре недели, мать твою.
Он кивает.
— Знаю. У меня были проблемы с поиском тех, кто обладает соответствующей квалификацией.
Я качаю головой.
— К черту квалификацию. Мы - секретная нелегальная академия для наследников мафии. Найди кого-нибудь, кто разбирается в их математике.
Оак задумчиво смотрит на меня.
— В твоих словах есть смысл. Думаю, ты подал мне идею.
— Отлично, надеюсь, эта идея означает, что я смогу как можно скорее перестать вести лишние уроки.
Он пожимает плечами.
— Надеюсь.
Арчер хлопает меня по плечу.
— Не может быть, чтобы все было так плохо.

— Это отнимает время для наказаний. У меня меньше свободных периодов, и поэтому ко мне присылают меньше студентов.
Арчер смеется.
— Ты гребаный псих. Ты знал это?
— Да, и я горжусь этим.
— Вечером на городском стадионе состоится хоккейный матч. Кто-нибудь из вас готов провести время мужской компанией?
Оак качает головой.
— Извини, у меня планы.
Арчер закатывает глаза.
— Чертова семейная жизнь притесняет тебя, Оак. - Он с надеждой смотрит на меня.
Я киваю.
— Конечно, мне бы не помешало отдохнуть от этого места.
Отдых с Арчем говорит о том, в каком я в отчаянии.
А всё потому, что с тех пор, как трахнул Камиллу в задницу против ее воли, я едва держу себя в руках.
Тьма внутри меня хочет вырваться на свободу и разорвать все в клочья на своем пути. Чем глубже я погружаюсь в свою хорошенькую маленькую мазохистку, тем ближе подступает тьма.
Перерыв от академии - именно то, что мне нужно.
— Отлично, я за рулем? - Спрашивает Арчер. Видно, что он хочет, чтобы я сказал, что поведу машину, чтобы он мог выпить.
Я качаю головой.
— Я закажу нам такси. Я хочу выпить, и ты тоже, верно?
Он ухмыляется.
— Конечно, да.
— Я вызову машину ко входу на семь часов.
Арчер подмигивает.
— Тогда до встречи.

И затем он выходит из учительской, оставляя меня наедине с Оаком.
Когда я поворачиваюсь к нему, он смотрит на меня странным взглядом.
— Что? - Спрашиваю я.
Он качает головой.
— Ничего, ты просто кажешься...
— Другим?
— Да. - Он выглядит обеспокоенным.
— Не волнуйся, я не собираюсь слетать с катушек. - Я не совсем уверен в этом заявлении, но все, что могу сделать, – это надеяться, что каким-то образом мне удастся держать себя в руках. — Меня просто бесит то, что приходится вести математику.
Он хмурится.
— Обещаю, что разберусь с этим. Может быть, я смогу попросить Арча подменить тебя на некоторых уроках.
Я фыркаю.
— Ты же знаешь, что он не может брать на себя занятия, не связанные с движением.
У Арчера СДВГ[4], и он едва может удерживать свое внимание на чем-либо. Именно поэтому боевая подготовка и физкультура подходят ему в качестве предметов для преподавания.
Он всегда в движении.
— Я спрошу других профессоров, посмотрим, сможет ли кто-нибудь из них выделить время и помочь.
Я киваю.
— Буду благодарен.
— Ты уверен, что это все, что тебя беспокоит?
Оак знает меня слишком долго, и я понимаю, что он чувствует, что что-то еще не так, но не могу доверить ему мысли, которые крутятся в моей голове.
Если бы он знал, какие развратные и поганые вещи я делал с Камиллой, он бы запер меня в моем подземелье,

пока я не обращусь к психиатру и не разберусь в себе. Дрожь пробегает у меня по спине при воспоминании о том, как он заставлял меня ходить к гребаному психиатру в течение нескольких месяцев после того, как нашел меня и приютил здесь.

— Уверен. Просто рабочая нагрузка выбила меня из колеи. - Я направляюсь к двери. — У меня через пять минут начинается урок анатомии для младшекурсников.

— Конечно, увидимся позже, - говорит Оак.

Я выхожу в коридор и делаю глубокий вдох, чтобы успокоиться. Если я в ближайшее время не возьму себя в руки, Оак вызовет меня на разговор. Каким-то образом, мне нужно выкинуть Камиллу из головы и перестать раздвигать границы, пока тьма не разорвала нас обоих на части и не оставила академию в руинах.

Это был бы не первый раз, когда я оставляю за собой кровавую бойню. Я боюсь, что если в ближайшее время не справлюсь с темнотой внутри себя, то нас ждёт крушение поезда, как в ту ночь в мотеле, когда Оак нашел меня. Только теперь я понимаю всё лучше, и если позволю тьме вернуться на поверхность, я знаю, что на этот раз не выйду из неё невредимым.

Стадион сегодня набит битком.

Ненавижу подобные места, – кажется, что нечем дышать, но мне так отчаянно хотелось оказаться подальше от академии, что я согласился.

Сжимая хот-дог в одной руке, а в другой - большое пиво в бумажном стаканчике, я следую за Арчером к нашим местам. Обычно я не пью пиво, но в таком месте не подают скотч.
— Ты ведь гарантируешь, что здесь нет студентов, да?
Арч поднимает бровь.
— Какая разница, даже если и есть?
Я сужаю на него глаза.
— Ты сказал...
— Я знаю, но я соврал.
— Черт, - бормочу, проводя рукой по шее. — Мисс Васкез здесь, не так ли?
Он пожимает плечами.
— Возможно, я случайно услышал, что она придет на игру сегодня вечером, да.
— Я нахрен убью тебя.
Он хмурит брови.
— В любом случае, почему это так важно для тебя?
Это важно, потому что если Адрианна здесь, то весьма вероятно, что и Камилла тоже.
Мы точно не обсуждаем нашу личную жизнь или то, что мы делаем в свободное время. Наши отношения до сих пор были чисто физическими, и такими они и должны оставаться.
— Потому что ты делаешь вид, что просто хочешь отдохнуть, а на самом деле всё это полная чушь. Ты хочешь заполучить девушку на крючок, и это единственная причина, по которой мы здесь.
Он ухмыляется.
— Я почти уверен, что мои крючки уже прочно закреплены.
— Ты хочешь сказать, что уже трахал ее?
Он пожимает плечами.
— Я не рассказываю о своих похождениях.

Я тяжело вздыхаю и протискиваюсь мимо нескольких человек, чтобы добраться до нашего места. И тогда чувствую, как меня охватывает шок при виде Камиллы, сидящей на сиденье передо мной с Риццо Бьянки. Его рука обнимает ее за плечи, как будто они вместе.
Ярость захлестывает меня, я сжимаю кулаки с такой силой, что раздавливаю свой хот-дог и проливаю пиво на пол и ботинки, когда сплющивается бумажный стаканчик.
— Гэв, какого хрена? - Спрашивает Арчер, уставившись на меня так, будто я сошел с ума.
Адрианна тоже не одна, сидит рядом с Камиллой вместе с Николаем Крушевым. По другую сторону от Риццо сидят Элиас и Наталья, а также Роза и Алекс.
— Похоже, твои крючки не так глубоки, как ты думал, - говорю я, кивая в ее сторону.
Его глаза сужаются, когда он видит их.
— Ублюдок.
Я наклоняюсь вперед и стучу Камиллу по плечу.
— Могу я спросить, что Вы здесь делаете, мисс Морроне?
Ее тело напрягается при звуке моего голоса.
Рука Риццо соскальзывает с ее плеч, когда он оборачивается.
— Эй, профессор, мы просто наслаждаемся игрой. Это ведь не противоречит школьным правилам?
Камилла поворачивается ко мне лицом, и когда она смотрит на меня, я вижу в её глазах страх.
— Да, просто наслаждаюсь игрой.
— И кто разрешил вам покинуть территорию школы? - Спрашиваю я.
Арчер пристально смотрит прямо на Адрианну, а она ухмыляется ему в ответ.
— Директор Бирн дал нам разрешение, - говорит Адрианна, роясь в кармане и достает бланк с

разрешением, чтобы передать мне.
Я мог бы убить Оака прямо сейчас за это дерьмо, и удивлен, что он одобрил бланк Адрианны, поскольку она явно пытается задеть Арчера, присутствуя вместе с Ником. По выражению ее лица видно, что она спланировала это и позаботилась о том, чтобы он знал, что она будет здесь присутствовать сегодня.
— Мне трудно поверить, что он одобрил бы прогулку для ученицы, которую в последнее время постоянно отправляли на наказание, - говорю, пристально глядя на Камиллу.
Она пожимает плечами.
— Мое имя указано на бланке, как и всех остальных.
Моя маленькая мазохистка получит серьезное наказание за эту выходку. Ей повезет, если я не убью Риццо за это дерьмо.
— Ну что ж, - говорю, бросая последний взгляд на нее. — Наслаждайтесь игрой.
Она кивает.
— Спасибо, Вы тоже.
Она не обращается ко мне "сэр", что тоже действует мне на нервы. Я бессильно наблюдаю, как она поворачивается лицом вперед, рука Риццо снова опускается ей на плечо. Однако он не смотрит в ее сторону, я замечаю, что он смотрит на Розу, которая быстро отводит взгляд в противоположном направлении.
Арч наклоняется ко мне.
— Васкез играет со мной в игры.
Я усмехаюсь.
— Самое время девушке поставить тебя на место.
Он рычит на это, сжимая кулаки, как будто хочет наброситься на меня или на кого-нибудь в непосредственной близости.
— Она пожалеет об этом, попомни мои слова.

Это точно то же самое, что я думаю о Камилле, пока сижу на своем месте и откусываю от раздавленного хот-дога. Наказание, которое я намерен ей вынести за то, что она посещает какие-либо мероприятия с любым другим мужчиной, будет просто эпическим. Если она считает, что видела, каким садистом я могу быть, то она ошибается на многих уровнях.

Ярость лишь подпитывает тьму. Тьму, у которой есть собственный разум. С того рокового дня в стрип-клубе я не чувствовал её так близко к поверхности, требуя вырваться на свободу, как сейчас, и это достаточное доказательство того, что Камилла представляет опасность, и мне следовало держаться подальше.

Я наблюдаю, как она наклоняется к Риццо.

— Я схожу в уборную. Принести еще выпить, пока я встала?

Он поворачивает к ней голову впервые с тех пор, как я сел.

— Конечно, звучит заманчиво.

А затем он снова обращает свое внимание на игру, хотя сначала украдкой бросает быстрый взгляд на Розу, которая, кажется, делает всё возможное, чтобы не смотреть в его сторону.

Камилла встает и, покачиваясь, уходит по проходу, а внутри меня поднимается темнота. Беги, *malishka*, потому что я собираюсь выследить тебя и найти.

Ее вторая самая большая ошибка за день - покинуть свое место, потому что ничто не помешает мне проследить за ней и наказать ее прямо здесь и сейчас. Она не поймет, что с ней случилось, к тому времени, когда я закончу с ней.

Глава 21

Камилла

Моё сердце бешено колотится, когда я забегаю в женский туалет, врываюсь в первую попавшуюся кабинку, захлопываю за собой дверь и прислоняюсь к ней спиной.

Каковы шансы?

Я согласилась прийти на игру с Риццо, потому что он друг Элиаса, и я не хочу, чтобы у моих друзей возникли подозрения по поводу того, почему я отказала одному из самых горячих парней в школе.

И теперь профессор, с которым я сплю, сидит прямо за нами, метая кинжалы мне в затылок. Дверь в туалет распахивается, и я замираю, прислушиваясь. Не знаю, почему подозреваю, что он последует за мной, но я просто чувствую это. Он настолько сумасшедший.

Как только слышу щелчок замка с обратной стороны двери, я понимаю, что это он.

— Думаю, тебя нужно наказать, мисс Морроне. - В его голосе слышатся убийственные нотки, от которых по моей обнаженной плоти пробегает дрожь страха. — Мне казалось, я ясно дал понять, что ты принадлежишь мне.

Я облизываю пересохшие губы, прежде чем заговорить.

— Ты недвусмысленно заявил, что секс для тебя - всего лишь сделка.

— Это так, но пока я сплю с сабой, я ожидаю, что она будет верна мне и только мне.

Я смеюсь.

— Я просто на хоккейном матче. Я же не сосу Риццо член.
Он рычит и с силой ударяет рукой по двери кабинки, заставляя ее содрогнуться на петлях.
— Выходи сейчас же.
От мысли встретиться с ним лицом к лицу, когда он в таком состоянии, мне становится дурно, особенно здесь, когда мои друзья там в толпе и ждут моего возвращения.
— Боюсь, я еще не закончила.
— Не заставляй меня выламывать эту чертову дверь, Камилла. - Он снова дергает ее с такой силой, что я слышу, как скрипят петли. — Ничто не может удержать меня от тебя. Ты понимаешь?
Проглатывая страх, подступающий к горлу, я дотягиваюсь до замка и тяну его на себя, намереваясь открыть дверь, но Гаврил не дает мне шанса.
Он рывком открывает ее, а затем делает шаг ко мне, его пальцы обхватывают мое горло так быстро, что я едва успеваю заметить его движение.
— В какую игру ты играешь?
Я открываю рот, чтобы ответить, но ничего не выходит, так как он душит меня слишком сильно. Паника поднимается внутри меня, как приливная волна, готовая разбиться о берег и оставить за собой разрушения.
У меня кружится голова, когда он медленно лишает меня кислорода, глядя на меня с такой неконтролируемой яростью, что я задаюсь вопросом, действительно ли он зайдёт слишком далеко и лишит меня жизни. В тот момент, когда эта мысль приходит мне в голову, он слегка ослабляет хватку, давая мне возможность вдохнуть кислород.
Я смотрю на него с неверием.
— Ты пытаешься убить меня?

Он наклоняет голову.
— Нет, но тебе нужно усвоить урок.
Я чувствую облегчение, когда его пальцы покидают мою кожу, но по выражению его глаз понимаю, что это далеко не конец. Бросив взгляд на часы, я говорю:
— Мне нужно вернуться или…
Он хлопает ладонью по дверному проему, преграждая мне выход.
— Ты никуда не пойдешь, пока я не скажу.
— Кто-нибудь придет искать меня, если я задержусь.
Он скалит зубы, как разъяренный волк.
— Пусть ищут. Мне плевать.
Прежде чем я успеваю осознать, что он делает, его губы прижимаются к моим в гневном и страстном поцелуе, от которого у меня перехватывает дыхание.
— Ты принадлежишь мне, что означает никаких свиданий с другими мужчинами. Ты поняла?
Мой желудок трепещет, словно миллион порхающих бабочек от того, как по-собственнически он ведет себя. Это безумие, ведь хотя он с самого начала ясно дал понять, что это не более, чем секс, какая-то часть меня надеется, что это может стать чем-то большим.
И то, как он сейчас себя ведет, только подпитывает эту фантазию.
Кончики его пальцев сильнее впиваются в мои бедра.
— Скажи мне, что ты поняла, - требует он.
— Я поняла, - вру я, хотя во всем этом нет никакого смысла.
Секс для него - просто сделка, так почему так важно, с кем я встречаюсь?
Не то чтобы я интересовалась Риццо, и у меня также нет ощущения, что он заинтересован во мне. В конце концов, наши семьи - враги. Я согласилась на это, потому что Нат умоляла меня пойти с ними и составить пару Бьянки.

— Хорошо. - Он вытаскивает меня из кабинки и наклоняет над раковиной. — Пришло время наказать тебя.
Он задирает мою юбку, а затем срывает трусики с ног.
Я тяжело сглатываю, жалея, что надела юбку, которая облегчает ему доступ. Его рука яростно опускается на мою левую ягодицу, заставляя меня подпрыгнуть.
Я вскрикиваю от боли, когда он переходит к моей правой ягодице и делает то же самое. Твердая поверхность раковины впивается в мои бедра, пока он продолжает давить на меня своим весом. Это оставит синяки, но я чувствую, что таково его намерение. Причинить как можно больше физической боли, даже если у него здесь нет никаких орудий.
— Не делай вид, что тебе это не нравится, Морроне.
Я стискиваю зубы.
— Мне не нравится, что ты ведешь себя совершенно неразумно.
Он рычит, его вес давит на меня сильнее.
— Как бы тебе понравилось, если бы я был здесь с другой женщиной и демонстрировал ее?
Когда он так говорит, я прихожу в ярость. От мысли увидеть его с любой другой женщиной у меня сводит живот.
— Я бы возненавидела это.
— Именно. - Он шлепает меня снова, еще сильнее, чем раньше. — Вот почему тебя нужно наказать за то, что ты так чертовски разозлила меня.
Я слышу гнев в его голосе, и он вселяет в меня ужас.
Очевидно, что когда я преследовала этого мужчину, желая, чтобы он обратил на меня внимание так, как я всегда обращала внимание на него, я никогда не задумывалась о том, насколько он безумен.
Не зря он главный каратель в Академии Синдиката. Он любит причинять боль, а я открыла книгу, чтобы

заглянуть внутрь и погрузиться в безумие, которое кроется внутри него.
Однако теперь я не могу выбраться, или, по крайней мере, он мне этого не позволяет.
Я тяжело сглатываю, когда за спиной раздается его неровное дыхание, и смотрю в зеркало, встречаясь с ним взглядом.
Сейчас он выглядит на грани безумия, с широко раскрытыми карими глазами и растрепанными волосами.
— Я трахну тебя прямо здесь и наполню своей спермой, потом ты вернешься и сядешь рядом с этим мальчишкой, а моя сперма будет капать тебе в трусики.
Я с трудом сглатываю при этой мысли, но мои бедра сжимаются.
— Да, сэр.
Звук расстегиваемой молнии ускоряет мое сердцебиение, когда он высвобождает свой член и просовывает головку ко входу в мою насквозь мокрую киску. Не успеваю я перевести дыхание, как он оказывается внутри меня.
Он глубоко вбивает в меня каждый дюйм, когда двигает бедрами внутрь и наружу грубыми, порочными движениями, словно пытаясь перестроить мои внутренности. Я смотрю на него в зеркало, и он смотрит на меня в ответ с таким неприкрытым желанием, что я забываю о безумии того, что мы делаем. И невозможно не стонать, когда он заставляет меня чувствовать себя неосязаемой, как будто я больше не в своем собственном теле.
Мои друзья сидят на трибунах и ждут моего возвращения, а меня, как какую-то шлюху, трахает в туалете наш профессор-садист.
Я тяжело сглатываю, когда раздается стук в дверь и кто-то пытается войти.

Мое тело каменеет, но Гаврил не останавливается.
На самом деле, он даже не подает виду, что слышал их. Он выглядит так, словно находится в другом мире, утопая во тьме, которая, кажется, окутывает его душу.
Интересно, что сделало его таким, или, возможно, с ним ничего не случилось, а просто он такой, какой есть. Как его маска.
В конце концов, у меня нет объяснения, почему мне нравится боль, которую он причиняет. Просто я такая, как есть, наверное. Невозможно не застонать громче, когда я чувствую, что приближаюсь к краю.
Он останавливается так же внезапно, как и начал, свирепо глядя на меня в зеркало.
— Ты слишком наслаждаешься этим, Камилла. Предполагается, что это наказание.
Я впиваюсь зубами в нижнюю губу.
— Простите, сэр. Трудно не наслаждаться тем, как Вы трахаете меня.
Он рычит и вытаскивает из меня свой член, заставляя меня хныкать от внезапного ощущения пустоты.
И тут я чувствую, как головка его члена прижимается к моей заднице. Я замираю, когда чувствую, как он яростно толкается вперед, безжалостно разрывая плотное кольцо мышц.
Я кричу, боль сильнее, чем в первый раз, возможно, потому, меня меньше предупредили.
— Ты не можешь наслаждаться этим, не после того, что ты сделала.
Его карие глаза горят садистским восторгом.
Проблема в том, что он думает, что я не получу удовольствия из-за боли, но это бессмысленно. Мазохист вроде меня жаждет боли так же сильно, как и удовольствия. Черт, иногда я даже не уверена, что могу отличить одно от другого.

Он жестко и грубо трахает меня в задницу, и постепенно мои мышцы вокруг него расслабляются, по мере того как наслаждение усиливается, а боль стихает.
Я издаю стон, от которого у него сжимается челюсть.
— Такая грязная, любящая боль, шлюха, не так ли, Морроне?
Я киваю в ответ.
— Да, Ваша грязная шлюха, сэр.
Он рычит, как животное, его пальцы еще сильнее впиваются в мои бедра.
— Верно. Моя.
Он вонзается в меня еще сильнее, и жгучая боль от того, что меня насильно раскрыли с помощью лишь одного возбуждения, тает.
— Ты чертовски совершенна, Камилла.
Мои щеки пылают от того, как он смотрит на меня в зеркало, как будто я самое желанное существо на этой планете.
— Такая чертовски идеальная и вся моя. Если я хоть раз поймаю тебя на том, что ты не так смотришь на другого мужчину, я убью его. - Он шлепает меня по заднице. — Я буду пытать его и заставлю истекать кровью, прежде чем покончить с его жизнью, а затем трахну тебя, покрытую его кровью.
Холодная дрожь пробегает по моей спине от напряженности его голоса. Безумие в его глазах говорит о том, что он абсолютно серьезен. Интересно, убивал ли он когда-нибудь людей или какой была его жизнь до академии? Голос в моей голове заставляет мой желудок скручиваться.
Конечно, он убивал и до этого. Нельзя так легкомысленно говорить об убийстве, если ты не делал этого раньше.

Профессор Ниткин - полная загадка. Призрак, который прибыл сюда более пяти лет назад вместе с директором Бирном. Никто ничего не знает о его прошлом. Известно лишь, что он родом из России, но это всё.
— Ты понимаешь?
Мое тело сотрясается одновременно от страха, боли и удовольствия, когда я киваю.
— Я понимаю, сэр.
— Хорошо. - Он сильно шлепает меня по ягодицам, а затем вколачивается в меня с еще большей силой, чем я считала возможным. — Потому что я не шучу. Я предупреждал тебя, прежде чем это началось, что ты играешь с монстром, но ты не послушала. - Его челюсть сжимается. — Теперь тебе придется иметь дело с последствиями. Я сделаю тебе только одно предупреждение.
Он хватает меня за горло, поднимая мою голову под неестественным углом, и трахает меня еще сильнее. Нехватка кислорода только усиливает ощущения от его грубого обращения, пока я смотрю на его порочно красивое лицо в зеркале.
Я забываю обо всем остальном за этими стенами, как будто единственные два человека в этом мире - это я и Гаврил, а всё остальное исчезает. Мы находимся в нашей собственной искаженной реальности, где удовольствие и боль идут рука об руку, и в данный момент мне плевать, что об этом думают другие.
Я погрузилась в омут чистого безумия с Гаврилом Ниткиным, и хочу никогда не находить выход из этого. Однако что-то подсказывает мне, что я привязана к нему больше, чем он когда-либо будет привязан ко мне. При мысли о том, что однажды это закончится, моя грудь сжимается от боли, которую трудно описать, и она далека от приятной.

Глава 22

Гаврил

Я первым возвращаюсь на свое место, чтобы избежать подозрений. Через несколько минут возвращается Камилла, держа в руках пиво для Риццо.
— Ты задержалась, - бормочет он, беря пиво и едва глядя в ее сторону.
— Извини, очередь была нелепой.
Он хмыкает и продолжает наблюдать за игрой, его рука уже собирается вернуться на ее плечи, когда она отстраняется.
Хотя его не заботит то, что она благоразумно держится от него на расстоянии. Если Камилла хочет, чтобы парень остался жив, то больше никогда не позволит ему прикоснуться к себе.
До конца игры она едва смотрит в его сторону.
Я с удовлетворением наблюдаю за ней, зная, что моя сперма капает из ее истерзанной задницы, пока она сидит рядом с ним.
Риццо, кажется, это не беспокоит, и, честно говоря, ясно, что Камилла его никогда по-настоящему не интересовала.
Я чувствую, что он неравнодушен к Розе, которая сидит с Алексом.
Арчер в такой же ярости, как и я: он сидит позади Адрианны со сжатыми кулаками, и следит за ней больше, чем за игрой.
— Я убью эту маленькую крысу, - шепчет он мне.
Я вскидываю бровь.

— Не уверен, что Оаку понравится, если ты убьешь студента.
Он хмыкает.
— Что, черт возьми, Адрианна могла в нем найти?
Я пожимаю плечами.
— Может, она сделала это, чтобы позлить тебя?
Его глаза сужаются.
— Что ты имеешь в виду?
— Ну, ты пришел на эту дерьмовую игру только потому, что подслушал, что она будет здесь. - Я делаю паузу, гадая, поймет ли он, что я имею в виду, сам. Когда до него не доходит, добавляю. — Возможно, понимая, что ты последуешь за ней, она сделала это специально, чтобы ткнуть тебе Ника в лицо.
— Черт возьми, - бормочет он, глядя Адрианне в затылок. — Если она хочет играть в игры, тогда я буду играть в гребаные игры.
Его кулаки сжимаются, и я без сомнений понимаю, что никогда раньше не видел его таким злым.
Я ухмыляюсь.
— Ты определенно встретил достойную пару в Васкез. - Я хлопаю его по плечу. — Может, пришло время сдаться?
— Никогда, - рычит он, его глаза становятся темными и вызывающими.
Я никогда не видел Арча с этой стороны, обычно он слишком спокойный и законченный шутник. Очевидно, что Адрианна залезла ему под кожу так же сильно, как Камилла – под мою.
Однако дело в том, что Арчер не такой как я. Тьма не управляет им, поэтому странно видеть её в его глазах. Боюсь, эта игра, как он называет всё происходящее с Васкез, стала чем-то более мрачным и опасным.
Каждый год он трахает студентку или двух, но сейчас все по-другому. Вместо того чтобы смириться с тем

фактом, что Адрианна им не интересуется, он решил переубедить ее. Поставил перед собой задачу добиться её, чего бы это ни стоило.
Мне знакомо это чувство, но оно похоже на хождение по натянутому канату, и одно неверное движение может привести к разрушению.

Оак стучит в дверь моего кабинета, которую я оставил открытой в надежде, что мимо пройдёт Камилла и даст мне повод затащить ее сюда. Привычка, которая сильно участилась за последние несколько недель. С тех пор, как я превратился в зверя-собственника на хоккейном матче, я не могу оторваться от Камиллы. И точно так же она, кажется, еще больше тянется ко мне, как мотылек на пламя.
— В чем дело? - Спрашиваю я.
Он наклоняет голову.
— И тебе привет.
Я провожу рукой по шее.
— Извини. Привет, Оак, что тебе нужно? - спрашиваю с сарказмом.
Он закатывает глаза и раздраженно вздыхает.
— Хотел сообщить тебе, что ты точно не будешь вести математику, когда студенты вернутся с весенних каникул.
— Надеюсь, что нет. - Я откладываю ручку. — Кто берет часы на себя?

— Я бы предпочел не говорить, пока всё не сложится окончательно, но что бы ни случилось, у меня точно есть кто-то, если только все три кандидата не отсеются. - На это он морщится. — Что крайне маловероятно.
Я наклоняю голову.
— Как ты перешел от отсутствия хотя бы одного кандидата к трем?
— Я прислушался к твоему совету и перестал искать квалифицированного специалиста.
Я выгибаю бровь, гадая, что именно это значит, но ясно, что он не собирается говорить мне, кого нанял.
— Ясно. Я просто хочу вернуться к нормальной жизни.
Он кивает.
— Вернешься. - Наступает неловкая пауза, пока он медлит, уставившись на меня. — Ты уверен, что тебя беспокоит только преподавание математики?
Я сжимаю челюсть.
— Я же говорил тебе, что да.
Он смотрит на меня так, будто видит всю мою чушь насквозь.
— Если бы ты был на грани, ты бы...
— Конечно, я бы сказал тебе, - огрызаюсь я, прежде чем он успевает закончить предложение.
Это ложь, потому что я не был так близок к срыву уже более пяти лет. Сказать, что я защищаюсь, когда речь заходит о Камилле, было бы преуменьшением, поскольку я не хочу верить, что могу сделать что-то, что может нанести ей непоправимый вред.
Оак знает меня лучше, чем кто-либо. Он видел бойню, которая последует, если я позволю тьме воцариться.
Я почти не контролирую себя, когда темнота овладевает мной. Мое тело как-будто переходит на автопилот, и я знаю, как опасно, если это произойдет здесь, в академии.

Смерть преследовала меня повсюду, куда бы я ни пошел, но вот уже пять лет, как я положил этому конец. Камилла открыла дверь внутри меня, позволив тьме частично просочиться обратно, медленно, но верно.
Он тяжело вздыхает.
— Ты забываешь, что я видел тебя, когда ты падал за грань. Я знаю предупреждающие знаки.
— Что ты предлагаешь? - Спрашиваю я.
— Джейн Оуэнс в городе, и я хочу, чтобы ты провел с ней несколько сеансов.
Я зажмуриваю глаза и прижимаю к ним ладони при одной только мысли о том, что придется сидеть перед ней на очередных сеансах терапии.
Одним из условий моей работы здесь, в академии, было еженедельное посещение терапии с ней.
А потом, к счастью для меня, она переехала и сказала Оаку, что, по ее мнению, я могу закончить курс.
Она была довольна тем, что я держу свои порывы под контролем.
— Ты, блядь, серьезно?
Он садится в кресло напротив моего стола и смотрит мне в глаза.
— Скажи мне честно, что внутри тебя не назревает хаос, и я откажусь от этой затеи.
Я смотрю ему прямо в глаза, но не могу солгать об этом. Мои плечи опускаются.
— Ладно, я буду ходить на терапию.
— Хорошо. Я оплатил тебе пять сеансов в общей сложности на следующие несколько недель. - Оак встает. — Если она будет довольна тем, что обнаружит, тебе не нужно будет продолжать их.
— Прекрасно, спасибо, - говорю я с сарказмом.
Оак проводит рукой по шее.
— Ты же знаешь, что я делаю это ради тебя, верно?

Чувство вины захлестывает меня, поскольку я знаю, что Оак всегда преследовал мои интересы. Черт, он спас меня от пожизненного заключения, ради всего святого. Я навеки у него в долгу, и об этом легко забыть.
— Я знаю, - произношу тихо. — Спасибо.
Он кивает и поворачивается, чтобы уйти.
— Увидимся позже.
Я смотрю ему вслед, понимая, что, наверное, даже хорошо, что весенние каникулы через несколько дней. Это даст мне возможность отдохнуть от Камиллы. Шанс очистить голову от моей жажды крови.
Как по часам, она неторопливо проходит мимо двери моего кабинета, заглядывая своими прекрасными медово-карими глазами.
Расстояние может подождать до весенних каникул, так как прямо сейчас она нужна мне.
— Камилла, - окликаю её.
Она останавливается и направляется к двери.
— Да, сэр? - Ее голос полон фальшивой невинности.
— Иди сюда.
Ее глаза загораются, когда она заходит в мой кабинет и закрывает за собой дверь.
— Чем я могу помочь Вам, сэр?
— На колени, - приказываю я.
Через несколько секунд она уже на четвереньках и смотрит на меня в ожидании следующего приказа, как хороший, послушный питомец.
Я выдвигаю кресло из-под стола и располагаюсь перед ней.
— Ползи ко мне.
Она делает, как ей сказано, удерживая мой взгляд с сексуальной уверенностью.
— И не останавливайся, пока я не скажу.
Я позволяю ей подползти вплотную к моим бедрам, пока ее лицо не оказывается прижатым к моей промежности.

— Стоп.
Она облизывает губы, привлекая мой взгляд к ним.
Я беру ее за подбородок двумя пальцами и поворачиваю к себе.
— Скажи мне, чего ты хочешь.
— Всего.
Я сжимаю крепче.
— Будь конкретней.
Ее щеки краснеют, но она подчиняется.
— Я хочу пососать твой член.
Моя эрекция становится тверже, когда слышу её слова.
— И это все?
Она качает головой.
— Я хочу, чтобы ты трахнул мое горло, а потом мою киску.
— Продолжай, - настаиваю я.
— Хочу, чтобы ты причинял мне боль, пока делаешь это. Как захочешь. А потом я хочу, чтобы ты наполнил меня своей спермой.
Я наклоняю голову.
— Такая чертовски жадная. Вытащи мой член, *malishka*.
Она тянется к молнии и с нетерпением освобождает член, ожидая, когда я отдам следующий приказ. Её покорность так освежает, она никогда не делает ни одного движения без моего разрешения.
— Соси его.
Она обхватывает пальцами основание, а затем смыкает свои пухлые губки вокруг члена, жадно посасывая его.
Мне нравится, как она ненасытно ведет себя по отношению ко мне, это питает зверя, который хочет вырваться на свободу. Мое сердце бешено колотится, когда что-то, что я хотел попробовать с ней, впивается когтями в мои внутренности, подталкивая меня.
Голос в голове призывает меня сделать это и посмотреть, как сильно ей нравится жить на грани.

Я позволяю ей немного поработать с моим членом в милом маленьком ротике, прежде чем хватаю за волосы и трахаю её горло так, как она того жаждет.
Когда я удовлетворен и почти на грани взрыва, я заставляю Камиллу остановиться, отрывая её рот от себя.
— Я хочу сыграть в одну игру.
Ее брови выгибаются.
— В какую игру?
— В захватывающую. Иди и ляг на мой стол, раздвинув ноги.
Она облизывает губы, а затем забирается на стол и ложится на спину.
Я издаю стон, когда вижу, что на ней нет трусиков.
— Моя маленькая грязная шлюшка. Ходишь мимо моего кабинета без трусиков, так уверена в том, что я вызову тебя сюда.
Она усмехается мне.
— Это облегчает задачу, верно?
Я рычу и лезу в ящик стола, доставая пистолет. Может, и сомнительно иметь оружие в кабинете, когда я профессор, но никогда нельзя быть слишком осторожным, если обучаешь мафиозных отпрысков.
Оак знает, что у меня есть оружие, и у большинства сотрудников тоже где-то припрятано своё, на всякий случай.
Она хмурит брови, когда видит его, приподнимаясь на локтях.
— Для чего это?
Я показываю ей, что он заряжен, а затем снимаю с предохранителя, и провожу дулом по ее мокрой пизде.
— Сэр? - спрашивает она дрожащим голосом.
— Я собираюсь трахнуть тебя им.
Она вздрагивает, ее глаза расширяются от страха.
— Но что, если...

— Я не убью тебя, Камилла.
Она облизывает губы, дрожа так, как я никогда раньше не видел.
— Может, специально и нет, но что, если…
— Перестань думать, *malishka*. - Я вставляю в нее дуло, и она вскрикивает, зажмурив глаза, словно ожидая, что пистолет выстрелит как только окажется внутри нее. — Просто почувствуй. Это весело - жить на грани.
Страх в данный момент берет верх над ее удовольствием, и больная садистская часть меня наслаждается тем, как она корчится. Я наблюдаю за тем, как ее глаза расширяются настолько, что в них почти не видно карего, а грудь поднимается и опускается в неровных, судорожных вдохах.
Я тянусь вверх другой рукой и хватаю ее за запястье, чувствуя, как учащается пульс под моим большим пальцем. Ее страх только усиливает моё возбуждение, и я трахаю ее сильнее. Даже если она напугана, ее киска насквозь мокрая, и пистолет издает влажный звук при каждом толчке.
Мой член такой твердый, что с него капает на стол, пока я нависаю над ней. Мне всегда нравилось быть источником чьего-то страха так же сильно, как и причинять боль.
Я вставляю в нее ствол сильнее и быстрее, зная, что одно неверное движение может привести к катастрофе.
Желание сжимает мои яйца, когда я вижу, как ее страх растворяется и удовольствие берет верх.
— Тебе это нравится? - Спрашиваю я, наблюдая за тем, как она тихо постанывает. — Тебе нравится, что я трахаю твою жадную маленькую пизду своим пистолетом?
Ее глаза зажмуриваются, но она кивает головой, как будто слишком боится произнести вслух, что наслаждается этим.

— Как насчет того, чтобы я засунул его тебе в попку, пока буду трахать твою жадную киску?
Она ахает, глаза распахиваются.
— Ты бы не...
— Не дави на меня, Камилла. Ты прекрасно знаешь, что теперь я это сделаю.
Ее горло подрагивает, когда страх возвращается, вступая в войну с удовольствием. Я достаю бутылочку со смазкой и брызгаю немного на ствол пистолета.
Пока она не смотрит, я ставлю пистолет на предохранитель. Может, я и сумасшедший, но слишком рискованно пытаться трахать ее и контролировать оружие.
Лучше перестраховаться, чем потом сожалеть, но ей не нужно этого знать.
А затем я прижимаю его к ее тугому кольцу мышц.
Она так напряжена, что мне приходится проталкивать силой, несколько раз проводя дулом внутрь и наружу, прежде чем она смиряется.
— Хорошая девочка, прими пистолет в свою попку.
Ее губы дрожат, и она выглядит так, словно находится на грани нервного срыва. Я должен хоть как-то прийти в себя и остановиться, но она не знает, насколько это будет чертовски хорошо.
Она даже не подозревает, каким потрясающим будет ее оргазм с нависшей смертельной угрозой над головой.
Я толкаюсь вперед и глубоко вонзаю член в ее киску.
Она кричит, и мне приходится закрывать ей рот рукой, чтобы заглушить крик.
Пусть я главный каратель, но я никогда не наказываю студентов в своем кабинете, поэтому не хочу привлекать внимание к тому, что мы здесь делаем.
Ствол крепко зажат в ее попке и давит на длину моего члена, делая ее и без того тугую киску еще туже.

— Блядь, - бормочу, глядя вниз на красавицу подо мной.
— Так чертовски приятно.
Она сглатывает.
— Ощущения хорошие. Просто было бы лучше, если бы это был не пистолет.
Я останавливаюсь так, что мой член оказывается глубоко внутри нее, и качаю головой.
— Нет, это так хорошо, потому что это пистолет. Потому что ты доверяешь мне настолько, что я трахаю тебя им, и это доверие делает меня тверже гвоздей, Камилла.
Ее губы дрожат, когда она ловит мой взгляд.
— Мне страшно.
— Хорошо. Ты должна бояться. - Я обхватываю рукой ее горло. — Я наслаждаюсь твоим страхом так же сильно, как и твоей болью.
Ее ноздри раздуваются, а пульс под моей кожей учащается.
— Трахни меня, - говорит она сквозь стиснутые зубы.
Я делаю, как она просит, трахая ее так чертовски жестко, что не уверен, пытаюсь ли я доставить ей удовольствие или сломать ее. Это всё одно и то же.
Боль и удовольствие. Насилие и секс. У меня они всегда шли рука об руку.
Постепенно страх, который она испытывала из-за пистолета в своей попке, исчезает, и на первый план выходит удовольствие. Ее стоны наполняют мой кабинет, и я знаю, что если бы кто-то стоял снаружи, он бы понял, что мы занимаемся здесь сексом, поэтому я достаю из верхнего ящика кусок ткани и комкаю его.
— Открой рот, - приказываю.
Камилла послушно открывает рот, и я запихиваю в него ткань.
— Мы же не хотим, чтобы нас услышали, не так ли?
Она качает головой, все ее тело яростно содрогается на столе.

— Ты близка к тому, чтобы кончить для меня?
В ее глазах вспыхивает раздражение, потому что она не может ответить из-за ткани во рту, но она кивает в ответ.
— Хорошо, я хочу почувствовать твой оргазм с пистолетом в твоей попке и моим членом в твоей пизде.
Я чувствую, как тьма пробивается на поверхность, моя жажда крови возвращается с удвоенной силой. К сожалению, я не держу ножи в кабинете, так как это слишком большое искушение. Если бы у меня был один здесь, я бы разрезал ее кожу, пока она разваливается на части.
Я чувствую, как ее мышцы сжимаются вокруг моего члена с каждым толчком. Ее глаза закатываются, когда наслаждение становится невыносимым. Ткань заглушает ее стоны, когда она кончает, содрогаясь на моем столе, поскольку интенсивность оргазма, кажется, сотрясает ее физически.
Не в силах больше сдерживаться, я выпускаю свою сперму глубоко в нее. Я знаю, что Камилла принимает противозачаточные таблетки, потому что проверил ее медицинскую карту в медпункте. В первый раз, когда мы занимались сексом, я был идиотом, который не проверил и трахнул ее без защиты.
Как только мы оба приходим в себя от взаимного кайфа, я вытаскиваю пистолет из ее задницы и бросаю его на стол. Затем вынимаю тряпку у нее изо рта, и она делает глубокий, хриплый вдох. Наше рваное дыхание - единственное, что стоит между нами, так как после того, что только что произошло, нам нечего сказать.
Каждая встреча с Камиллой Морроне все глубже погружает меня в безумие, и я знаю, что должен остановиться, пока не сорвался с обрыва и не нанес непоправимый ущерб.

Глава 23

Гаврил

— Итак, Гэв, как у тебя дела? - Джейн спрашивает, сидя напротив меня с блокнотом и ручкой в руках и внимательно смотрит, как будто ей не наплевать, как я себя чувствую.
Все психотерапевты одинаковы. Берут деньги только за то, что задают несколько гребаных вопросов, но у меня нет выбора. Оак не собирался принимать отказ в качестве ответа.
— Прекрасно, спасибо.
Она кивает и что-то записывает, словно каким-то образом извлекла информацию о моем психическом состоянии из двух долбаных слов.
— Оак обеспокоен тем, что ты находишься на грани очередного срыва. Можешь объяснить почему?
— Хрен его знает. - Я провожу ладонью по шее. — Я был немного взволнован, потому что моя рабочая нагрузка увеличилась. Вот и все.
— Хм.
Она что-то записывает, выражение лица такое, будто она не верит моему отрепетированному бреду. Раньше я всегда вводил ее в заблуждение, но тогда я лучше контролировал ситуацию.
— Что?
Она делает глубокий вдох.
— Я просто думаю, что ты кажешься другим.
— Ну, прошло несколько лет с тех пор, как мы виделись в последний раз.

— Да, но я чувствую, что тьма, которую мы обсуждали, сейчас сильнее, чем когда-либо.
Я стискиваю зубы.
— Возможно, я и есть воплощение тьмы.
— Что ты хочешь этим сказать?
С некоторых пор я понял, что не могу её контролировать, потому что все, что я делаю, - это подавляю часть себя.
— Тьма - это часть меня, поэтому я не пытаюсь ее контролировать.
Джейн кивает.
— Действительно, тебе не следует пытаться подавлять часть себя. Она будет только сильнее сопротивляться.
— Да, но я не чувствую, что мне грозит срыв. - Я прищуриваюсь. — На самом деле, я никогда в жизни не чувствовал себя более далеким от него.
Это, как ни странно, правда, даже если в последнее время я чувствовал себя неуравновешенным.
Джейн записывает.
— Расскажи мне, что, по-твоему, изменилось.
— Это ведь конфиденциально, да?
— Конечно, я не могу никому разглашать то, что мы обсуждаем, даже Оаку.
Я отношусь к этому скептически.
— Я встретил кое-кого. Того, кто принимает каждую часть меня. - Я тяжело сглатываю. — Того, кто делает мне комплименты, что я никогда не считал возможным.
— Это отличные новости. - Она делает еще несколько заметок. — И ты состоишь в серьезных отношениях с этим человеком?
Я качаю головой.
— Нет, это несерьезно.
— Но ты только что сказал...
— Да, но я не вступаю в серьезные отношения. - Я ерзаю на своем месте. — У нас всё несерьезно, так как я не

хочу, чтобы в дело были вовлечены чувства.
Она приподнимает бровь.
— Значит, когда ты говоришь, что этот человек делает тебе комплименты, ты имеешь в виду сексуальные?
— Да, именно так.
Она лихорадочно делает новые пометки, и это сводит меня с ума.
— Тебе обязательно постоянно писать?
— Только так я могу составить досье и следить за твоим прогрессом.
Я ворчу.
— Я здесь только потому, что Оак заставил меня прийти. Мне ни в коем случае не нужна терапия.
Она поджимает губы.
— Ну, если хочешь знать мое мнение, то звучит так, будто тебе действительно нужна терапия.
— Для чего, блядь?
— Проблемы с обязательствами.
Я скрежещу зубами.
— У меня нет проблем с обязательствами. Я просто не из тех, кто любит отношения.
— И все же ты говоришь мне, что встретил кого-то, кто принимает тебя так, как ты никогда не считал возможным.
Она смотрит на меня так, словно ожидания подтверждения, но я, черт возьми, уже сказал ей это.
— К чему ты клонишь?
— Тогда разве это не тот человек, за которого нужно держаться так крепко, как это физически возможно?
Ненавижу, как много смысла в её словах, но чего она не понимает, так это того, что я не способен ни на что, кроме насилия и боли.
— Все не так просто.
— Почему?
— В жизни не хватит времени, чтобы объяснить всё.

Мое детство - причина моего закрытого сердца, и я знаю, что, не взглянув этому в лицо, я никогда не исцелюсь, но я не хочу смотреть проблеме в лицо или исцеляться. Вместо этого мое сердце становится чернее с течением времени, как гниющая древесина в старом лесу. И, хотя мне кажется, что с тех пор, как я связался с Камиллой, она замедлила процесс гниения, но разложение уже не исправить. Как только что-то сгнило, оно исчезает навсегда.

— Попробуй.

Я качаю головой.

— Нет, я не могу туда пойти.

— Это ведь твое детство, не так ли?

— Мое детство в лучшем случае туманно.

— С какого возраста?

— Всё, что было до четырнадцати лет, довольно пустое.

Я знаю, что там пусто, потому что я заблокировал всё. Чтобы открыть эти воспоминания, нужно приложить некоторые усилия, но я не стану этого делать. Ничего хорошего не выйдет, если открыть шкаф, в котором хранятся мои скелеты.

Я утону во тьме, если сделаю это.

— Ладно, как насчет после четырнадцати?

Я пожимаю плечами.

— Я переехал в Америку, когда мне было четырнадцать.

Это моя легенда, так как я не упоминаю о Торонто ни с кем, кроме Оака.

— С кем?

Я прикусываю язык, потому что часто стараюсь не думать о нем.

— С моим старшим братом, Иваном.

— А где сейчас Иван?

— Ушел.

Она выглядит немного раздраженной моим коротким ответом.

— Мертв? - подтверждает она.
Я киваю, ненавидя то, что чувствую, когда думаю о нем.
Мы были двумя наивными мальчишками, когда приехали в Торонто, думая, что сможем найти работу и устроить свою жизнь вдали от нашего мрачного детства в России. У нас было много денег, так как перед отъездом украли их у отца, понимая, что окажемся в опасности, если он когда-нибудь выследит нас. Ивану было восемнадцать, и он был моим официальным опекуном по нашей визе, но вскоре он связался с плохими парнями.
Мы оба присоединились к Братве Сидорова, но из-за моего возраста я не подвергался такой опасности, как он.
Его застрелили во время простой передачи наркотиков, потому что полиция пронюхала и задержала его, а он по глупости пытался убить копа.
И это при том, что он никогда не стрелял из гребаного пистолета, идиот.
После той роковой ночи я поставил перед собой задачу тренироваться в каждом бою, чтобы быть уверенным, что меня никогда не ранят.
Я должен был стать пуленепробиваемым.
Тогда я поднялся по карьерной лестнице и стал силовиком, используя темноту и боль, чтобы усерднее бороться и блокировать все плохое.
— Ты можешь рассказать мне, что с ним случилось?
Я убью Оака за то, что он вынудил меня к этому. Два года гребаной терапии с Джейн мне удавалось избегать разговоров о своей семье или детстве, и вдруг я выкладываю всё начистоту.
Что это, блядь, такое?
— Я бы не хотел.
Мне нужно прекратить это, пока всё не вышло из-под контроля.

— Хорошо, почему бы тебе не рассказать мне побольше о мужчине или женщине, которую ты встретил?
Я свирепо смотрю на нее.
— Это женщина.
Я знаю, что экспериментировал раньше, и это всплывало, но обычно я предпочитаю женщин, и она знает об этом.
Она пожимает плечами.
— Я не хотела предполагать.
— Если честно, я бы предпочел этого не делать. - Я бросаю взгляд на часы. — О, посмотри на время. Разве сеанс не закончился?
— Гаврил, я должна доложить Оаку, считаю ли я, что ты в здравом уме.
Я скрещиваю руки на груди.
— Ну, я же не собираюсь убивать всю школу, правда?
— Откуда мне знать, если ты не хочешь со мной разговаривать?
— Прекрасно, она великолепна, ясно?
— В каком смысле?
— Она полностью соответствует моим сексуальным вкусам. - Я делаю паузу. — Ты знаешь о них.
Щеки Джейн краснеют.
— Да, ты объяснял раньше.
Я киваю.
— И ты осудила меня, как и большинство людей, но эта женщина... - Я качаю головой. — Она не осуждает меня. На самом деле, у нее те же вкусы.
Джейн записывает дальше.
— Чувствуешь ли ты, что это помогает тебе быть более психически устойчивым?
— Это помогает меня чувствовать себя менее одиноким в этом мире.
— Хорошо, - говорит она, кивая. — Это положительный момент.

— Наверное.
Так и есть. С Камиллой я чувствую себя не таким фриком. Или как будто мы можем быть фриками вместе. С девушкой, которая не боится монстров. Но сможет ли она раскопать во мне человека, который когда-то существовал?
Человечность больше не является частью моего характера, вот почему я знаю, что не могу дать ей то, чего она хочет. Я не могу быть тем мужчиной, который ей нужен, потому что во мне почти не осталось человека. Я - монстр.

Камилла подходит ко мне в коридоре, что очень смело. Она становится все более дерзкой с тех пор, как я трахнул ее в туалете на хоккейном матче.
— Чем ты сейчас занимаешься? - Спрашивает она.
Я смотрю на часы.
— Через двадцать минут у меня собрание.
Она выглядит разочарованной этим.
— Ох.
— Что означает, что у меня есть время поглотить тебя.
Её глаза загораются.
— Ты уверен?
— Абсолютно. А теперь тащи свою сексуальную задницу в мой кабинет.
Она выгибает бровь.
— Кабинет?

Я киваю.
— Да.
Она разворачивается и направляется в сторону моего кабинета. Я практически чувствую исходящее от нее возбуждение, и это чертовски сексуально.
Она прислоняется к стене рядом с дверью, ожидая, пока я открою ее. Я оглядываю коридор, чтобы убедиться, что поблизости никого нет, поскольку такими темпами люди заметят, что я постоянно провожу с ней время.
— Заходи.
Камилла заходит в мой кабинет, покачивая бедрами из стороны в сторону. Она всегда была уверенной в себе девушкой, но в последнее время превратилась в сексуальную лисицу, которая знает, как свести меня с ума одной лишь походкой.
Оказавшись внутри, я притягиваю ее к своей груди, ощущая каждый изгиб мягкого тела на фоне твердых граней моего.
— Ты фантазировала об этом весь день? - шепчу ей на ухо.
Она выгибает спину, вжимаясь попкой в мою эрекцию.
— Да, сэр. - Она трется, покачивая бедрами, вырывая из меня мягкое рычание. — Я весь день думала о том, как ты трахаешь меня.
Я прижимаюсь губами к ее шее, а затем впиваюсь зубами в кожу.
— Жаль, что у меня нет времени трахнуть тебя, но я дам тебе освобождение, *malishka*.
Я заставляю ее развернуться и сажаю на край своего стола, задирая юбку до бедер.
Когда вижу, что на ней нет трусиков, я качаю головой.
— Ты так уверена в себе, что пришла ко мне без трусиков? - Спрашиваю я.
Она соблазнительно проводит языком по нижней губе.

— Я всегда готова для вас, сэр.
Непрекращающееся давление моего члена на молнию брюк становится невыносимым, но я не обращаю на это внимания. Нет времени из-за дурацкого еженедельного собрания персонала, которое ни черта не даст.
Я провожу подушечкой пальца по ее чувствительной плоти, наблюдая за тем, как она дрожит, когда позволяю ему едва скользнуть по ее клитору.
— Скажи мне, чего ты хочешь. - Я ловлю ее взгляд.
Она вздрагивает.
— Вас, сэр. Я хочу всего Вас.
Ее заявление сводит меня с ума, я опускаю голову между ее бедер и с силой посасываю клитор. Она вскрикивает, ее бедра дрожат.
— Тише, или мне придется остановиться.
Она прикусывает нижнюю губу и кивает в знак согласия.
— Да, сэр.
Я впиваюсь зубами во внутреннюю поверхность её бедра, заставляя Камиллу вскрикнуть от удивления. Потянувшись к своему столу, беру галстук и сминаю его в комок.
— Открой пошире.
Она открывает рот, и я засовываю скомканную ткань.
— Молчи, *malishka*.
Она кивает в ответ, цепляясь за край стола, когда я возвращаюсь губы к ее центру.
Медленно провожу кончиком языка по ее мокрому входу до самого клитора и обратно.
Из-за кляпа во рту слышится разочарованное ворчание, она смотрит на меня, желая большего, как жадный маленький питомец, кем она и является.
— Терпение, Морроне.
Её брови хмурятся, когда я облизываю внутреннюю поверхность бедра, дразня ее.

Она запускает пальцы в мои волосы и пытается направить меня туда, куда хочет.
Я рычу и хватаю ее за запястья, сдерживая.
— Никаких прикосновений.
На её лице появляется разочарование, она качает головой, но подчиняется.
Я провожу кончиками зубов по ее клитору, и она вздрагивает.
А потом ввожу в нее два пальца, и ее голова удовлетворенно откидывается назад. Я втягиваю в рот клитор, и все ее тело сотрясается от наслаждения.
Она – мой кайф, и я зависимый от нее, наблюдаю за тем, как закатываются её глаза.
Где-то в глубине моего мозга закрадывается мучительное сомнение, и я, как наркоман, понимаю, что моя зависимость опасна, но бросить ее так же трудно. Я вытесняю мысли из головы и сосредотачиваюсь на красоте передо мной, утопая в этом чувстве.
И поглощаю ее, не желая ничего, кроме как довести ее до оргазма, как будто я раб ее наслаждения. Никогда прежде я не испытывал такой отчаянной потребности доставить удовольствие, обычно это боль.
Ее тихие стоны заглушаются галстуком во рту, когда я завожу ее все выше и выше, покусывая и посасывая ее возбуждение, пока продолжаю трахать пальцем.
Играя на ней, как на музыкальном инструменте, я подталкиваю ее к краю в рекордно короткие сроки.
Ее губы дрожат, и даже с тканью во рту все еще слышен сладкий звук ее оргазма.
— Вот и всё, кончай для меня, Камилла.
Ее глаза распахиваются и удерживают мои, пока наслаждение накатывает волнами. Я наблюдаю за ней, понимая, что отказаться от ощущений, которые она мне дарит, невозможно. Зависимость – это реальная проблема, и Камилла – моя.

Глава 24

Камилла

— Вы можете поверить, что уже весенние каникулы? - Спрашивает Нат, отправляя в рот последний кусок пиццы.
Я качаю головой.
— Нет, последний год пролетает незаметно.
И я знаю, что причина этого - мой тайный роман с Гаврилом. Не верится, что прошло четыре недели с тех пор, как он овладел мной на хоккейном матче и наказал в туалете, как дикое животное. Дни пролетели незаметно, пока мы все глубже погружались в наши извращенные игры друг с другом.
Когда пять дней назад он вставил в меня пистолет в своем кабинете, я думала, что умру от страха. Через некоторое время я расслабилась, и тогда он засунул его мне в задницу и трахнул меня. Каким-то образом мне это понравилось. Как ни отвратительно это признавать, но я наслаждалась властью, которую отдавала ему. Доверием, которое я должна была ему оказать, верой в то, что он не причинит мне вреда, что, несмотря ни на что, он позаботится о том, чтобы я вышла из кабинета живой, а не с выпущенными из пистолета кишками.
Это должно было разозлить меня и заставить больше не хотеть иметь с ним ничего общего, но лишь еще глубже втянуло меня в его сети.
Ева прочищает горло.
— Какие у всех планы?
Нат улыбается.

— Элиас приедет к нам на каникулы. Я собираюсь показать ему Бостон.
Адрианна вздыхает.
— Повезло, что ты хорошо проведешь время. Ненавижу возвращаться домой.
— Тогда зачем ехать? - Спрашивает Ева.
Она приподнимает бровь.
— Что ты имеешь в виду?
— Ну, нет такого правила, что на весенние каникулы нужно ехать домой. Ты могла бы остаться здесь.
Губы Адрианны сжимаются, пока она задумчиво смотрит на Еву.
— На самом деле я никогда не думала о том, чтобы остаться.
— Ты не будешь одна. Мы можем ходить по магазинам в городе и развлекаться.
Глаза Адрианны сужаются.
— Думаю, что ты будешь очень занята своим мужем, разве нет?
Она качает головой.
— В первую неделю он должен улететь на конференцию на Аляску. Холодная погода мне не по душе, поэтому я решила не присоединяться к нему.
Адрианна на секунду задумывается, а затем кивает.
— К черту, я не поеду домой. Честно говоря, сомневаюсь, что моя семья вообще заметит.
Ева улыбается.
— Мы так повеселимся.
— А ты, Камилла?
Я пожимаю плечами.
— Ну, я люблю возвращаться домой к семье. Без сомнения, я буду просто гулять и ходить по магазинам со своей сестрой.
— Тебе так повезло, что у тебя есть сестра, которая тебе нравится, - говорит Адрианна, проводя пальцами

по своим темным волосам. — Моя - самая большая стерва, которую только можно встретить.
Ева вздыхает.
— Тебе повезло, что у тебя вообще есть братья и сестры.
Адрианна ахает.
— О, Боже, прости, что я жалуюсь на свою сестру, а твой брат умер. Это так невнимательно с моей стороны.
Ева качает головой.
— Не беспокойся об этом. Я просто говорю, что важно ценить то, что у тебя есть, пока оно не исчезло. Единственная семья, по которой я скучаю, - это мой брат.
— Не могу представить, чтобы я не любила кого-то из моих братьев и сестер. Мы все так близки друг с другом. - Я пожимаю плечами. — Наверное, мне легко принимать это как должное.
— Не поймите меня неправильно, я люблю свою сестру, и мы дружили, пока росли, но с возрастом она стала агрессивной и стервозной. - Адрианна тяжело вздыхает.
— С братом мы всегда были близки, но он постоянно занят в картеле.
Нат кивает.
— Я люблю своего брата, но он тоже вечно занят. У него не так много времени для меня, когда я дома. Ты можешь приехать в Бостон на вторую неделю, когда вернется Оак.
Адрианна закатывает глаза.
— Что? И быть третьим лишним для тебя и Элиаса? Нет, спасибо.
Наталья хихикает.
— Справедливо.
— Если хочешь, можешь приехать в Чикаго. Проведешь время со мной и моей сестрой.
Адрианна смотрит на меня и улыбается.

— Спасибо за предложение, но на самом деле мне нравится идея провести здесь время в тишине и спокойствии.
Я киваю.
— Без проблем.
Честно говоря, я с нетерпением жду возможности оказаться подальше отсюда. Это шанс прочистить голову и немного разобраться с теми безумными вещами, которые я вытворяла со своим профессором.
В течение двух недель мне не нужно никаких напоминаний об этом месте, хотя сомневаюсь, что смогу удержаться от того, чтобы не связаться с ним во время каникул, если мне удастся заставить его дать мне свой номер. Я слишком нервничала, чтобы спросить, а завтра мы уезжаем.
С тех пор, как у нас начался этот роман, я и дня не провела без встречи с ним. Мысль о двух неделях разлуки заставляет меня чувствовать себя опустошенной.
— Камилла? - Адрианна произносит мое имя, легонько подталкивая меня.
— Прости, что?
Она качает головой.
— В последнее время ты часто уходишь в себя.
— Много всего на уме, - бормочу.
Вместо того, чтобы прокомментировать это, она просто говорит:
— Как насчет последнего заплыва перед тем, как мы уйдем на каникулы? Мы почти не плавали в этом семестре.
Я тяжело сглатываю, потому что не могу плавать, пока не куплю гидрокостюм, который закроет все порезы и синяки на моей коже.
— На самом деле я не в настроении.
Она хмурит брови.

— Ты же знаешь, что будет сложно вернуться в форму, учитывая всё упущенное время.
Я пожимаю плечами.
— Может, я и не вернусь.
Она поджимает губы.
— Ладно, пойду одна.
Я чувствую себя виноватой из-за того, что она разочарована, но никак не могу объяснить синяки и порезы, которые она, без сомнения, увидит, если я надену купальник.
По сути, мне приходилось переодеваться для физкультуры и боевой подготовки в туалете, а не в раздевалке, чтобы убедиться, что их никто не видел.
Если мои подруги и заметили, то, к счастью, никак это не прокомментировали.
— Во сколько ты завтра уезжаешь, Нат? - Спрашиваю я, меняя тему разговора и потягивая кофе.
— Машина заедет пораньше, около девяти утра, чтобы забрать нас с Элиасом.
— Кстати, где он? - Спрашивает Адрианна, оглядывая комнату. — Я почти не видела вас порознь с тех пор, как вы сошлись.
— Ему пришлось в последнюю минуту позаниматься в библиотеке.
Ева смеется.
— Думаю, ты хорошо на него влияешь.
Нат пожимает плечами.
— На самом деле он очень умен, хотя всегда вел себя так, будто ему наплевать на учебу.
Кто-то откашливается позади меня, я оглядываюсь и вижу тренера Дэниелса, уставившегося на Адрианну.
— Можно тебя на минутку? - спрашивает он, пристально глядя на нее.
Она поджимает губы.
— У меня есть выбор?

— Нет, - мрачно отвечает он.
Она кивает и встает, следуя за ним к выходу из кафетерия.
— Этот парень просто так не сдастся, да? - Спрашивает Нат.
Ева качает головой.
— Оак разговаривал с ним, но он сказал, что это все равно что говорить с кирпичной стеной.
— Разве не странно? Я имею в виду, почему он так зациклен на том, чтобы переспать с Адрианной?
Ева пожимает плечами.
— Тот факт, что она отвергла его, вероятно, заставляет его хотеть ее еще больше. Как вызов, который он хочет преодолеть.
— Такой незрелый для взрослого мужчины, - я качаю головой.
— Адрианна справится с ним. Она сильная, - говорит Нат.
Я киваю, ведь это правда. Адрианна - одна из самых крутых людей, которых я знаю, и она не из тех, кого можно запугать, как бы тренер ни старался заставить ее отступить. Я доедаю оставшуюся пиццу, когда у меня жужжит телефон.
Достаю его из кармана и нахожу сообщение со скрытого номера.

> ***Встретимся завтра утром во внутреннем дворике перед библиотекой ровно в 9 утра. Не заставляй меня ждать, или придется тебя наказать. ГН.***

Я тяжело сглатываю, гадая, откуда у него мой номер и почему он скрыл свой. Это значит, что я не могу ответить. Он просто решил, что я буду там, чтобы встретиться с ним, хотя завтра я уезжаю домой.

Я не уеду до полудня, но он этого не знает.
— Как мы будем праздновать вечером? - Спрашиваю, пытаясь игнорировать сообщение и тот факт, что он отправил его со скрытого номера.
— Фильмы и нездоровая пища? - Предполагает Нат.
Я киваю в ответ.
— Звучит как хорошая идея. - Я смотрю на Еву. — Ты сможешь прийти?
Ева поджимает губы.
— Да, сейчас напишу Оаку и дам ему знать. - Она достает из кармана мобильный. — Он улетает на Аляску только послезавтра, и вы уезжаете завтра, так что он поймёт.
Нат издает насмешливый звук, который привлекает внимание Евы.
— Что это было?
Она пожимает плечами.
— Он никогда не понимает, когда ты хочешь потусоваться с нами. Он как пещерный человек-собственник.
Ева улыбается на это.
— В последнее время ты не была так уж свободна для девичников с тех пор, как сошлась с Элиасом.
Щеки Нат краснеют.
— Мы не так ужасны, как вы с Оаком.
— Вы все одинаково ужасны. - Я хмурю брови, оглядываясь на выход из кафетерия. — Где, черт возьми, Адрианна?
Ева ухмыляется.
— Наверное, наконец-то сдалась и прыгнула в его объятия.
Я мотаю головой.
— Не может быть. Адрианна так легко бы не сдалась. Она слишком упряма.

— Давайте, - говорит Нат, вставая. — Пойдемте, выберем фильм. Я напишу ей, чтобы она знала, что мы в ее комнате.
Я выгибаю бровь.
— Как мы попадем в её комнату без нее?
Нат постукивает себя по носу.
— У меня есть свои способы.
Я вздыхаю и следую за подругами в сторону общежития, понимая, что, несмотря на желание насладиться нашей последней ночью вместе перед весенними каникулами, это будет невозможно.
Гаврил Ниткин полностью завладел моим разумом, и я ни за что не смогу сосредоточиться на фильме, что бы мы ни выбрали.
Нат каким-то образом открывает комнату Адрианны своим ключом.
— Только не говори мне, что ты можешь провернуть это со всеми нашими комнатами? - Я смотрю на нее прищуренными глазами.
Она сжимает губы.
— Возможно.
— Как? - Спрашивает Ева, выглядя не менее ошеломленной.
— Возможно, я подкупила секретаршу, чтобы она запрограммировала мой ключ на все четыре комнаты.
Я ахаю.
— Это полное нарушение неприкосновенности частной жизни.
Нат качает головой.
— Я бы не стала использовать его, чтобы рыться в твоих вещах. Это просто на случай, если мне понадобится войти по какой-либо причине. - Она пожимает плечами.
— Вы же меня знаете. Я всегда люблю быть готовой.
Я вздыхаю, потому что это правда. Нат не только самая большая зануда в академии, когда дело доходит до

школьных заданий, она еще и раздражающе подготовлена все время.
— Ладно. Давайте просто выберем фильм.
Мой телефон жужжит, и я достаю его, ожидая смс от Адрианны.
Вместо этого приходит новое сообщение со скрытого номера.

Надеюсь, что ты будешь думать обо мне ночью, лежа в своей постели.

Стиснув зубы, я убираю телефон обратно в карман.
— Кто-нибудь уже слышал что-то от Адрианны?
Ева качает головой.
— Нет, может быть, она действительно уступила Арчеру.
Как по волшебству, дверь распахивается.
— Ни единого гребаного шанса. Как ты вообще могла такое подумать? - спрашивает Адрианна, уперев руки в бедра. — И что более важно. Как, черт возьми, вы сюда попали?
Нат смеется.
— Ты вовремя, мы как раз включаем «Девичник в Вегасе».
Я закатываю глаза.
— Оказывается, у Нат есть копии ключей от всех наших комнат.
— Что? - Спрашивает Адрианна, уставившись на Нат. — Это вторжение в частную жизнь.
Я хихикаю.
— Именно то, что я сказала.
Ева пожимает плечами.
— На самом деле меня это не беспокоит, поскольку я почти не пользуюсь своей комнатой.

— Я просто люблю быть готовой к любым неожиданностям. Таким образом, если ты потеряешь свой ключ, ты все равно сможешь войти, - говорит Нат, пытаясь защититься.
Адрианна тяжело вздыхает и качает головой, опускаясь на диван рядом со мной.
— У меня сейчас нет сил спорить.
— Чего хотел тренер? - Я спрашиваю.
Ее щеки краснеют, и она стискивает челюсть.
— Быть гребаным мудаком, как всегда.
— Он все еще пытается затащить тебя в постель? - Спрашивает Ева.
Адрианна просто кивает.
— Забудь об этом придурке, - говорит Нат, рассыпая попкорн по мискам и бросая нам пакет с конфетами.
— Это последняя ночь здесь за две недели. Давайте забудем о нем.
Я знаю, что она говорит о тренере Дэниелсе, но, в продолжение, мне кажется, что я должна попытаться забыть о Гавриле.
Что практически невозможно, поскольку похоже, что он управляет каждой секундой моих мыслей.
Когда у нас завязались отношения, он ясно дал понять, что это будет не более чем секс, и я согласилась.
И все же прямо сейчас я знаю, что для меня это гораздо глубже. Я чувствую, как он вонзает свои когти так глубоко, что я не смогу их вытащить, как бы сильно ни старалась.

Глава 25

Гаврил

Я вышагиваю по двору перед библиотекой под прикрытием навеса, который ее окружает, раздраженный тем, что она до сих пор не пришла. В моем вчерашнем сообщении было четко сказано, что она должна встретиться со мной здесь, во внутреннем дворе, ровно в девять часов. Прошло уже десять минут, а её все еще не видно. Я не из тех, кто терпит опоздания, особенно от сабы.

Я вытаскиваю свой мобильный из кармана и набираю ее имя, когда слышу приближающиеся тихие шаги. Когда я оборачиваюсь, она стоит в нескольких футах от меня.

— Извини, что опоздала.

Я наклоняю голову.

— Лучше бы у тебя была веская причина.

Она пожимает плечами.

— Мой будильник не сработал.

Я качаю головой.

— Это недостаточно веская причина, Камилла. - Желание призвать ее к ответу велико, но я знаю, что у нас нет времени и здесь не место. — Мне придется наказать тебя после весенних каникул.

Её щеки краснеют.

— Да, сэр. - Она наклоняет голову. — Для чего ты позвал меня сюда?

Я оглядываю двор, чтобы убедиться, что мы одни, и тяну ее дальше в тень, обхватывая ладонью ее шею.

— Для этого.
Я притягиваю ее губы к своим и яростно целую, мой язык проникает в ее рот и поглощает ее изнутри. Это последний раз, когда я целую ее за две недели, и это вызывает во мне странные ощущения. Не могу точно объяснить, почему, но мне не нравится то, что я чувствую.
Она обнимает меня, притягивая ближе, и стонет мне в рот.
Обычно я не позволяю ей прикасаться к себе, но сейчас оставляю это без внимания. Когда мы наконец отрываемся друг от друга, то оба задыхаемся.
Она склоняет голову набок.
— Почему ты скрыл свой номер?
Я сжимаю челюсть.
— Потому что я не могу допустить, чтобы ты надоедала мне во время весенних каникул.
Вспышка обиды в ее глазах не остается незамеченной.
— Надоедала тебе? - Она делает шаг назад и кладет руки на бедра.
— Да, я же говорил тебе, это всего лишь секс. Пока мы на каникулах, нет необходимости поддерживать связь.
Ее челюсть работает, и я могу сказать, что она борется со слезами.
Идеально.
Оказывается, Камилла подсела на меня не только в одном смысле. Я эмоционально недоступен, так что, если она все еще надеялась, что это может перерасти во что-то иное, кроме физической близости, то она ошибалась.
— Я предупреждал тебя, как всё будет, когда мы впервые сблизились, Камилла. Ты заверила меня, что тебя это устраивает.
Она кивает.
— Так и есть. Я ничего не говорила об обратном.

— Выражение твоего лица говорит само за себя. - Я сужаю глаза, чувствуя приближающуюся головную боль. Именно такого рода дерьма я и хотел избежать. — Тебе лучше не видеть в этом больше, чем оно есть, Морроне.
Ее челюсть сжимается.
— Я не понимаю, о чем ты говоришь.
— Я имею в виду, что тебе лучше не надеяться, что из наших отношений может получиться что-то, кроме секса.
Лучше поставить ее на место сейчас, пока ситуация не вышла из-под контроля.
Мое пылающее желание ослепило меня и я не заметил, что она влюбляется.
Боль в её глазах чистая, как море в невыносимо жаркий день, но она пытается скрыть её.
— Вам не следует быть таким самоуверенным, сэр. Это не очень хорошо выглядит.
Переходим в наступление.
— Действительно? - Я прижимаю ее к стене библиотеки, мои руки крепко сжимают ее бедра. — Тогда почему ты так возбуждена прямо сейчас?
У нее перехватывает горло.
— Я не возбуждена. И у меня нет на это времени.
Она пытается оттолкнуть меня от себя, но я не отступаю.
— Вы лгунья, мисс Морроне.
Она издает разочарованный стон.
— Отпусти меня.
Я усиливаю хватку.
— Или что?
— Или я буду звать на помощь.
Ее глаза горят решимостью.
Я прищуриваюсь, размышляя, действительно ли она будет кричать о помощи и поставит под угрозу все

происходящее между нами.
— Ты слишком эмоциональна.
— Эмоциональна?
В ее голосе звучит ярость, и я осознаю свою ошибку.
Никогда не называй женщину эмоциональной, даже если она ведет себя эмоционально. Я всегда следовал этому правилу, но сейчас совершенно забыл о нем.
— А ты ведешь себя как первоклассный мудак.
Я рычу.
— Не разговаривай так со своим профессором.
Она скрипит зубами, отчаянно пытаясь вырваться из моей хватки.
Я вижу, как на её глазах наворачиваются слезы, но она не дает им пролиться. Я никогда не мог понять женскую склонность к слезам.
Черт, в последний раз, когда я плакал, мне было меньше десяти лет, но сейчас я мертв внутри.
Всё человеческое, что во мне когда-то было, полностью исчезло, уничтоженное задолго до того, как Оак нашел меня.
— Я буду говорить с тобой так, потому что прямо сейчас ты ведешь себя не как мой профессор, - возражает она.
Я качаю головой.
— Я не хочу расставаться с тобой на каникулы на такой ноте.
— Какой?
— Злой.
Ее ноздри раздуваются, и она сжимает челюсть.
— Тогда перестань называть меня эмоциональной и быть полным придурком.
Я отпускаю ее и киваю.
— Хорошо.
Она поправляет одежду и высоко держит голову.
— Мне нужно сесть в машину меньше чем через час, а я еще не собрала вещи.

Я выгибаю бровь.
— Кто откладывает сборы на последнюю минуту?
— Я. - Она кладет руки на бедра. — Я была занята прошлой ночью.
Мои глаза сужаются.
— Занята с кем?
Она удерживает мой взгляд несколько мгновений.
— Это имеет значение?
Я рычу и снова прижимаю ее к стене.
— Имеет значение, с кем ты была - с мужчиной или с женщиной.
— Ты чертов псих.
— К чему ты клонишь, Камилла? Ответь мне. С кем ты была?
— С Натальей, Адрианной и Евой, - отвечает она.
Тогда я отпускаю ее. Вся ярость, которая начала нарастать, как лава под земной корой, готовая извергнуться из вулкана, утихает.
— Хорошо.
Она пытается обойти меня, но я преграждаю ей путь.
— Последний поцелуй, *malishka*.
Гнев в ее глазах вспыхивает ярче, но я игнорирую его и притягиваю ее к своей груди.
Даже когда она пытается сопротивляться, ее глаза расширяются, и она инстинктивно поднимает подбородок, приглашая поцеловать.
Мои губы сливаются с ее губами, и я проникаю языком в её рот, исследуя его в последний раз за две недели.
Часть меня не хочет останавливаться, потому что это означает, что мы будем порознь. За сотни километров друг от друга.
Я пытаюсь отогнать это ноющее ощущение и сосредоточиться на том, как хорошо ей сейчас в моих объятиях.

Когда мы отрываемся друг от друга, то оба задыхаемся от возбуждения.
— Увидимся через две недели, сэр, - бормочет она, а затем уходит, легко вальсируя от меня.
Я не знаю, что это за тошнотворное ощущение у меня в животе, но знаю, что оно мне не нравится. Это знак, предупреждающий о том, что нужно держаться подальше от Камиллы Морроне.

В поле зрения появляется городской указатель Чикаго. Прошло пять дней, как я расстался с Камиллой, и уже схожу с ума. Я здесь для того, чтобы выследить ее и наблюдать за ней издалека – по сути, преследовать.
Мне нужно убедиться, что она не с другим мужчиной. В конце концов, она быстро согласилась на свидание с Риццо на хоккейном матче, так что одному Богу известно, чем она будет заниматься по возвращении в Чикаго.
Камилла совершенно не подозревает, что после той игры я установил шпионское ПО на ее мобильный телефон.
Я могу отследить ее в любой точке этого мира. Она нигде не сможет убежать, чтобы я ее не нашел.
Черт, если бы она поехала в Тимбукту, я бы об этом знал.

Я сворачиваю налево, нахожу ближайшую парковку к Блумингдейлу, паркую машину, выхожу и осматриваюсь в поисках входа. Камилла должна была отправится в чертов Блумингдейл именно в тот день, когда я приехал в Чикаго.

Это не совсем то место, где я когда-либо мог бы оказаться, но чувствую, что Камилла из тех девушек, которые любят ходить по магазинам и делать вещи, от которых у меня сводит живот.

Я иду к Блумингдейлу, время от времени поглядывая на трекер в телефоне, чтобы убедиться, что она не уехала куда-то в другое место. К несчастью для меня, нет.

Войдя в универмаг, внимательно слежу за окружающей обстановкой: меньше всего мне хотелось бы, чтобы Камилла застукала меня за тем, как я проверяю ее, поскольку это, без сомнения, создаст у нее неверное впечатление.

Возможно, в начале этого учебного года она и была девственницей, но я не дурак, чтобы думать, что она никогда не ходила на свидания. Я здесь просто для того, чтобы проверить, не гуляет ли она с другими мужчинами.

В тот момент, когда я думаю об этом, меня охватывает странное чувство, и я понимаю, что это потому, что часть меня всё отрицает.

Почему меня волнует, что она может быть с другим мужчиной, если это не больше, чем секс?

Я выбрасываю эту мысль из головы и сосредотачиваюсь на ее поисках. Мои сомнительные действия, когда речь идет об этой девушке, прямо сейчас не являются предметом пристального внимания.

Где может быть молодая девушка в Блумингдейле?

Несомненно, в отделе женской одежды.

Я поднимаюсь на лифте на третий этаж и осторожно прогуливаюсь, пока не слышу ее голос, выкрикивающий

из примерочной.
— Прекрасно, я продолжу поиски идеального платья. Ни одно из этих мне не нравится.
Мое сердце практически перестает биться, когда я отхожу от входа и ныряю за манекен как раз в тот момент, когда она появляется. Неподалеку шляется крупный мужчина в костюме, и когда видит ее, то придвигается ближе. Меня охватывает приступ собственнической ярости, но по тому, как он сохраняет дистанцию, я понимаю, что он всего лишь ее телохранитель.
В конце концов, чикагская мафия враждует между собой. Поэтому вполне нормально, что у нее есть телохранитель, обеспечивающий ее безопасность.
Она выглядит потрясающе в простом, но красивом платье в цветочек длиной чуть ниже колен, а волосы собраны в аккуратный пучок. Я тяжело сглатываю, когда мой член становится твердым при виде нее, но знаю, что не могу действовать в соответствии со своими желаниями.
Приезд в Чикаго из штата Мэн только для того, чтобы проверить ее, наверняка создаст у нее неправильное впечатление.
Я наблюдаю, как она подходит к вешалкам у дальней стены и начинает перебирать платья.
Она выглядит сногсшибательно и взрослее своего реального возраста.
Я сжимаю челюсть и оглядываясь по сторонам в поисках мужчины, с которым она могла бы быть здесь.
И тогда вижу, как Киллиан Каллахан выскальзывает из примерочной и молниеносно проносится мимо Камиллы.
Через несколько мгновений Миа Морроне, выскальзывает наружу, поправляя юбку.
Я вскидываю бровь и смотрю как Миа подходит к своей сестре, как будто она только что не выскользнула из

раздевалки, где была с Киллианом. Камилла, похоже, ничего не замечает.
Камилла бросает взгляд в мою сторону, но я быстро скрываюсь из виду за манекеном.
К счастью, она меня не видит, но, судя по выражению ее лица, она чувствует, что я наблюдаю за ней.
Мне придется быть более осторожным, если я не хочу, чтобы меня поймали.
Сотрудница магазина замечает меня и направляется в мою сторону.
В этот момент я понимаю, что прячусь в гребаном отделе нижнего белья, выглядя как какой-то урод.
— Вам помочь, сэр? - спрашивает она.
Я качаю головой.
— Нет, спасибо.
Я делаю вид, что выбираю бюстгальтеры. Мужчины постоянно покупают нижнее белье для своих подруг. Это не так уж странно.
— Вы уверены? Полагаю, Вы подыскиваете модель для кого-то особенного?
Я стискиваю зубы.
— Да, для моей девушки.
Женщина смотрит немного скептически, но кивает.
— Вы хотите что-то конкретное?
— Знаете, когда я сказал, что мне не нужна помощь, я имел в виду именно это.
Ее глаза расширяются от моего тона, но прямо сейчас она мешает. Мне не нужно, чтобы она привлекала ко мне внимание.
— Ладно, крикните, если Вам что-нибудь понадобится.
Она уходит, а я бросаюсь обратно к манекену, чтобы проверить Камиллу.
Она ушла.
— Мать твою!

Вытаскиваю свой мобильный из кармана и, проверив систему слежения, обнаруживаю, что она покинула здание.

Я выбегаю из Блумингдейла и поворачиваю налево, следуя за ними по улице. Их телохранитель остается с ними, но всегда на несколько шагов позади. Они сворачивают налево по улочке поменьше, затем останавливаются перед маленьким итальянским ресторанчиком, после чего исчезают внутри.

Отлично.

Я никак не могу пробраться внутрь незамеченным, поэтому захожу в кафе напротив и выбираю столик у окна.

Пусть Камилла сейчас не с мужчиной, но я намерен присмотреть за ней пару дней, каким бы безумцем меня это не делало.

Я никогда раньше не был таким собственником по отношению к женщине, но это ничего не значит.

Она идеальная саба, и именно поэтому я хочу, чтобы она была только моей.

По крайней мере, это то, что я пытаюсь сказать себе.

Глава 26

Камилла

— Я скучала по этому, - говорит Миа, привлекая мое внимание к ней поверх стойки, которую мы обе перебираем.
Я ухмыляюсь.
— Не притворяйся, что не была в Блумингдейле бесчисленное количество раз с тех пор, как я уехала в академию.
Миа ни за что не смогла бы без шоппинга так долго. Она помешана на покупках.
— Была, но без тебя всё по-другому.
Я закатываю глаза.
— Шопинг есть шопинг. Неужели тебе не надоедает мое нытье?
Она качает головой.
— Это добавляет развлечения.
Миа может ходить по магазинам часами, и это сводит меня с ума. Я люблю шоппинг, но когда он занимает почти весь день, это выматывает меня.
По позвоночнику пробегает ощущение, будто кто-то наблюдает за мной. Я чувствую это уже некоторое время, с тех пор, как вышла из примерочной. Я оглядываю помещение, проверяя, не наблюдает ли за мной кто-нибудь.
На секунду мне кажется, что я вижу как кто-то скрывается из виду, но я качаю головой. Очевидно, у меня галлюцинации, потому что я умираю с голоду.
— Когда мы уже пойдем за едой? - Я ною.

Миа смеется.
— Ты слишком много ешь. У нас на завтрак была огромная стопка блинчиков.
Я вздыхаю.
— К чему это ты? Я впустую трачу время здесь. Уже час дня.
Она качает головой.
— Ладно. Что ты хочешь?
Я улыбаюсь, ведь это глупый вопрос, когда мы так близко к «Петрони».
— Пиццу, конечно.
— В «Петрони»? - спрашивает она.
Я киваю.
— Куда же еще?
Она возвращает платье обратно на вешалку.
— Тогда пошли. Я расплачусь, и мы отправимся туда. - Миа замолкает, бросая на меня многозначительный взгляд. — Но потом мы вернемся.
— Знаю, я не идиотка.
Она направляется к кассе, где для неё уже открыт счет, привязанный к кредитной карте нашего отца. Вместо того чтобы взять пакет с покупками, она просто кладет его на прилавок, чтобы сотрудники забрали и упаковали, когда мы вернемся. Через минуту мы выходим из Блумингдейла и направляемся по улице к маленькой пиццерии, которую так любим.
Владелец, Винченцо Петрони, подходит поприветствовать нас.
— Камилла, Миа, какой приятный сюрприз. - Он целует нас обеих в щеки, поскольку родом из Италии и немного эксцентричен. — Как вы обе?
— У нас все хорошо, - говорит Миа, бросая на меня взгляд. — Камилла приехала домой на весенние каникулы, и мы просто обязаны были прийти и отведать вашей знаменитой пиццы.

Он улыбается.
— Конечно, обычный столик?
— Да, пожалуйста, - отвечает она.
Я следую за ними к столику в дальнем конце зала у окна. Мы всегда сидим там, если только кто-нибудь не занял его.
Однажды Винченцо предложил пересадить людей, чтобы мы могли занять наш обычный столик, но мы отказались.
— Пришли. Обычный заказ? - спрашивает он.
— Еще бы, - говорит Миа.
Я киваю.
— Да, пожалуйста.
— Сейчас будет.
Я откидываюсь на спинку стула и закрываю глаза, делая глубокий вдох и наслаждаясь ароматом свежей пиццы.
— Я скучала по этому месту.
— Больше, чем по Блумингдейлу? - Спрашивает Миа.
— Намного больше.
Она смеется.
— Мы не могли быть более разными, да?
Я смотрю на нее и улыбаюсь.
— Думаю, именно поэтому мы так хорошо ладим. - В памяти всплывает разговор с Адрианной. — Я так рада, что ты моя сестра, - произношу серьезно.
Она хмурит брови.
— Я тоже, но почему такая серьезная?
Я качаю головой.
— Просто многие не очень ладят со своими семьями. Ты - моя лучшая подруга. - Я беру ее за руку и сжимаю. — И я бы не хотела, чтобы было по-другому.
Она сжимает мою руку в ответ.
— Я тоже.

В этот момент чувство тревоги скручивает моё нутро, привлекая внимание к окну.
Миа замечает мое внезапное беспокойство.
— Что случилось?
Я осматриваю улицу снаружи.
— Не знаю. - Я качаю головой. — Просто меня не покидает ощущение, что за мной наблюдают.
— Наблюдают?
— Да, звучит безумно, правда?
— Ты имеешь в виду кого-то еще, кроме Сандро?
Она кивает в сторону нашего телохранителя, который сидит в другой кабинке и наблюдает за нами, как ястреб.
— Да, кроме Сандро. - Я качаю головой. — Я схожу с ума.
— Нет, то есть, в городе не совсем безопасно. - У нее подрагивает горло, когда она сглатывает. — Но Сандро позаботится о том, чтобы с нами ничего не случилось.
Я киваю в ответ, но не могу избавиться от холода, поселившегося у меня в костях. Еще раз осмотрев улицу вдоль и поперек, я убеждаюсь, что там никого нет.
— Может, у меня просто паранойя, - говорю, когда Винченцо и официант подходят с нашими пиццами и колой.
— Одна неаполитанская и одна пепперони, - объявляет он, ставя передо мной неаполитанскую. — Buon appetito.
— Grazie, Винченцо, - отвечаю я, зная, что ему нравится, когда мы говорим по-итальянски.
Он тепло улыбается и оставляет нас поглощать еду.
Я набрасываюсь на пиццу, но все еще не могу избавиться от ощущения, что за мной наблюдают. Это заставляет меня чувствовать, будто я схожу с ума, пока изо всех сил пытаюсь насладиться своим самым любимым блюдом в мире.

И не могу понять, почему в этот момент мои мысли устремляются к Гаврилу. Я задаюсь вопросом, что он делает прямо сейчас. Часть меня хочет, чтобы он был здесь, рядом со мной, потому что я чувствую себя в большей безопасности, когда с ним, каким бы безумием это ни было, учитывая то, что ему нравится делать со мной. Он должен быть последним человеком, который дарит мне ощущение безопасности.

Миа толкает меня локтем, когда я засыпаю во время просмотра нашего любимого фильма "Когда Гарри встретил Салли".

— Просыпайся.

Это была тяжелая первая неделя весенних каникул, – мы узнали, что у отца четвертая стадия рака, и я всё ждала и надеялась, что Гаврил нарушит свои дурацкие правила и напишет мне. Я вообще нормально не спала.

Все начиналось нормально, пока Массимо не сообщил новость вечером, когда мы вернулись из похода по магазинам.

— Прости, я устала.

Миа качает головой.

— Сейчас только девять часов. Что с тобой?

Я пожимаю плечами.

— Я не очень хорошо сплю после того, как узнала об отце.

Выражение лица Мии смягчается.

— Точно, извини. Я всегда сплю как убитая, что бы ни происходило в моей жизни.
Я фыркаю.
— Знаю, тебе очень повезло.
— Это все, что тебя беспокоит?
Я киваю в ответ, так как не собираюсь снова говорить с ней о Гавриле. Было достаточно неловко рассказывать ей об этом, но тот факт, что она влюбилась в Киллиана Каллахана, врага нашей семьи, придал мне смелости. Я сразу же пожалела об этом, так как она осудила меня за связь с таким мужчиной, как он. И я недооценила, насколько хорошо известны его вкусы в сексе.
Я всегда считала, что могу рассказать Мие все, что угодно, но то, как она посмотрела на меня, заставило меня почувствовать глубокий, бесконечный стыд, который я не могу выразить словами.
— Вы с Киллианом решили, что делать? - Спрашиваю, размышляя, как всё обернется.
Если у Мии все сложится хорошо, то, возможно, есть какая-то надежда для меня и Гаврила, хотя я знаю, что он не хочет никаких долгосрочных обязательств.
Это убого, что я сижу здесь, тоскуя по нему, а он может быть сейчас с другой женщиной.
От этой мысли у меня внутри образуется темная яма, которая, кажется, вот-вот проглотит меня изнутри.
— Не совсем. Все, что я знаю, – это то, что не хочу прекращать встречаться с ним.
Я киваю в ответ.
— Как ты думаешь, что сказал бы Массимо, если бы узнал?
— У него бы сорвало крышу, потому что мы находимся в состоянии войны с семьей Каллахан.
— Да, это будет тяжелый разговор, если ты решишь поднять его.
Миа поджимает губы.

— А что насчет тебя и Ниткина?
— Что насчет этого? - Спрашиваю я, жалея, что она вообще заговорила о нем.
— Не думаю, что он отнесется слишком благосклонно к такой паре.
Я качаю головой.
— Думаю, что ему это не понадобится. Может, я и влюблена в него, но он как глыба гребаного льда.
Она бросает на меня жалостливый взгляд.
— Он не чувствует того же?
— Я не знаю. Когда мы начали спать вместе, он ясно дал понять, что это секс и ничего больше.
— Мудак, - говорит Миа.
— Не его вина, что я согласилась, а потом влюбилась в него.
— Это полностью его вина. Ты - невинная восемнадцатилетняя девственница, и он воспользовался тобой.
Я выпрямляюсь.
— Это неправда. Я пошла на это, точно зная, что делаю.
Миа вздыхает.
— Ты уверена в этом?
— Уверена.
Я не собираюсь сидеть здесь и позволять ей думать, что я какая-то жертва во всем этом. Гаврил с самого начала дал понять, какими будут наши отношения. Он даже пытался отговорить меня от преследования, но я была неумолима.
Теперь я сама виновата, если он разобьет мне сердце.
Он предупредил меня, что он монстр, а у монстров нет сердца. Я не совсем уверена, что он знает, как испытывать чувства к другому человеку. Как будто он устроен по-другому.
— Я просто ненавижу видеть, как тебе причиняют боль.
Я прикусываю нижнюю губу.

— Со мной все будет в порядке.
Миа кивает.
— Это я беспокоюсь о тебе. Тебе не кажется, что связываться с врагом опасно?
— Да, но я не могу сопротивляться ему. Мы как магниты, которых тянет друг к другу, если в этом есть какой-то смысл.
В этом действительно есть смысл, поскольку я чувствую то же самое с Гаврилом.
— Я понимаю, но ты не можешь вечно держать это в секрете.
Выражение ее лица становится немного мрачным, когда она откидывается на спинку дивана.
— Я в курсе этого, но как я могу сказать Массимо?
Я, честно говоря, не знаю, как она может затронуть эту тему, ведь между нашими семьями глубоко укоренилась ненависть. Дед Киллиана убил нашу мать, когда мы были настолько маленькими, что я ее совсем не помню. Боль впивается мне в горло, и я понимаю, что ее отношения с ним кажутся неправильными, учитывая только этот факт.
— Честно говоря, понятия не имею. Мне очень жаль.
Не говоря уже о том, что его мать была убита несколько лет назад по приказу нашего отца. Я не уверена, что отношения могут преодолеть такую плохую историю кровопролития и конфликтов.
Она прижимает руку ко лбу.
— Это будет катастрофа, не так ли?
Я качаю головой.
— Честное слово, не знаю.
Мы погружаемся в мрачное молчание, без сомнения, обе размышляя о своей дерьмовой личной жизни. Мы всегда знали, что нам суждено выйти замуж за того, кто предложит самую высокую цену, условно говоря. И все

же обе осмелились мечтать о том, что сможем сами изменить и сформировать наше будущее.
— Давай перестанем ныть и обратим внимание на фильм. - Миа легонько подталкивает меня локтем. — Это наш любимый, и сцена оргазма может начаться в любой момент.
Я смеюсь, потому что Миа знает, как поднять настроение любому.
— Правда, мне нравится эта часть.
Мы устраиваемся поудобнее на диване, а Миа передает мне миску с попкорном. Я хватаю её и запихиваю горсть в рот. Мы вместе смотрим фильм в уютной тишине, обе пытаемся забыть о наших проблемах, хотя бы на одну ночь.

Глава 27

Камилла

Трудно поверить, как быстро пролетели весенние каникулы, когда я открываю свой шкафчик и достаю учебники по анатомии. Мой желудок сводит от нервов, потому что скоро увижу Гаврила впервые за две недели, и я злюсь на него, хотя и знаю, что не имею на это никакого права.
Он ясно дал понять, прежде чем между нами что-либо началось, что это будет только секс. Мне не следовало надеяться, что он передумает и напишет мне сообщение или позвонит.
Я подпрыгиваю, когда кто-то внезапно кладет руки мне на плечи сзади.
— Ты слышала, кто новый профессор математики? - Спрашивает Нат, ухмыляясь мне.
Я качаю головой.
— Нет еще. Кто это?
Выражение ее лица становится немного обеспокоенным.
— Ты сейчас взбесишься.
— Кто?
— Твой брат, Лука.
— Что? - Спрашиваю я, мотая головой. — Невозможно. Если бы мой брат собирался работать здесь после весенних каникул, он бы сказал мне.
Нат выгибает бровь.
— Тогда кто это?
Она кивает в сторону коридора, и мой желудок опускается, когда я вижу Луку, идущего по коридору в

элегантном костюме.
— Ублюдок, - бормочу я.
Он замечает меня и ухмыляется.
— Привет, сестренка.
— Какого хрена ты здесь делаешь? - шиплю я.
— Так не принято разговаривать с профессором, верно?
— У тебя нет квалификации, чтобы преподавать здесь, Лука. Что за черт?
— Оак обратился ко мне, так как им срочно нужен был учитель по математике. - Он пожимает плечами. — Я сказал, что попробую. Я был одним из лучших математических гениев за всю историю обучения в СА.
Этого не может быть.
Во-первых, если Лука будет ошиваться поблизости, это значительно усложнит то, что происходит с Гаврилом. Если Лука нас поймает, он убьет его и отправит меня прямиком домой. А, во-вторых, чертовски неловко, что мой брат преподает здесь.
— А как же война в Чикаго? - Я спрашиваю.
Он пожимает плечами.
— Если я понадоблюсь Массимо, он меня позовет. Я здесь не пленник. На выходные буду возвращаться в Чикаго.
— Это безумие. - Я качаю головой. — Что, черт возьми, Массимо и Лео думают об этом?
Он вскидывает бровь.
— Как будто у них есть право голоса в том, что я делаю, Камилла.
— Я спрашивала не об этом.
— Они думают, что я трачу время впустую, но на самом деле мне насрать. - Он проводит рукой по шее. — Это освежающе - уехать на время подальше от города.
Я тяжело вздыхаю.
— Ты пытаешься разрушить мою жизнь.

— Не будь такой мелодраматичной. В любом случае, у тебя осталось всего несколько месяцев до окончания СА.

От этого напоминания у меня сводит живот, ведь я знаю, что как только закончу учебу, любые отношения с Гаврилом закончатся. Две недели я провела в Чикаго на весенних каникулах и не слышала от него ни слова. Я знаю, что он пытается донести свою мысль. Прояснить, что это просто развлечение без обязательств, но, к сожалению, я была привязана к этому мужчине еще до того, как он меня трахнул.

— Почему ты не сказал мне, что будешь здесь преподавать? - Я встряхиваю волосами. — Черт, мы могли бы вернуться вместе.

Лука ухмыляется.

— И упустить выражение твоего лица, когда ты поймёшь? Я так не думаю.

Я бью его кулаком в плечо.

— Придурок.

— Осторожнее, Камилла, или я отправлю тебя к Ниткину.

Я сжимаю челюсть, когда меня обдает жаром, поскольку он не знает, что это значит на самом деле. Если бы он знал, то никогда бы не отправил меня к нему.

— Не могу в это поверить.

Нат смеется.

— Хотя и забавно наблюдать за вашей перепалкой, мы опаздываем на пытки.

— О, моё любимое, - ухмыляется Лука. — Пытки – веселый урок. Я бы с удовольствием вел его, но пока обойдусь математикой.

Я качаю головой.

— Я официально тебя ненавижу.

Он пожимает плечами.

— Ты переживешь это.
Я хватаю свою сумку из шкафчика и захлопываю его, прежде чем броситься по коридору прочь от него. Лука может быть настоящим мудаком, но это новый уровень.
— Подожди! - кричит Нат, догоняя меня по коридору.
— Прости, я просто так зла на него.
Она смеется.
— Да ладно, все не так уж плохо.
Я сердито смотрю на нее.
— Скажи это мне, когда твой брат станет преподавателем в академии.
— Этого никогда не случится.
— Именно. Но можешь себе представить, если бы это произошло?
Она вздрагивает.
— Не совсем.
— Я не могу допустить, чтобы Лука болтался рядом. Он - кошмарный сон.
Нат улыбается.
— Он мне всегда нравился. С ним весело.
Я скриплю зубами, так как чувствую, что Лука понравится многим студентам. Он всегда был немного клоуном, вот почему я не могу представить его профессором. Он ни к чему не относится слишком серьезно.
— Неважно. - Я смотрю на часы и ускоряю шаг. — Мы опоздаем, если не поторопимся.
Мне не терпится попасть на урок Гаврила вовремя, так как последнее, что мне нужно, это получить наказание от него в первый же день после возвращения.
И все же, даже когда злюсь на него, я не могу сдержать бабочек, порхающих в моем животе, и чувство головокружения, распространяющееся по мере того, как я приближаюсь к его классу. Это жалко.

— Ты в порядке? - спрашивает Нат, хмуро глядя на меня.
— Да, почему нет?
Она качает головой.
— Ты просто выглядишь немного бледной.
Я пожимаю плечами.
— Возможно, это как-то связано с тем, что мой чертов брат работает здесь профессором, - вру я.
Она кивает.
— Логично.
Мы обе заходим в класс за секунду до звонка и быстро занимаем свои места в первом ряду.
Я чувствую на себе взгляд Гаврила, но не смотрю на него. Этот мужчина – мудак, раз не связывался со мной в течение двух недель, и после этого я не буду первой вступать в контакт.
Ева уже сидит на своем месте.
— Вы двое чуть не опоздали, - шепчет она.
Нат пожимает плечами.
— Мы разговаривали с Лукой, братом Камиллы. Он временный профессор математики.
Ева приподнимает бровь.
— Почему ты нам не сказала?
Я сжимаю челюсть.
— Потому что еще пять минут назад я даже не знала.
Удар линейкой по парте заставляет меня подпрыгнуть, я поднимаю взгляд и вижу, что знакомые карие глаза пристально смотрят на меня.
— Тишина, Морроне. Ты едва успела сюда вовремя, а теперь болтаешь на моем уроке.
Я стискиваю зубы и сужаю глаза.
— Приношу свои извинения.
Его челюсть тверда как камень, лишь мускул подергивается на ней.
— Ты останешься после урока.

С этими словами он поворачивается и идет обратно к началу класса, оставляя меня смотреть ему вслед.
— Что за черт? Не похоже, что я была единственной, кто разговаривал, - шепчу я Нат.
Она просто пожимает плечами и достает свой учебник.
В глубине души я знаю причину, по которой он придирается ко мне, и это потому, что он хочет, чтобы я осталась и он мог использовать меня как свою игрушку. Однако я так легко не сдамся. Две недели от него не было ни слова, даже простого сообщения с вопросом, как у меня дела, а теперь он думает, что все вернется на круги своя.
Боль сжимает мою грудь, ведь я понимаю, что он предупреждал меня о том, что не стоит слишком привязываться к нему с самого начала.
Секс для меня – это всего лишь сделка. Никаких привязанностей.
Получается, что это я не права. Идиотка, которая обещала не привязываться, но все равно влюбилась. Хотя Гаврил дал понять, что его не интересуют отношения или связь со мной, кроме секса.
Его голос гудит на заднем плане, но мне трудно сосредоточиться на том, что он говорит. Все это время я прокручиваю в голове то, что собираюсь сказать ему после урока. Я представляю, как ставлю его на место, но какая-то часть меня беспокоится, что я уступлю. С профессором Ниткиным я инстинктивно подчиняюсь ему, что раздражает меня до невозможности.
Впервые в жизни я ждала конца каникул, желая вернуться в академию, потому что так сильно скучала по нему. Если он думает, что я буду покорно подчиняться, как будто ничего не изменилось, то он ошибается.
Пока он говорит, я пытаюсь сконцентрироваться на уроке, смотря куда угодно, кроме него. Вместо этого я

обращаю свое внимание на учебнике передо мной, притворяясь, что читаю его.
— Мисс Морроне, - говорит Гаврил.
Мое сердце на секунду перестает биться, когда я поднимаю взгляд и обнаруживаю, что он выжидающе смотрит на меня.
Черт.
— Простите, сэр?
Мускул на его виске напрягается.
— Ты знаешь ответ на вопрос?
— Нет, извините, сэр.
Он разочарованно хмыкает и смотрит на Нат.
— Гурин?
Нат, как всегда, выдает ответ, и остаток урока проходит быстро, пока он задает эссе, на котором мне тяжело сосредоточиться. Раздается звонок, и Гаврил хлопает в ладони.
— К утру эссе должны быть у меня на столе, если вы их еще не закончили
Класс ворчит в ответ.
Я смотрю в свой блокнот и стону, потому что едва ли написала десять предложений.
Нат оглядывается и выгибает бровь.
— Серьезно?
— Что? - Спрашиваю я, хотя и знаю, что она не может поверить в то, как мало я успела за полчаса.
Она собирает три полные страницы текста и качает головой.
— Тебе нужно уделять больше времени занятиям.
Вместо ответа я собираю свои книги в рюкзак, пока Нат выходит вперед, чтобы отдать работу. Несколько других студентов тоже, но большинство еще не закончили.
Гаврил смотрит на меня, пока я остаюсь сидеть, ожидая позади, как он велел. На его губах появляется ухмылка,

что только злит меня. Я угрюмо смотрю на него в ответ и отвожу взгляд.
Остальные студенты выходят из класса, и я наблюдаю за ними, обращая свое внимание на всё что угодно, только не на Гаврила. Ева выскальзывает из класса и закрывает за собой дверь, и напряжение нарастает, клубясь вокруг меня, как густое облако дыма.
Я смотрю куда угодно, только не на него, даже когда чувствую на себе его внимание, прожигающее во мне дыру.
— Что Вы можете сказать в свое оправдание, мисс Морроне?
Я сжимаю челюсть.
— Ничего, сэр. - Я запускаю пальцы в волосы. — Я не совсем понимаю, за что меня наказывают, если Наталья опоздала так же, как и я, и тоже разговаривала.
Он внезапно встает и медленно идёт к моему столу с хищным выражением на лице.
— Потому что после двух недель разлуки я готов поглотить тебя целиком, *malishka*.
Я выпрямляюсь.
— Возможно, я не хочу, чтобы меня поглощали.
Он качает головой и продолжает приближаться к моему столу.
— Я ни на секунду не верю в это.
— А стоило бы. - Я поднимаю подбородок и смотрю ему в глаза. — У меня нет времени на человека, который не удосуживается связаться со мной в течение двух недель.
Его ноздри раздуваются, и он останавливается.
— Я ясно дал понять перед каникулами, что не буду выходить на связь. - Он подходит ближе, а затем кладет руки на мой стол и окидывает меня взглядом. — Я очень доходчиво объяснил, чем это будет, прежде чем мы трахнулись. Ты помнишь?

Его слова жалят, хотя он прав. Это моя вина, что я привязалась и ожидаю большего, чем он когда-либо предлагал. Я опускаю взгляд на стол.
— Да, но это не значит, что ты не можешь написать мне или что-то в этом роде.
Тихий рык заставляет меня вздрогнуть, и я оглядываюсь на него.
— Вот почему я не трахаюсь с девственницами. Ты смотришь на меня так, будто подсела на меня, и это то, чего я боялся. - Его глаза ищут мои. — Тем не менее, я не смог остаться в стороне во время весенних каникул, даже если ты так думаешь.
Я хмурю брови, стараясь не позволить его словам ранить меня слишком глубоко.
— Что ты имеешь в виду?
— Я нарушил собственные правила и отправился в Чикаго во время каникул.
Гнев наполняет мои вены, когда я слышу, что он был в Чикаго, но не приехал ко мне.
— И ты не потрудился навестить меня?
— Как бы это выглядело, Камилла? - Он приподнимает бровь. — Твой профессор появляется в доме твоей семьи. - Он качает головой. — Вместо этого я наблюдал за тобой издалека.
— Ты преследовал меня? - Спрашиваю, мурашки покрывают каждый сантиметр моей кожи.
— Называй это как хочешь. - Он поворачивается и буравит меня взглядом. — Мне нужно было увидеть, чем ты занимаешься, и убедиться, что ты не с другим мужчиной.
Я мгновение тупо смотрю на него, гадая, правильно ли я его расслышала.
— Ты серьезно?
— Смертельно.
Я встаю.

— Ты еще более безумен, чем я думала.
Я обхожу свой стол, чтобы уйти, но он хватает меня за запястье и с силой дергает, останавливая.
— Куда это, блядь, Вы собрались, мисс Морроне?
— Я ухожу.
Я вздергиваю подбородок и смотрю ему в глаза, стараясь не съежиться перед этим зверем. Зверем, который явно не в себе, раз преследует меня вместо того, чтобы связаться со мной.
— Никаких гребаных шансов, что я позволю тебе покинуть этот класс, пока не получу то, что хочу.
Я прикусываю внутреннюю сторону щеки.
— И чего же Вы хотите, сэр?
Ненавижу себя за бабочек, оживающих в моем животе, и за то, как мои бедра сжимаются от темного, похотливого взгляда в его глазах.
— Тебя, - рычит он, притягивая меня к себе и целуя. — Я собираюсь трахнуть тебя прямо сейчас, впервые за две недели, а ты будешь хорошей девочкой и сделаешь всё, что тебе скажут.
Ярость захлестывает меня, и я ищу его глаза.
— Ты что, блядь, спятил?
Его челюсть сжимается, когда он гневно смотрит на меня.
— Осторожнее, мисс Морроне.
— Нет, я не собираюсь просто смириться и принять это. Ты не связался со мной, так что не жди, что я просто раздвину для тебя ноги. - Я высоко держу голову, хотя в глубине души хочу сделать именно так, как он говорит. Я хочу поцеловать его, прикоснуться к нему, обнять его.
— Не говоря уже о том, что это опасно теперь, когда мой брат профессор здесь.
Он тихо рычит.
— Мне плевать, что твой брат здесь, и мне плевать на то, что ты обижена, потому что я не написал и не

позвонил тебе.
Его хватка на моих бедрах сжимается так сильно, что я уверена, что от него останутся синяки.
— Лука убьет тебя, если узнает.
Ухмылка, которая появляется на губах Гаврила, заставляет мой желудок скручиваться.
— Я бы хотел посмотреть, как он пробует. Многие пытались за эти годы, и все потерпели неудачу.
Я качаю головой.
— Ты не знаешь моего брата.
— Я знаю его достаточно хорошо. Ты забываешь, что он учился в этой школе так же, как и ты, и он ничем не отличается от всех остальных вспыльчивых наследников мафии, посещающих эту дыру. - Его глаза сужаются, в них вспыхивает тьма. — Если бы он попытался убить меня, он бы не выжил.
Я пытаюсь сделать шаг назад, но он не отпускает меня.
— Ты хочешь сказать, что убил бы моего брата?
Он сужает глаза.
— Я бы убил его в целях самообороны, да. Если бы это был я или он, я бы не колебался.
— Отпусти меня, - говорю, ненавидя эмоции, которые слышу в своем голосе.
Он качает головой.
— Ни за что. - Я чувствую, как его рука скользит мне под юбку и разрывает мои трусики. — Я трахну тебя, нравится тебе это или нет.
Его пальцы проникают в меня, и я стону, ненавидя то, как сильно я сейчас возбуждена. А потом слышу, как расстегивается молния на его брюках, и он задирает мою юбку на бедра.
Я замираю, гадая, действительно ли он просто трахнет меня после того, как я сказала ему «нет», тем более в его классе, куда может зайти любой.
— Сэр, я сказала «нет».

— Теперь, когда я поймал тебя, я тебя не отпущу, - бормочет он, разворачивая меня и прижимая к стене.
Я тяжело сглатываю от восторга в его глазах, когда он поднимает меня на свой стол и направляет головку своего члена к моему входу. Я вся мокрая, хотя и просила его остановиться.
— А как насчет согласия?
— Ты действительно веришь, что монстру есть дело до согласия, Камилла? Ты настолько наивна? - Он опускает взгляд на свой член, прижатый к моей киске. Один толчок, и он окажется глубоко внутри меня. — Твоя пизда такая чертовски мокрая. В любом случае, я не верю тебе, когда ты говоришь, что не хочешь этого. Я считаю это достаточным согласием.
С этими словами он толкается вперед и заполняет меня до самого основания.
Я задыхаюсь, жгучая боль от внезапного растяжения заставляет меня содрогнуться.
Он проводит зубами по краю моего горла.
— Ты моя, - бормочет он мне в кожу. — И что бы ты мне не говорила, я знаю, что ты хочешь этого так же сильно, как и я.
Это правда, но я ненавижу то, как он это делает. Берет то, что он хочет, не слушая меня, и все же это заставляет меня истекать желанием. Как будто мне нравится, когда меня берут против воли, что говорит о том, что моим больным и извращенным желаниям действительно нет конца.
— Ты мудак, - бормочу, глядя на него, когда он отстраняется, чтобы посмотреть мне в глаза. — Я сказала тебе «нет», а ты всё равно продолжаешь.
На его губах появляется садистская ухмылка.
— Потому что я знаю, что ты не это имеешь в виду, *malishka*. Твоя киска течет, а глаза расширены от желания. - Он прикусывает мою нижнюю губу

достаточно сильно, чтобы выступила кровь, а затем проводит по ней языком, его член все еще глубоко внутри меня. — Думаю, тебе нравится притворяться, что ты этого не хочешь, пока я тебя трахаю.
Я ненавижу, насколько он прав, когда хватаюсь за его плечо, впиваясь в него пальцами.
— Я не понимаю, о чем ты говоришь.
Он обхватывает пальцами мое горло и сильно сжимает.
— Перестань прикидываться со мной, Камилла.
Его бедра двигаются в мучительно медленном ритме, подталкивая меня к краю, но каждый раз отступая назад.
Я прикусываю окровавленную губу.
— Прекрати играть со мной, - бормочу сквозь стиснутые зубы.
Он ухмыляется.
— Как я с тобой играю?
Несмотря на то, что я знаю, что просьба трахнуть меня сильнее просто покажет ему, что я хочу этого, я больше не могу сдерживаться.
— Трахни меня как надо, - шиплю я.
Он посмеивается.
— Хорошая девочка, - мурлычет он. От того, что Гаврил называет меня так, мои соски становятся тверже, а киска еще влажнее, чем я думала, что это возможно. — А теперь скажи мне, как сильно ты жаждешь мой член, и скажи, как именно ты его хочешь, - требует он, продолжая издеваться надо мной.
Я издаю разочарованный стон.
— Я так сильно хочу твой член, сэр. Хочу, чтобы ты трахал меня жестко и грубо, чтобы было больно.
Его глаза загораются таким жгучим желанием, что я боюсь обжечься.
— Ты такая хорошая девочка, что призналась, как сильно хочешь мой член, *malishka*. - Кончики его

пальцев сильнее впиваются в мои бедра, и он увеличивает темп, наклоняясь вперед и сильно впиваясь зубами в мое плечо. — Такая хорошая, что я собираюсь дать тебе именно то, что ты хочешь. - А потом он трахает меня так сильно, словно пытается разорвать меня надвое, и я наслаждаюсь каждой секундой. — Я скучал по этому, - бормочет он, его голос хриплый. — Я скучал по тебе.

Ненавижу, как эти слова действуют. Они заставляют мой желудок трепетать миллионом бабочек, и я знаю, что, сколько бы я ни пыталась это отрицать, я влюбляюсь в этого монстра сильно и быстро. В монстра, у которого нет сердца, чтобы отдать его мне, а это значит, что в конечном итоге мое сердце неизбежно будет разбито.

И тем не менее, всё, что я могу сделать, – это утонуть в нем, позволяя ему делать со мной все, что он хочет. Потому что если я уйду прямо сейчас, это разорвет меня на части. Лучше отсрочить неизбежное, как бы больно не было в итоге.

Глава 28

Гаврил

Я чувствую себя не в своей тарелке после встречи с Камиллой. Все прошло не совсем так, как я себе представлял. Я уступил и дал ей свой номер телефона после секса, а это означает, что придется разговаривать с ней вне наших сексуальных встреч. Чего я пытался избежать.
Мой мобильник жужжит.

Камилла*: Чем занят?*

Я кладу его обратно в карман пиджака и толкаю дверь в учительскую. Тревожное чувство закрадывается в моё нутро, ведь я знал, что она начнет писать мне. Я вижу, что Лука Морроне сидит на моем месте и мгновенно меня охватывает гнев.
Когда он замечает меня, то одаривает самодовольной ухмылкой, которая только усиливает мою ярость.
— Добрый день, профессор Ниткин. - Он встает. — Или мне следует говорить Гаврил? Должен признаться, я и представить себе не мог, что настанет день, когда я стану твоим коллегой.
Я прищуриваюсь, глядя на него.
— Я тоже, учитывая, как сильно ты пренебрегал правилами, когда учился здесь.
Его ухмылка становится шире.
— Да, но, в отличие от большинства, я не дрожал от страха перед твоими наказаниями, и это сводило тебя с

ума.
Он снова садится, скрестив одну ногу на колене.
— Убирайся с моего места, - требую я.
Он хмурит брови.
— Я не заметил на нем таблички с именем.
Я скрещиваю руки на груди, пытаясь понять, как этот мудак связан с Камиллой. Они совершенно разные во всех отношениях.
Он пренебрегает правилами, в то время как она любит их соблюдать.
— Я сидел на этом месте каждый гребаный день, пока работал здесь, и не позволю такому сопляку, как ты, изменить это.
Его глаза вспыхивают гневом, когда он встает и начинает идти на меня.
— Кого ты назвал сопляком? Я здесь больше не студент, Гаврил.
— Я прекрасно это понимаю, но это не значит, что я все равно не надеру тебе задницу.
Его ноздри раздуваются, когда он встает передо мной, в карих глазах зреет ярость. Их оттенок темнее, чем у Камиллы.
Боюсь, он готов к драке, а я не из тех, кто отступает, особенно перед каким-то избалованным наследником мафии, который думает, что он крепче железа.
Дверь в учительскую распахивается, и входят Арчер и София Дэвидсон, тоже профессор.
Брови Софии хмурятся, когда она видит, что мы оба стоим близко друг к другу со сжатыми кулаками.
— Что здесь происходит?
Арч усмехается.
— Похоже, Лука уже наживает врагов. - Он хлопает Луку по плечу и направляется к кофеварке у дальней стены. — И ты выбрал худшего парня для вражды, Морроне.

Я пристально смотрю на брата девушки, с которой я трахаюсь, гадая, намерен ли он стоять на своем. В любом случае было бы глупо прийти на новое рабочее место и сразу же стать задницей, но сомневаюсь, что Луке не плевать на это.
Он криво улыбается и хлопает меня по плечу.
— Это лишь забавы и игры, не так ли, Гэв?
Я сжимаю челюсть.
— Не называй меня так.
— Все остальные зовут тебя Гэв.
— Да, но ты не все остальные. Для тебя Гаврил. - Я обхожу его и сажусь на свое обычное место. Туда, где он сидел, когда я пришел. — И больше не садись на мое место.
Я хрущу костяшками пальцев.
Арч смеется.
— Дерьмо, ты сидел на месте Гэва. Неудивительно, что он хотел тебя избить.
Лука поворачивается и смотрит на Арчера.
— Что такого особенного в этом сиденье?
Тот качает головой.
— Ничего, кроме того, что в нем сидит Гаврил, и никто другой. Все очень просто.
София кивает.
— Я совершила ошибку новичка, сев туда в свой первый день. - Она тяжело сглатывает, смотрит в мою сторону и вздрагивает. — Никогда больше.
Я издаю фыркающий звук.
— Все, что я сделал, это сказал тебе больше не садиться на моё место. Можно подумать, я вытащил тебя за волосы.
Она обхватывает себя руками.
— С таким же успехом мог бы.
— Так драматично.

— Кто тут драматизирует? - Спрашивает Оак, входя в дверь.
— София.
Я достаю из сумки кофейный термос, который, очевидно, наполнен не кофе, а кое-чем покрепче.
Оак настороженно смотрит на него, как будто точно знает, что там, но ничего не говорит.
— По поводу чего драма?
— Её первого дня, когда я сказал ей больше не садиться на мое место. - Я делаю глоток виски. Он сразу же обжигает. — Она ведет себя так, будто я физически напал на нее.
София фыркает.
— С того дня у меня остались душевные шрамы.
Оак кивает.
— Я помню. Ты был довольно пугающим. - Его глаза сужаются. — Почему вы вообще это обсуждаете?
Я свирепо смотрю на Луку.
— Потому что твоя замена по математике допустила ту же ошибку.
Лука игнорирует меня, сидя в кресле в углу, листая газету и беспечно насвистывая.
Мелкий сопляк сам напрашивается на это, но я знаю, что лучше не затевать драку прямо сейчас, особенно с братом девушки, которую я трахаю.
Девушки, которую я развратил. Если бы он знал правду, он, без сомнения, попытался бы убить меня.
— Веди себя вежливо, ладно? - Говорит Оак, не сводя с меня глаз.
Я делаю еще один глоток виски, наслаждаясь тем, как он обжигает горло.
— Всегда.
Он качает головой и берет несколько продуктов из холодильника, прежде чем без лишних слов выйти из учительской, оставляя Софию, Арча и Луку.

В этот момент входит Элейн Джаспер и садится рядом со мной.
— Как дела, Гаврил? - спрашивает она, доставая из сумки сэндвич и принимаясь за еду.
— В порядке, - отвечаю, не утруждая себя расспросами о ней.
— Ты уверен? - настаивает она.
Тогда я смотрю на нее и замечаю встревоженное выражение на ее лице.
— Оак подговорил тебя поговорить со мной, не так ли?
Она пожимает плечами.
— Он попросил меня оценить твое психическое здоровье.
— Ублюдок. - Я сжимаю кулаки. — Если он хочет узнать о состоянии моего психического здоровья, скажи ему, пусть спросит меня сам, трус. Я хожу на терапию, как он и хотел.
Элейн кивает.
— Конечно. - Она откусывает еще один большой кусок от своего сэндвича. — Значит, ты не собираешься со мной разговаривать, да?
— Не о моем психическом здоровье. - Я делаю еще глоток виски.
Мы погружаемся в неловкое молчание, пока София и Арч болтают сзади, сидя за обеденным столом с кофе, а Лука ухмыляется мне со своего места.
Этот парень напрашивается на драку, но я контролирую ярость внутри себя, зная, что Оак обеспокоен тем, что творится у меня в голове.
Он прав, поскольку я уже давно нахожусь на грани, балансируя между тем, чтобы остаться на рельсах или эффектно с них сорваться.

Звенит звонок, оповещая об окончании рабочего дня, и, как по часам, в дверях моего кабинета появляется Камилла. Ее глаза горят желанием. Я написал ей с просьбой встретиться здесь после занятий, так как я дал ей свой номер, но не установил никаких правил.

— Присаживайтесь, мисс Морроне.

Она тяжело сглатывает и закрывает за собой дверь, прежде чем сесть напротив меня.

— У меня проблемы, сэр?

Её голос соблазнителен, и я понимаю, что она думает, будто я позвал ее сюда для повторения того, что произошло в классе сегодня утром.

— Я хочу установить некоторые основные правила.

Выражение ее лица меркнет от серьезного тона моего голоса.

— О, что за правила?

— Правила относительно номера моего мобильного у тебя.

Ее губы поджимаются, и вижу, что она готовится к спору.

— Никаких смс в течение учебного дня, и вообще минимум сообщений. - Я морщусь. — Ненавижу переписываться.

Она скрещивает руки на груди и сердито смотрит на меня.

— Это смешно.

— Ты подвергаешь сомнению мои правила? - Я вскидываю бровь. — Поскольку я без колебаний сменю свой номер, если ты не сможешь им следовать.
Она раздраженно вздыхает.
— Прекрасно. Какие еще правила?
— Если ты захочешь поговорить со мной, мы созвонимся.
Она смеется над этим.
— Что смешного?
— Ну, ты точно не самый лучший собеседник, которого я когда-либо встречала. - Она качает головой. — Я бы подумала, что ты больше подходишь для отправки сообщений.
Я рычу на это.
— Ты хочешь сказать, что мне нечего сказать, Камилла?
Она пожимает плечами.
— Ну, мы не разговариваем, если не занимаемся сексом. - Она облизывает нижнюю губу. — Если только ты не планируешь просто заняться сексом по телефону?
— Поговори со мной сейчас, - требую я.
— О чем?
Я не самый лучший собеседник, но по какой-то причине меня раздражает, что она обратила на это внимание. Что она думает, будто нам не о чем говорить.
— Расскажи мне о своей семье.
У нее перехватывает дыхание, и я замечаю, как в ее глазах вспыхивает грусть.
— Я люблю свою семью, даже если они всегда давали понять, что у меня нет свободы выбирать свое будущее.
— В каком смысле?
— С самого детства я знала, что меня ждёт брак по расчету с тем, кого выберет мой отец. - Она вздрагивает при упоминании отца. — Или, что более вероятно, брат.
Я ненавижу беспокойство, которое вспыхивает внутри меня при виде печали в ее глазах.

— Что не так с твоим отцом?
— Рак четвертой стадии. - Она сжимает губы, словно пытается удержать себя от того, чтобы не расплакаться у меня на глазах. — Мы узнали об этом на весенних каникулах.
— Мне жаль это слышать, - говорю, и мне действительно не нравится видеть, как ей больно.
Из ее глаз вытекает несколько слезинок, и она смахивает их. Обычно чужая боль неважно какого рода, доставляет мне радость, но прямо сейчас я не чувствую ничего, кроме жалости.
— Иди сюда, - приказываю я.
Она удивленно смотрит на меня, но делает, как я говорю.
Я хлопаю себя по коленям, и Камилла садится. Она позволяет мне обнять ее и прижать к своей груди и обхватывает руками мою шею.
— Чем я могу помочь?
Странное чувство бессилия, которое я испытываю при виде её боли, заставляет меня чувствовать себя почти нездоровым.
Никогда раньше я не испытывал ничего подобного.
Она прижимается лицом к моей груди и глубоко вдыхает.
— Просто обнимите меня, сэр.
У меня болит грудь.
— Конечно, *malishka*.
Я целую ее в макушку, потому что это кажется правильным. Странно нежный и интимный жест, который после немного пугает меня.
— А как насчет тебя? У тебя есть семья?
Этот вопрос для меня как удар под дых.
— Нет, - отвечаю я резче, чем намеревался.
Я не думаю о своей семье, оставшейся в России. На самом деле, большая часть моего детства в лучшем

случае туманна, и я не возвращался туда с тех пор, как сбежал в Торонто, когда мне было четырнадцать лет. Двадцать лет назад, если быть точным.
Она выпрямляется, чтобы заглянуть мне в глаза.
— О, прости. Что с ними случилось?
Я сжимаю челюсть.
— Я не говорю о своем прошлом. Это еще одно основное правило.
Она прикусывает нижнюю губу, вытирая слезы.
— Хорошо.
Я нежно целую ее, наслаждаясь ощущением ее пухлых губ на своих.
— Итак, какие еще у нас есть правила?
Она вздрагивает, когда я целую ее в шею.
— Я не знаю, сэр.
— Нам нужно быть более осторожными теперь, когда здесь твой брат, который, кстати, тот еще мудак.
Она напрягается в моих объятиях.
— Что не так с Лукой?
— Он сел на мое место в учительской, а потом повел себя как придурок после того, как я сказал ему подвинуться.
Ее милый смех звонко разносится по комнате.
— Похоже на Луку. Он нормальный, когда узнаешь его получше.
Я вдыхаю ее сладкий аромат, наслаждаясь этим странно спокойным моментом с ней. До сих пор каждую секунду, проведенную вместе, нами двигало желание, но прямо сейчас мы спокойны и нам комфортно в присутствии друг друга.
Это ощущение я не привык испытывать ни с кем, даже с двумя самыми близкими друзьями, Оаком и Арчем.
— Ты забываешь, что я хорошо его знаю. Он учился в этой школе так же, как и ты.
Она кивает.

— Да, но это было как студент и профессор.
Я выгибаю бровь.
— Немного похоже на нас.
— Мне кажется, мы вышли за рамки обычных отношений между студентом и профессором, сэр.
Я крепче сжимаю ее в объятиях.
— Правда?
— Разве что ты часто трахаешься со своими студентками, а я не знаю об этом?
Я снова нежно целую ее. Это мягко и полная противоположность тому, к чему я привык.
— Нет, ты первая.
И последняя, хочу сказать я, но это кажется слишком окончательным. Такие слова ты говоришь человеку, с кем хочешь остаться на долгий срок, а для нас это невозможно.
Камилла закончит школу и на этом все закончится.
Я монстр. У меня нет сердца. А это значит, что я ничего не могу дать Камилле.
Она найдет себе мужчину, который будет хорошо к ней относиться и любить ее.
Тогда почему мысль о том, что она когда-нибудь найдет другого мужчину, вызывает во мне приступ собственнической ярости?

Глава 29

Гаврил

Проходят недели, и я чувствую, как внутри у меня что-то сжимается, предупреждая о том, что Камилла скоро закончит школу.
Меня сводит с ума тот факт, что меня это вообще волнует. Пять недель до окончания школы, и я больше никогда ее не увижу.
Я провожу рукой по волосам, зная, что это к лучшему.
Она стала более замкнутой с тех пор, как вернулась со второй свадьбы своей сестры.
За две недели до этого она отправилась на свадьбу Мии по договоренности, но за полчаса до торжества Мию похитил Киллиан Каллахан, мужчина, которого она действительно любит.
Каким-то образом семья Морроне и семья Каллахан пришли к соглашению о том, что Миа выйдет замуж за Киллиана. Честно говоря, я был шокирован, поскольку они воевали много лет. Этот союз должен принести городу некоторую стабильность, по крайней мере, все на это надеются.
Желание проводить с Камиллой все возможное время заставляет меня чувствовать себя немного сумасшедшим. В конце концов, я никогда не жаждал общества человека так, как жажду её компании.
После разговора в моем кабинете, когда я утешал ее из-за болезни отца, мы проводили время вместе, не занимаясь сексом. Совершенно незнакомый и в то же время странно приятный опыт.

На самом деле, через двадцать минут она придет на ужин.
В моем маленьком доме в лесу на территории академии уютно, и Камилле, похоже, нравится сюда приходить.
С тех пор, как я впервые пригласил ее, она всегда стремится сбежать сюда.
Думаю, так безопаснее, - меньше шансов быть пойманными.
После приезда брата, она стала более нервной, так как если он нас застукает, это наверняка приведет к насилию.
Я проверяю духовку, чтобы убедиться, что моя лазанья не подгорела.
Приготовление пищи всегда было успокаивающим занятием, которое мне нравилось делать для себя, но мне никогда не приходилось готовить для кого-то другого.
До сих пор я заказывал для нас еду на вынос всякий раз, когда она приходила вечером, но сегодня решил приготовить ей ужин.
Раздается настойчивый стук в мою дверь, и я хмурю брови, – она пришла слишком рано.
Я подхожу к двери, открываю её, и обнаруживаю Арча, который стоит там, слегка покачиваясь.
— Что ты здесь делаешь?
Он пьяно улыбается.
— Мне нужен был друг, которому можно довериться.
Я сжимаю челюсть.
— Сейчас неподходящее время.
Его брови сходятся вместе, когда он смотрит мне за спину и замечает стол с зажженными свечами, накрытый на двоих.
— Не может быть, - говорит он, качнувшись в сторону. — Только не говори мне, что у тебя свидание.
Я складываю руки на груди.

— Неужели в это так трудно поверить?
— И кто же, позволь спросить, эта счастливица?
— Ты ее не знаешь, - вру я.
Арч пытается зайти внутрь, но я преграждаю ему путь.
— Куда, по-твоему, ты собрался?
— Я должен познакомиться с женщиной, которая заставила Гаврила Ниткина готовить для нее.
— Нет, - говорю я, с силой хватаю его за руку и пытаюсь вытолкнуть обратно за дверь. Но он сильный. Возможно, даже сильнее меня.
— Эй, в чем проблема?
— Проблема в том, что ты настолько пьян, что от тебя несёт, как от гребаного бара. - Я с большей силой пихаю его обратно за порог. — А теперь уходи, пока я не сделал что-то такое, о чем потом пожалею.
— Иногда ты можешь быть настоящим хреном, знаешь?
Я пожимаю плечами.
— Я не представлю свою пару другу, когда он настолько пьян, что едва может стоять прямо. В чем твоя проблема, Арч?
Его челюсть сжимается.
— Проблема в Адрианне Васкез.
Я тяжело вздыхаю.
— До конца учебного года осталось пять недель. Когда ты оставишь попытки затащить ее в свою постель?
Он усмехается.
— Она была в моей постели много раз.
Для меня это новость.
— Была?
— Да, но она совершенно отстраненная, как будто наше время, проведенное вместе, ничего не значит.
— Хочешь сказать, что для тебя это что-то значит? - Спрашиваю я, бросая взгляд на часы, потому что сейчас действительно не время для этого разговора.
Он кивает.

— Думаю, я люблю ее.
— Вот этих слов я точно никогда не ожидал услышать от тебя.
Он падает вперед на меня, и мне приходится поддерживать его.
— Тебе нужно взять себя в руки, Арч. Я никогда не видел тебя таким пьяным.
За его спиной появляется Камилла, и я качаю головой. К сожалению, Арч замечает это, даже в своем пьяном состоянии, и оборачивается.
Когда он видит Камиллу, стоящую там в платье в цветок с волосами, уложенными волнами, он вытаращивает на меня глаза.
— Ни хрена себе.
— Арч, не…
— Ты трахаешь студентку? - спрашивает он, широко раскрыв глаза. — После всего того дерьма, что ты мне устроил по этому поводу.
— Разница в том, что я не трахаю по паре студенток каждый год.
Камилла ярко краснеет при упоминании о том, что я ее трахаю.
— Я лучше пойду…
— Нет, Арч как раз уходил.
Арчер бросает на меня раздраженный взгляд.
— Уверен, у тебя хватит еды для нас троих. Думаю, нам стоит немного поболтать. - Он немного протрезвел. — Если только ты не хочешь, чтобы я рассказал Оаку.
— Не будь придурком.
— Слушай, Гэв, я не останусь надолго, но я умираю с голоду, и что бы ты там, черт возьми, ни готовил, пахнет очень вкусно. - Он улыбается Камилле, которая, кажется, готова броситься в противоположном направлении. — Конечно, ты можешь выделить немного для своего самого близкого друга.

Оак – мой самый близкий друг, но я не поправляю его и смотрю на Камиллу, гадая, что она думает.
Она пожимает плечами, как будто это зависит от меня.
— Отлично, но ты здесь ненадолго.
Арч ухмыляется.
— Нет, я бы не хотел помешать сеансу садистского траха, который ты запланировал.
Камилла густо краснеет от этого комментария, но входит следом за Арчем и неловко задерживается у двери.
— Вы оба садитесь за стол.
Камилла садится на свое обычное место, а Арч занимает место рядом с ней, которое не накрыто. В конце концов, я ждал на ужин только ее.
Не думал, что он появится в такой вечер.
— Итак, как долго это продолжается? - Спрашивает Арч, скользя взглядом между мной и Камиллой.
Камилла смотрит на меня, ожидая ответа.
— Думаю, можно сказать, что это началось сразу после зимних каникул.
— Да, наверное, - говорит Камилла, настороженно поглядывая на Арча.
Арч тянется к открытой бутылке вина на столе и наливает себе бокал.
— Тебе действительно нужно больше алкоголя? - Спрашиваю я.
— Эффект проходит. Будь осторожен с этими девушками, Гэв. Они тебя погубят.
Камилла хмурится.
— Что это значит?
Он хихикает.
— Не притворяйся, что ты не знаешь обо мне и Адрианне.
Растерянное выражение ее лица говорит само за себя.
— А что у Вас с Адрианной?

Он делает долгий глоток вина, прежде чем пригвоздить ее к месту серьезным взглядом.
— Мы трахаемся уже несколько месяцев.
— Нет, я в это не верю. Она Вас ненавидит.
Арч выглядит уязвленным при этих словах, как будто Камилла только что схватила нож для стейка и вонзила ему прямо в живот.
— Большое спасибо.
— Простите, я просто имела в виду, что она постоянно жаловалась на Ваши попытки залезть к ней под юбку. Что изменилось?
У Арча виноватое выражение лица, которое наводит на мысль, что он вел нечестную игру, когда затащил ее в постель.
— У меня была информация, которую она не хотела разглашать.
— Что за информация? - Я спрашиваю.
— Если я скажу тебе это, то нарушу свое обещание. - Он опасно раскачивается на стуле. — И поэтому она согласилась переспать со мной в обмен на мое молчание.
— Ты действительно не знаешь, как принять отказ, да? - Я достаю лазанью из духовки и ставлю ее в центр стола.
— Неудивительно, что она такая отстраненная. Ты шантажировал ее, чтобы она занялась с тобой сексом.
Камилла со злостью смотрит на Арча.
— Это чертовски отвратительно.
Арч сердито смотрит в ответ.
— Да, ну, как только она поняла, чего лишала себя, то уже не могла оторваться. Но сейчас ведет себя так, будто это ничего не значит.
Я кладу на стол несколько хлебных палочек, и Арч хватает две, запихивая себе в рот.
— Она ведет себя так, словно ей наплевать на меня.

— Наверное, потому что так и есть, - говорит Камилла, все еще явно злая из-за того, что узнала, каким образом мой друг затащил ее подругу в постель. — Как она может заботиться о мужчине, который шантажировал ее так, как это сделали Вы?
Арч опускает голову.
— Я не знаю.
Я достаю чесночный хлеб из духовки и ставлю на стол.
— Еда готова. Приступайте.
Арч тянется за хлебом и кладет себе на тарелку, а затем накладывает себе большую порцию лазаньи.
Я насыпаю Камилле, и мы все вместе ужинаем в полной тишине.
Мы с Камиллой обмениваемся взглядами.
— Прости, - одними губами говорю я ей через стол.
Она с улыбкой качает головой.
Арч практически зарылся головой в свою тарелку, поглощая лазанью.
Очевидно, что алкоголь вызвал у него зверский аппетит, потому что я никогда раньше не видел его таким.
— Где ты вообще пил? - спрашиваю его.
— Дома, - говорит он, поднимая глаза впервые с тех пор, как на столе появилась еда. — Убого, да? - Он тяжело вздыхает. — Может, это мое наказание за то, что я шантажировал её.
— Может, - кивает Камилла. — И правильно.
Я киваю.
— Должен согласиться с Камиллой в этом.
Он сужает глаза.
— Вы, ребята, не помогаете мне чувствовать себя лучше.
Он опрокидывает в себя остатки вина и тянется за бутылкой.
Я выхватываю её прежде, чем он успевает дотянуться.

— Ни за что. Можешь пить воду или ничего. Ты слишком пьян.
Он стонет и продолжает есть в тишине. Закончив, откидывается на спинку стула и закрывает глаза.
— Если бы знал, что ты такой хороший повар, я бы частенько заставлял тебя готовить для меня.
— Как будто ты можешь заставить меня что-то сделать, - отвечаю я.
— Туше, - бормочет он.
Я бросаю на Камиллу извиняющийся взгляд, так как этот мудак портит нашу встречу.
И тогда он храпит.
Мы оба тихо смеемся, глядя на него - голова откинута назад, а рот приоткрыт.
— Извини за этого идиота, - шепчу я.
Она качает головой.
— Это не твоя вина. - На ее лице появляется ярость. — Но я не могу поверить, что он шантажировал ее, чтобы она переспала с ним. И что Адрианна нам не сказала.
Я выгибаю бровь.
— Ты рассказала ей о нас?
— Нет, но...
— Тогда ты не можешь ожидать, что она расскажет тебе об Арче, не так ли?
— Верно подмечено. - Ее плечи опускаются. — Он действительно любит ее?
Я киваю в ответ.
— Похоже на то, я никогда раньше не видел его таким.
Она выглядит задумчивой.
— Интересно, что чувствует Адрианна.
Возникает неловкая тишина, пока мы смотрим друг на друга. Невысказанные вопросы витают в воздухе между нами.
Что мы чувствуем друг к другу?

Я осознаю, что Камилла с самого начала была более глубоко вовлечена в это эмоционально, чем я, но не могу избавиться от этого ноющего ощущения внутри, что она дорога мне больше, чем кто-то из тех, о ком я когда-либо заботился.
Черт, не думаю, что мне когда-либо была дорога женщина.
И все же слово "чувства" заставляет меня нервничать.
— Пойду возьму десерт, - говорю я, снимая напряжение и убирая грязную посуду со стола.
Камилла ничего не отвечает, но я чувствую, как она наблюдает за мной. Воздух становится тяжелым от напряжения, и это всё вина Арчера.
Пришёл сюда с рассуждениями о любви и чувствах.
Я достаю из холодильника тирамису, приготовленный на скорую руку, три тарелки и возвращаюсь к столу.
— Как думаешь, он проснется для десерта? - спрашиваю, не зная, что еще сказать.
Она качает головой.
— Похоже, он в полной отключке.
— Смотри, - говорю я, накладывая большую порцию в тарелку и подношу ее прямо ему под нос.
Его глаза дергаются, он принюхивается, а затем резко выпрямляется, широко раскрыв глаза.
Камилла смеется.
— Что случилось?
— Ты уснул, - говорю я, указывая на тарелку с десертом.
— Тирамису разбудил тебя. Хочешь?
Он жадно забирает его у меня.
— Тебе даже не нужно спрашивать.
Мы оба смеемся, глядя, как он поглощает тирамису, как свинья, которая не ела несколько дней. За столом воцаряется уютная тишина, и я благодарен за то, что ушло то неловкое напряжение между мной и Камиллой.

Я ни за что не готов разбираться в том, что, блядь, между нами происходит.
Мне нужно не забыть надрать Арчеру задницу завтра утром, когда он протрезвеет. Вечер проходит совсем не так, как я планировал.

Глава 30

Камилла

Время идет так быстро, что кажется, будто оно подгоняет меня.
До выпуска осталось всего две недели, а значит, и две недели до того, как я попрощаюсь с Гаврилом навсегда.
Любая боль, которую он причинил мне, – ничто по сравнению с душераздирающей болью от одной только мысли о том, что я больше никогда его не увижу.
Такое ощущение, что он - моя вторая половинка, как будто он дополняет меня. Даже если он всегда настаивал, что это всего лишь секс, мне трудно поверить, что он не чувствует того же.
Или, может быть, я просто наивная девственница, которая слишком привязалась к мужчине, лишившему меня невинности. Пустота, которую оставит его отсутствие, слишком огромна, чтобы о ней думать.
Я поднимаю взгляд от своей работы и обнаруживаю, что он смотрит прямо на меня, в его глазах бушует ад.
Мои щеки пылают, и я снова опускаю взгляд на свое сочинение, когда звенит звонок.
Бабочки оживают в моем животе каждый раз, когда я понимаю, что останусь с ним наедине.
Мой садистский и извращенный Гаврил.
То, что он делал со мной, вызвало бы отвращение у большинства людей, и все же я хочу исследовать с ним больше. Я хочу погрузиться во тьму и никогда не выходить оттуда.

Этот человек может стать либо моим спасением, либо моей погибелью, зависит от того, чем все это закончится.
Миа спросила меня, как продвигаются наши отношения, когда я вернулась в Чикаго на ее свадьбу несколько недель назад, и я не смогла говорить об этом.
Мои мечты могут исполниться или разбиться вдребезги, в зависимости от того, какие чувства он ко мне испытывает, а я пока слишком напугана, чтобы выяснить это.
Я не спеша собираю сумку, пока не остаюсь в классе последней, и только тогда встречаю напряженный взгляд Гаврила.
— Ты очаровательна, когда смущаешься из-за того, что я пялюсь на тебя. Ты знала это?
Я качаю головой.
— Тебе не стоит быть таким очевидным, когда мы находимся в комнате, полной других людей.
Он смеется, звук мрачный, почти садистский.
— Тебе не стоит указывать мне, что я должен или не должен делать. - Он направляется ко мне хищной походкой, глаза потемнели от желания и чего-то еще. — Иди сюда.
Я обхожу свой стол и иду навстречу к нему, мое сердце неровно колотится, как всегда, когда он вот так смотрит на меня.
Остановившись в метре от него, я задерживаю дыхание, ожидая его следующего шага.
Словно гадюка, он нападает и притягивает меня к себе, не заботясь о том, что дверь в класс все еще приоткрыта.
Я ахаю, когда мягкость моего тела прижимается к его твердым мускулам.
— Сэр.
— Называй меня хозяином, *malishka*.

— Хозяин, - мурлычу я.
Он стонет, а затем целует меня со всей страстью, на которую только способен, яростно проводя языком по моим губам.
Я раздвигаю их для него, и он проникает внутрь, борясь за полное господство, и я даю ему это.
Мне нравится, как он забирает у меня весь контроль, так идеально контролируя ситуацию.
Невозможно не стонать, когда я трусь бедрами друг о друга, нуждаясь в большем от него.
— Пожалуйста, - выдыхаю я.
— Что пожалуйста, Камилла?
— Ты так сильно мне нужен.
Он ухмыляется.
— Скажи мне, насколько сильно.
Этот мужчина издевается надо мной, но я не могу отказать ему.
— Так же сильно, как мне нужен кислород.
Ухмылка на его губах становится шире.
— Не будь такой драматичной.
— Ты нужен мне так сильно, что это причиняет боль.
— Хорошо.
Он снова целует меня, поднимая на руки.
Покрывая горячими поцелуями мою шею, он несет меня к двери в подвал.
Боль сжимает моё сердце, когда я понимаю, что это может повторится еще всего несколько раз.
Пятнадцать дней - и я навсегда покину Академию Синдиката.
Когда он целует меня, я словно горю по двум причинам. Жар желания и жгучая боль от перспективы потерять его.
Заставляя свой разум успокоиться, я наслаждаюсь ощущением его кожи на себе. Его прикосновениями, огнем, который он разжигает глубоко в моей душе.

Все остальное сейчас не имеет значения. Есть только я и он.
Как только мы спускаемся в подвал, он ставит меня на ноги.
Я хмурю брови, когда вижу, что у задней стены стоит новая кровать.
— А это для чего?
Он пожимает плечами.
— Решил, что так будет немного удобнее.
— Я думала, что дискомфорт - твоя сильная сторона. - Я выгибаю бровь. — Что происходит, когда ты наказываешь других учеников здесь, внизу?
— Это моя сильная сторона, но не все время. - Он ухмыляется и подмигивает. — А когда студентов нет, это секретная кровать.
— Что?
— Посмотри сюда - Он хватается за край кровати, и та поднимается. — Она исчезает в стене.
— Умно, - говорю я, но не могу избавиться от странной ревности из-за того, что он установил кровать всего за две недели до моего выпуска. Означает ли это, что он намерен трахать других студенток? Может быть, начнет вести себя как тренер Дэниелс?
Он, кажется, не замечает смены моего настроения, когда подходит ко мне и целует с нежностью, от которой у меня щемит сердце.
— Сегодня только ты и я, - бормочет он.
Я не понимаю, что он имеет в виду, но он начинает целовать мои плечи и шею, подталкивая к кровати.
Он никогда не хотел заниматься сексом без какого-то садистского элемента. В конце концов, ему нравится причинять боль, а мне - получать её.
Медленно он опускает меня на мягкие шелковые простыни. Его губы ласкают мою кожу так, как он никогда раньше не делал.

Такое чувство, что нет никакой спешки, как будто у него в запасе целая вечность, чтобы поклоняться мне. Медленно он расстегивает пуговицы на моей рубашке, глаза горят, но тьма, которая всегда там, кажется сдержанной, спокойной. Не господствует, как это обычно бывает.

Он расстегивает переднюю застежку моего лифчика, а затем прикасается губами к моей груди, осыпая ее мучительно медленными поцелуями.

Я вздрагиваю, запуская пальцы в его темные волосы.

Он не отчитывает и не останавливает, позволяя впервые прикоснуться к нему.

Произошел какой-то сдвиг. Перемена в нём, которую я не могу объяснить.

Гэв не спеша раздевает меня и боготворит руками, языком и зубами – единственный аспект боли, который он позволяет себе.

Когда я уже практически начинаю хватать ртом воздух и молить об освобождении, он встает с кровати и начинает раздеваться. Обычно до этого момента происходит больше садистских игр, и я задаюсь вопросом, не собираемся ли мы заняться простым сексом. Даже когда мы были в его доме на его кровати, всегда присутствовал аспект садизма. Между нами возникает дистанция, когда он связывает меня, душит, и каждый раз он сохранял эту дистанцию между нами.

Я никогда не спала там, мне всегда казалось, что он хочет, чтобы я ушла сразу после секса. В его глазах появляется уязвимость, когда он бросает пиджак и галстук на пол, а затем расстегивает рубашку. У меня перехватывает дыхание, когда он дает мне возможность рассмотреть шрамы на его коже, шрамы, о которых я хотела спросить, но не решалась упомянуть. Татуировки были расположены специальным образом, чтобы спрятать раны, но скрыть их невозможно.

Я открываю рот, чтобы упомянуть о них, и, словно прочитав мои мысли, он качает головой.
— Не спрашивай.
Я киваю, понимая, что он не хочет говорить об этом.
— Хорошо.
Он выглядит облегченным, когда бросает рубашку поверх пиджака, а затем расстегивает брюки и снимает их вместе с трусами, оставаясь передо мной совершенно голым и позволяя мне наблюдать за ним. Даже его бедра и икры испещрены шрамами, и я хочу знать, как он получил их все. Сидя на кровати и рассматривая его, я понимаю, что никогда в жизни не видела такой прекрасной сцены. Мужчина, который казался таким непоколебимым, стоит передо мной, источая уязвимость.
— Могу я прикоснуться к тебе, хозяин?
Его челюсть сжимается, но он забирается на кровать.
— Да.
Я нежно провожу пальцами по большому шраму, который тянется по диагонали через его левую грудь.
Он вздрагивает от моего прикосновения, как будто это причиняет ему боль.
— Ты в порядке?
Теперь его глаза другие, как будто с них спала дымка, и я могу заглянуть прямо в его душу.
— Не разговаривай.
Он целует меня, а я позволяю своим рукам блуждать по его коже.
Он вдавливает меня в матрас своим тяжелым весом, твердая длина его члена упирается в мою мокрую киску.
Я стону, когда он трется головкой о мое возбуждение, дразня меня.
— Пожалуйста, сэр.

— Хозяин, - бормочет он. — Я хочу, чтобы ты называла меня хозяином.
— Пожалуйста, хозяин. Ты мне нужен.
Он прикусывает внутреннюю сторону своей щеки, прежде чем войти в меня, удерживая мой взгляд. Сначала он действует медленно, почти нежно, как будто занимается со мной любовью.
Я почти смеюсь в тот момент, когда эта мысль приходит мне в голову, ведь монстр не способен любить. Даже если я все еще не теряю надежды, что он подлежит восстановлению.
Гэв был человеком, прежде чем превратиться в чудовище. Я должна в это верить. Монстрами не рождаются, их растят.
— Ты чертовски совершенна, Камилла, - шепчет он мне на ухо.
Я с трудом сглатываю.
— Не так совершенна, как ты.
Он смеется, жестко входя в меня, придавая мне ту грубость, которую я так жажду.
— Я совсем не такой. А теперь будь хорошей девочкой и держи руки над головой.
— Да, хозяин.
Я поднимаю руки над головой, и нежность рассеивается, как будто он пытается доказать свою правоту. Но все, что он делает, – это доказывает, что для меня он идеален. Тьма для моего света.
Я закрываю глаза и наслаждаюсь каждой секундой, ненавидя глубоко внутри, что эта боль никуда не денется, потому что скоро всё закончится. А я не смогу быть без этого мужчины. Он дополняет меня, и без него, я знаю, что утону в отчаянии.

Когда я добираюсь до своей комнаты в общежитии и включаю свет, я практически выпрыгиваю из собственной кожи.

Лука сидит на краю моей кровати и ухмыляется.

— Какого хрена ты здесь делаешь? - Я скрещиваю руки на груди. — Ты понимаешь, что в женское общежитие парням вход воспрещен?

Он усмехается.

— Не воспрещен для преподавательского состава. - Он встает и подходит ко мне, выражение его лица становится серьезным. — Нам нужно поговорить.

Я сужаю глаза.

— О чем?

Он наклоняет голову.

— О том, что ты трахаешься с профессором.

Кажется, что вся кровь отливает от моего тела, я несколько раз моргаю, гадая, правильно ли расслышала его или, возможно, я сплю и это кошмарный сон. Последнее, что мне сейчас нужно, - это чтобы семья узнала о моих отношениях с Гаврилом.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь.

Выражение его лица становится разъяренным, что для Луки редкость.

— Не играй со мной в игры, Камилла, - предупреждает он, обычно беззаботный брат, которого, как я всегда знала, полностью исчез. — Я положу этому конец.

Я делаю глубокий вдох, понимая, что зашла слишком далеко, чтобы остановиться.
— Какого черта тебя это вообще волнует?
Его челюсть сжимается.
— Ты знаешь, что как Морроне тебе суждено выйти замуж по расчету, и уж точно не за какого-то профессора-неудачника.
Слышать, как он оскорбляет Гэва, задевает меня сильнее, чем я ожидала. Такое чувство, что он оскорбляет меня как продолжение.
— Ты его не знаешь, - огрызаюсь я.
— Мне не нужно знать его, Камилла. - Лука качает головой. — Массимо попросил отпустить тебя в Чикаго на две недели раньше. Оак дал добро и подтвердил, что ты все равно получишь диплом. Ты вернешься только на церемонию. - Он смотрит на часы. — Ты выезжаешь через двадцать минут.
Я смотрю на него с открытым ртом.
— Ты сказал ему, даже не поинтересовавшись у меня, правда ли это?
Не могу поверить, что Лука не только профессор, но и стукач.
— Ты знаешь, что это моя обязанность перед семьей – рассказать ему, поскольку теперь он босс. Что касается проверки того, правда ли это, я видел, как вы двое целовались в его кабинете, так что я видел это своими глазами. - Он пожимает плечами. — Массимо просто хочет, чтобы ты побыла в одиночестве и прочистила голову.
— Ублюдок, - бормочу я, с гневом и разочарованием глядя на брата, которого всегда любила больше остальных. Оказывается, став профессором, он превратился в мудака. — Что, черт возьми, с тобой произошло, Лука?

— Ничего. - Он ловит мой взгляд. — Просто в кои-то веки я поступаю правильно. - Лука подходит к шкафу и достает мой самый маленький чемодан. — Собирайся сейчас же.
— Я никуда не поеду.
Я кладу руки на бедра и свирепо смотрю на него.
— Не заставляй меня вытаскивать тебя отсюда с пинками и криками. - Он катит чемодан к кровати. — Собирай сумку. Остальное я привезу.
Во мне поднимается гнев из-за того, что братья думают, что могут контролировать мою жизнь.
— Как я уже сказала, почему вас вообще касается, с кем я сплю?
Он вздыхает.
— Если это просто трах, то это не имеет значения, пока ты соблюдаешь меры предосторожности.
Жар обжигает мою кожу, поскольку мы с братом никогда не говорили о подобных вещах. Я принимаю противозачаточные уже несколько лет из-за ужасно обильных и болезненных месячных, так что с этим всё в порядке. Хотя Гэв никогда не спрашивал и не проверял, принимаю ли я какие-либо методы контрацепции, что немного странно.
— Однако ты не можешь привязываться. Ты знаешь, какова твоя роль в этой семье, и знала об этом уже много лет. - Он скрещивает руки на груди. — Массимо обсудит это с тобой, когда ты вернешься вечером.
— Я не вернусь сегодня, даже если уеду сейчас. - Я смотрю на часы.
— Вернешься, поскольку отправишься на самолете.
— Какого хрена? Не похоже, что это чрезвычайная ситуация. Зачем мне лететь самолетом?
Выражение лица Луки становится жестким.
— Потому что Массимо хочет поскорее разобраться с этим. - Его глаза сужаются. — Собирай сумку, а я

подожду за дверью. - Он делает паузу, уже собираясь выйти из комнаты, и снова поворачивается ко мне. — Чуть не забыл. Массимо попросил меня забрать у тебя твой мобильный. - Он протягивает руку.
Мгновение я просто таращусь на него в неверии.
— Ты, блядь, серьезно?
Он морщится.
— К сожалению, да. Массимо не хочет, чтобы ты связывалась с Ниткиным, пока ты в Чикаго. Ты сможешь забрать его обратно, как только закончится неделя.
Я смотрю на свой телефон, а потом на Луку.
— Можно мне...
— Нет, ни одного сообщения или звонка. - Он жестом просит меня передать его. — Это был приказ Массимо.
Несколько долгих секунд я смотрю на него в полном недоверии, а затем подхожу и вкладываю телефон в протянутую ладонь.
— Ты такой же мудак, как и он.
На его челюсти напрягается мускул.
— Я просто выполняю свой долг.
— Нахуй долг.
Я отворачиваюсь от него, но он хватает меня за запястье и останавливает.
— Отец болен, а Массимо просто делает то, что должен делать. Не держи на него зла и послушай, что он скажет.
Я в гневе выдергиваю запястье и, не говоря больше ни слова, иду в гардеробную. Больше мне нечего сказать. Меня взяла в заложники моя собственная семья. Вынудили расстаться с друзьями, даже не попрощавшись. Но не это самое болезненное, а то, что меня оторвали от человека, которого я необъяснимо люблю.

Глава 31

Гаврил

Оак сидит за столом, когда я врываюсь в его кабинет. Он поднимает голову, нахмурив брови.
— Что случилось, Гэв?
Он знает меня достаточно хорошо, чтобы понять, когда что-то не так.
— Где она? - спрашиваю я.
Он качает головой.
— Где кто?
— Камилла.
Его глаза сужаются.
— Тебе-то что до этого?
Я обнажаю зубы, из моего горла вырывается рычание.
— Не играй со мной в игры, Оак. - Я сжимаю кулаки, зная, что вот-вот сорвусь. — Скажи мне, где она, черт возьми.
Уже три дня она не отвечает ни на мои сообщения, ни на звонки. Я думал, что она играет в игры, так как были выходные и она, вероятно, была занята с подругам, но когда Камилла не пришла на занятия сегодня, я понял, что что-то не так.
Он приподнимает бровь.
— Значит, та чушь, которую ты мне наплел о том, что она всего лишь твоя ученица, была ложью?
— В то время – нет.
— А сейчас?

— А сейчас, если ты не скажешь мне, где она, блядь, находится, я оторву твою чертову голову.
Я давно не чувствовал себя таким злым или неуправляемым. Ее мобильный отключен, и она не встретилась со мной, как мы договаривались, в классе.
— Лука был прав...
— Лука был прав в чем?
Оак встает и подходит к окну в своем кабинете, из которого открывается вид на всю территорию академии.
— Он подозревал, что вы двое тесно связаны.
От этого откровения кровь отливает от моего лица, гнев немного утихает.
— Как?
Он пожимает плечами.
— Не знаю. Из-за этого он хотел отправить Камиллу домой пораньше по просьбе ее старшего брата. - Он поворачивается и смотрит на меня. — Я сказал Луке, что это безумие, что ты не станешь связываться со студенткой.
Я знаю выражение лица Оака, и это не гнев, а разочарование. Возможно, это даже хуже.
— Как оказалось, я был долбаным идиотом, когда заявил ему, что у тебя не может быть отношений со студенткой.
Я сажусь в кресло напротив стола Оака.
— Не то чтобы я хотел, чтобы так произошло. Это просто случилось.
— Я спрашивал тебя об этом в тот вечер в баре, и ты категорически отрицал. - Оак ослабляет галстук. — Я думал, мы должны быть друзьями, Гэв.
— Мы и есть друзья. - Я стискиваю зубы. — Но если бы я сказал тебе тогда, что у меня роман с Камиллой, что бы ты сделал?
Он пожимает плечами.

— Я бы позаботился о том, чтобы ты покончил с этим как можно быстрее.
— Именно, а я не намерен прекращать отношения с Камиллой. - Я выпрямляюсь и смотрю ему прямо в глаза.
— Я скорее уволюсь, чем сделаю это.
У него отвисает челюсть.
— Ты хочешь сказать, что у тебя есть к ней чувства?
Чувства.
От одного этого слова у меня мурашки бегут по коже, и все же я не знаю, чем еще объяснить эту гребаную одержимость, которую я испытываю к ней.
Почему я врываюсь в кабинет своего босса, как буйнопомешанный.
— Я не знаю, что хочу сказать.
Я не готов никому признаться вслух в своих чувствах, даже если это похоже на правду. Потому что я не совсем уверен, что это так.
— Ты знал, что ее отец очень болен?
Я киваю в ответ.
— Да, она рассказала мне про его рак.
Оак выглядит почти удивленным тем, что мы действительно разговариваем, или тем, что она рассказала мне что-то личное, что меня раздражает.
— Ну, судя по всему, ему предстоит операция на этой неделе, так что Массимо собирался вернуть ее в любом случае, но Лука поднял этот вопрос после того, как заявил, что вы с ней спите.
Я сжимаю челюсть, поскольку Камилла никогда не упоминала, что у её отца операция на этой неделе.
— Значит она в Чикаго?
— Да, и она вернется через две недели на церемонию вручения дипломов.
Факт в том, что семья Морроне просто так не оставит наши отношения без внимания. По какой-то причине

они забрали ее телефон и отключили его, чтобы я не мог с ней связаться.
— Я еду в Чикаго.
Оак встает.
— Черта с два.
Я скрещиваю руки на груди и выпрямляюсь. Мы оба примерно одного роста.
— Ты собираешься меня остановить?
— Гэв, ты не можешь вторгаться с оружием в руках на территорию Морроне.
— Я буду делать то, что, блядь, захочу, - рычу я.
Оак тяжело вздыхает.
— Джейн упоминала после сеансов с тобой, что она беспокоится о том, что у тебя может случится рецидив.
— Рецидив чего?
— Хаоса и кровопролития, Гэв. Я не могу просто смотреть, как ты выходишь из-под контроля.
Я сжимаю кулаки.
— Возможно, это всегда должно было случиться. Возможно то неправильное во мне не поддается контролю.
— Ты хочешь сказать, что снова устроишь массовое убийство?
Я качаю головой.
— Нет, ты не понимаешь.
— Помоги мне, - говорит он, указывая на кресло напротив своего стола.
Я смотрю ему в глаза, размышляя, действительно ли хочу обсуждать это с ним сейчас. Если я этого не сделаю, он никогда не отпустит меня в Чикаго.
— Отлично. Но просто выслушай, ладно?
Он кивает, изображая, что закрывает рот на молнию.
— Я весь внимание.
Сердце неровно колотится в груди, когда я снова сажусь.

— Все это время я пытался держать тьму внутри себя под контролем, но на самом деле, ей просто нужен был выход. - Я провожу рукой по шее.— Подавляя себя, я только усложнил контроль над ней. Было ощущение, что это пытается съесть меня заживо.
Оак кивает, как будто понимает, но он не способен понять это. Возможно, у него и было темное прошлое, но оно не похоже на моё. Даже близко.
— Камилла – та самая отдушина. Она подходит мне как чертова перчатка, и хотя я чувствую, что теряю контроль над тьмой, ее не нужно подавлять, когда я рядом с ней.
Он выгибает бровь.
— Звучит так, будто ты влюблен.
От этого слова внутри меня всё переворачивается.
— Любви нет в моем словаре.
— Значит, ты всё отрицаешь. Я знаю, каково это – внезапно почувствовать себя целым после многих лет ощущения пустоты.
Он говорит о своих отношениях с Евой. Должен признать, он был немного похож на меня, когда дело доходило до свиданий, хотя у него никогда не было отношений с женщинами, о которых я знал. Насколько мне известно, он был похож на гребаного монаха.
А потом вдруг он женился на студентке. Это было совершенно неожиданно, но я не могу отрицать, что он кажется гораздо счастливее с тех пор, как они вместе.
— Это ведь то, что ты описываешь, да?
Так ли это? Наверное, в каком-то смысле да, но все гораздо сложнее. Не просто ощущение целостности, но и чувство принятия того, кто я есть.
Все это время я боролся с этим, пытаясь удовлетворить свои потребности лишь частично.
Камилла позволяет мне быть таким, какой я есть, и ей это чертовски нравится. Даже сабы, с которыми я был

раньше, были сбиты с толку крайностями моих садистских потребностей.
Гейл, например, позволяла мне делать с ней что угодно только потому что была влюблена в меня. А не потому, что получала от этого удовольствие как Камилла.
— Всё не так просто. - Я провожу рукой по волосам. — Всё, что я знаю, это то, что мне нужно ехать в Чикаго. Они попытаются забрать ее у меня.
— Хорошо, ты можешь ехать.Я найду кого-нибудь, кто прикроет тебя. - Он бросает на меня взгляд. — Как долго ты там пробудешь?
Я качаю головой.
— Невозможно сказать, пока я не приеду туда.
Он вздыхает.
— Этот год был самым безумным, блядь, за все время.
Я сжимаю губы, зная, что Арчер сейчас тоже не в себе, но думаю, что лучше не говорить ему об этом.
В конце концов, он и так достаточно тяжело всё воспринял. Если я скажу ему, что Арч шантажом заставил студентку заняться сексом и теперь влюблен в нее, думаю, у него может случиться сердечный приступ.
— Знаю, но, по крайней мере, он почти закончился.
Оак кивает, ослабляя галстук.
— Да, не могу дождаться.
Я могу подождать, потому что это значит разобраться с тем, что, черт возьми, происходит между мной и Камиллой. Любовь – это слово, которое я не совсем понимаю, но все, что я знаю, – это то, что я не могу жить без нее.
Она – свет в моей тьме. Звезда в моем черном ночном небе. И без нее я не живу по-настоящему. Без нее, кажется, мое сердце не сможет продолжать биться, – сердце, которое, как я считал, навсегда превратилось в камень, но Камилла бросила вызов всем обстоятельствам и растопила его.

— Гэв, подожди, - зовет Арчи, когда я закидываю сумку в багажник своей машины. Любой, кто увидит меня, подумает, что я просто упаковал кое-какие вещи на несколько дней, но на самом деле в сумке полно оружия.
Я не уеду из Чикаго без Камиллы. Эти ублюдки решили, что могут украсть ее из школы пораньше и разлучить нас, что ж, они ошибаются.
— В чем дело, Арчер? - Я захлопываю багажник.
— Куда ты собрался?
Я тяжело вздыхаю, так как у меня нет на это времени.
— В Чикаго.
— О, так ты уже знаешь?
Я хмурю брови.
— Знаю что?
— О свадьбе Камиллы.
Такое ощущение, что друг только что взял нож и вонзил его мне в живот, всё мое тело становится ледяным.
— Свадьба?
— Да, Адрианна сказала мне, что только что звонил ее брат, и он в Чикаго, потому что Массимо устроил брак Камиллы с Алехандро Де Леоном.
Кажется, что мой мир перевернулся с ног на голову, и необходимость попасть в Чикаго становится еще более острой.
— Когда?

— Через два дня.
Я подбегаю к дверце со стороны водителя и открываю ее.
— Блядь!
— Так ты не знал? Зачем тогда ехал в Чикаго?
Я отрицательно мотаю головой.
— Потому что я знал, что она вернулась домой, и что Массимо забрал ее из школы на две недели раньше, но я не знал о свадьбе.
Свадьбе, которую я остановлю любой ценой.
Если мне придется убить всю ее семью, я сделаю это. И семью Де Леон вместе с ними.
Камилла, возможно, уравновешивает меня, но ее потеря опрокинет меня за грань.
Я уже собираюсь захлопнуть дверь, когда Арчер хватает ее и останавливает меня.
— Что ты собираешься делать?
— Остановить свадьбу любой ценой.
— Гэв, эти люди опасны, ты...
— Еще опасней. Я не отпущу ее. Я умру раньше, чем сделаю это.
— Это самоуничтожение – заявится с пушками в город, который ты ни хрена не знаешь.
Я пожимаю плечами.
— Пусть будет так.
— Возьми меня с собой в качестве прикрытия.
Я смеюсь.
— Я произвожу впечатление парня, который отправится куда-то с подкреплением?
Он со злостью смотрит на меня, но я понимаю, что это из-за беспокойства. Он хочет быть рядом со мной, чтобы попытаться оттащить меня от края обрыва, но меня уже не оттащить.
Черт, я стану угрозой для него, если он попытается остановить меня.

— Остынь. Я знаю, что делаю.

С раздраженным выдохом, он отпускает дверь моей машины и делает шаг назад.

— Надеюсь, что знаешь.

Я захлопываю дверь и поворачиваю ключ в замке зажигания, понимая, что не смогу добраться до Чикаго достаточно быстро.

Дорога займёт около восемнадцати часов, но я не буду останавливаться.

Время имеет решающее значение, если я хочу остановить свадьбу. Я завожу машину и мчусь по раздражающе длинной подъездной дорожке к академии, даже не оглянувшись. В зависимости от того, как все пойдет, это может быть последний раз, когда я вижу её и Арчера, но я не позволяю своим мыслям задерживаться на этом.

Глава 32

Камилла

Массимо меряет шагами кабинет нашего отца. Сейчас десять часов вечера, и я устала, но он притащил меня сюда, как только я приехала.
Так странно видеть его здесь на месте отца, но отец все еще в больнице, борется с раком. Врачи дали ему мрачный прогноз, но, похоже, в данный момент он не поддается. И, как выяснилось, через шесть дней ему предстоит операция. Он уже дал понять, что если полностью поправится, то не намерен восстанавливать свое положение дона.
— Я устала, мы можем…
— Замолчи, - рычит он, останавливаясь и свирепо глядя на меня. — О чем, черт возьми, ты думала?
— Я не понимаю, в чем проблема.
Его челюсть сжимается.
— Ты трахалась с профессором в своей школе. Если не понимаешь, в чем тут проблема, значит, с тобой что-то не так.
Я тяжело сглатываю.
— Я принимаю таблетки. Давай начистоту, ты же не был девственником, когда встретил Пейсли, правда?
Это так чертовски нелепо, что мужчины в нашей семье придерживаются по отношению к женщинам совершенно других правил. Они могут трахаться сколько угодно, но мы должны оставаться чистыми, невинными девственницами, готовыми к продаже с аукциона.

Он скрещивает руки на груди.
— Ты знаешь, почему тебе не следует спать с кем попало. Как мы, по-твоему, найдем тебе мужа, если ты больше не девственница?
Я усмехаюсь над этим.
— Кто, черт возьми, в наше время остается девственницей в восемнадцать лет?
Его глаза сужаются.
— Принцесса мафии.
— Тогда просто скажи людям, что я невинна. Как они узнают?
От мысли, что я пересплю с кем-то, кроме Гэва, у меня мурашки бегут по коже. Я скорее умру, чем когда-либо буду с другим мужчиной. Он – мой мужчина, независимо от того, хочет ли он меня.
Это безумие, что брат забрал меня из школы раньше, учитывая, что у нас оставалось всего две недели. Не похоже, чтобы то, что у нас с Гэвом, будет продолжаться после того, как я закончу школу. Факт, который преследовал меня по мере того, как подходил к концу учебный год.
Я знаю, что никакого количества времени, проведенного с ним, не хватило бы, но то, что оно оборвалось вот так, действительно задевает за живое. Я никогда не собиралась отдавать свое сердце монстру, но именно это и произошло. Черт возьми, думаю, что отдала его ему еще до того, как мы переспали. Гаврил Ниткин был моим школьным увлечением на протяжении многих лет.
Массимо хмыкает.
— Верно, но если об этом станет известно… - Он качает головой. — Я имею в виду, Лука видел, как вы двое целовались.
На моих щеках вспыхивает жар, и я чертовски благодарна, что это всё, что он видел. Вещи, которые он

мог увидеть, намного, блядь, хуже.
— Не говоря уже о том, что Ниткин известен как садисткий сукин сын. - Массимо смотрит на меня несколько секунд, прежде чем покачать головой. — Не могу поверить, что моя младшая сестра вообще с кем-то спит, не говоря уже о садисте.
Я не отрываю взгляда от журнального столика передо мной, мои щеки пылают. Это совсем не тот разговор, который я хочу вести с Массимо.
— Мы можем не...
— Не что? - Он огрызается, в его голосе отчетливо слышна ярость. — Откровенно и честно обсудить то, чем вы занимались? Если ты с кем-то спишь, то ты должна быть достаточно взрослой, чтобы говорить об этом.
Я сужаю на него глаза.
— Мне не нужно говорить об этом с моим братом. Ты хочешь обсудить свою сексуальную жизнь с Пейсли?
Он складывает руки на груди и прислоняется к большому письменному столу из красного дерева.
— Дело не во мне, Камилла. Тебе восемнадцать лет. Мне тридцать. Как глава этой семьи, я могу делать всё, что захочу, но ты...
— Да, я понимаю. А я в этой семье всего лишь марионетка, которую можно использовать по своему усмотрению. Я должна выйти замуж за того, кто принесет вам больше власти, денег или еще какого-то дерьма в этом роде.
Его взгляд смягчается, когда он останавливается и подходит ко мне.
— Мне жаль, но так было всегда.
— То, что так было всегда, не означает, что так и должно быть.
Несправедливо, что с женщинами в нашем мире обращаются как с мусором, но это то, с чем я смирилась

с детства.
Массимо кивает, чем удивляет меня.
— Это правда, но я не уверен, что могу стать тем, кто изменит многолетние традиции.
— А что насчет Мии?
Его челюсть сжимается.
— А что насчет нее?
— Она вышла замуж за Киллиана, мужчину, которого ты не выбирал.
— Ты хочешь сказать, что влюблена в профессора?
Я качаю головой.
— Нет, я просто говорю...
— Это было по-другому. Это принесло нашей семье больше пользы, чем любой выбор, который могли бы сделать я или отец. - Он ослабляет галстук на шее. — Мне жаль говорить тебе об этом, но я нашел для тебя подходящего мужа. Пока не разлетелись слухи, ты выйдешь за него замуж в конце следующей недели.
Я изумленно смотрю на Массимо.
— Ты шутишь, да?
Он качает головой.
— Нет, мы вынуждены смягчить удар для семьи Де Леон после того, что случилось с Мией.
— Супер, значит, я запасной вариант для Алехандро Де Леона?
Массимо выглядит раздраженным.
— Да, ты выйдешь замуж за Алехандро через неделю.
— Я лучше выколю себе глаза тупым ножом для масла.
— Не будь такой мелодраматичной, Камилла.
Я встаю, не в силах больше его слушать.
— Ты надменный мудак, знаешь это?
Его ноздри раздуваются, и я вижу, как в его глазах вспыхивает настоящая ярость.
— Ты не будешь говорить со мной в таком тоне. - Он хватает меня за запястье и с силой дергает на себя. —

Ты моя сестра, но я – глава этой семьи. Будет так, как я скажу, это понятно?

Я выдергиваю руку и, не говоря ни слова, отворачиваюсь от него, вылетая из кабинета.

— Камилла, не уходи от меня! - кричит он.

Я ни за что не останусь в чертовом кабинете и не буду слушать эту чушь. Становится ясно, что я не контролирую свою жизнь.

Срываясь на бег, я несусь вверх по лестнице в свою комнату. Оказавшись там, открываю ее и захлопываю за собой дверь, запирая на ключ, чтобы Массимо не смог последовать за мной. События сегодняшнего дня были изматывающими. Такое чувство, словно меня отхлестали, ведь ранее я была так счастлива после того, как Гаврил занялся со мной любовью – по крайней мере, так мне казалось. А теперь я чувствую внутри себя пустоту и холод, как будто мое будущее мрачнее серого осеннего дня.

Слезы льются из глаз, я падаю на свою двуспальную кровать и зарываюсь лицом в мягкий шелк простыней. Ощущение такое, словно я насквозь пропитана такой острой болью, что она может убить меня.

Может ли разбитое сердце убить? Чертовски похоже, что да.

Я изолирована. Отрезана от подруг и мужчины, который как я надеялась, сможет меня полюбить, особенно после того, как он так нежно занимался со мной любовью.

Это было только сегодня днем, но кажется, что прошла целая вечность. Я никогда не прощу своих братьев за то, что они вырвали мне сердце и растоптали его вот так.

— Уверена, что не хочешь зайти внутрь? - спрашивает Миа.
Я качаю головой.
— Послушай, прости, просто я не в настроении ходить по магазинам.
Она бросает на меня извиняющийся взгляд.
— Конечно, нет. Не могу поверить, что Массимо заставляет тебя выйти замуж за Алехандро.
Я тяжело вздыхаю.
— Я тоже.
Она нежно сжимает мою руку.
— Время еще есть.
Я знаю, она думает, что, возможно, мне повезет и я найду выход из этого, как и она, но Киллиан любит ее. Он был готов на всё, чтобы не потерять ее. Между мной и Гаврилом совершенно другая ситуация. По крайней мере, с его стороны, всё по-другому.
— Я не питаю надежды.
Сандро прочищает горло.
— Мне остаться здесь или пойти с тобой внутрь, Миа?
Миа качает головой.
— Это всего лишь маленький бутик. Ты можешь видеть всё через окна. Оставайся здесь с Камиллой.
Большое спасибо.
Я бы предпочла остаться одна и хандрить на улице, но прежде чем успеваю возразить, Миа врывается в

маленький бутик, который она так любит.
Сказать, я сегодня не настроена на шоппинг, - значит преуменьшить, тем более что через три дня мне предстоят покупки для свадьбы, которую я не хочу. Как бы я ни умоляла Массимо, он не отступит.
— Камилла. - Я хмурю брови, поскольку уверена, что узнаю этот голос, и гадаю, не галлюцинации ли это. — Сюда.
Я оборачиваюсь и вижу его.
Моргнув несколько раз, убеждаюсь, что глаза меня не обманывают.
Гаврил стоит в нескольких метрах от нас, в начале небольшого переулка. Он бросает взгляд на Сандро, который не обращает на меня внимания, а затем жестом приглашает меня подойти к нему.
Я бегу к нему, сердце стучит со скоростью сто миль в час.
Почему он здесь?
Он хватает меня за бедра, прижимая к стене.
— Это кажется знакомым, да?
Я раздраженно качаю головой.
— Что ты здесь делаешь?
— Неужели ты думала, что я позволю какому-то мужчине украсть тебя у меня для какой-то сделки?
Надежда вспыхивает внутри, как костер, политый бензином.
— Как ты узнал?
— Адрианна рассказала Арчеру.
Я вздыхаю, облегчение охватывает мое сердце.
— Но как ты можешь остановить это? Мой брат настроен на то, чтобы свадьба состоялась.
Он берет мое лицо в свои большие, грубые ладони.
— Предоставь это мне.
— Ты же знаешь, что всё произойдет через три дня, верно?

— Именно поэтому я собираюсь остановить это сейчас.
Я в замешательстве заглядываю ему в глаза.
— Как?
— Как я уже сказал, предоставь это мне.
— Камилла, - окликает меня Сандро, направляясь в нашу сторону.
Гаврил достает пистолет, и кажется, что время замирает, когда он выходит из укрытия.
— Эй, мудак.
Прежде чем Сандро успевает защититься, он стреляет в него.
Все происходит как в тумане: Сандро падает на землю, а Гаврил закидывает меня на плечо и несет к своей машине, которая стоит напротив магазина, где находится Миа.
Выбегает Миа, выкрикивая мое имя.
— Камилла!
Я не могу разглядеть её, а в голове крутится вопрос, не убил ли Гэв только что Сандро, невиновного во всем этом.
Моя уверенность в том, что я люблю этого мужчину, ничем не обоснована. Что я на самом деле знаю о нем?
Он убийца?
В это нет ничего невозможного. Его чувство реальности кажется хрупким, и когда он запихивает меня в багажник машины, погружая в темноту, я начинаю сомневаться в своем здравомыслии.
Как я могу любить такого темного и извращенного мужчину, как он?
Настолько темного и извращенного, что он похитил женщину, которая его любит, и застрелил ее телохранителя. Человека, которого я знаю с самого рождения. Когда я лежу на спине в тесном багажнике машины Гаврила и она трогается с места, я размышляю, не сошла ли я с ума.

Очевидно, что я влюбилась в маньяка, и я теряю веру в то, что у нас может быть будущее.

Глава 33

Гаврил

— Ты с ума сошел? - спрашивает Камилла, расхаживая взад-вперед по старому заброшенному складу в доке, который я выбрал, чтобы спрятаться.
Ее лицо в пятнах слез и покраснело, но она выглядит так же ангельски, как и всегда.
Я пожимаю плечами.
— Возможно.
В ее глазах застыла острая боль.
— Ты убил Сандро!
У нее истерика.
Я иду к ней, но она уворачивается от меня.
— Нет, держись от меня подальше.
В широко раскрытых глазах смесь страха и душевной боли.
— Полагаю, что Сандро - это твой телохранитель, и я его не убивал. - Я делаю глубокий вдох, чтобы сохранить спокойствие. — Я намеренно нанес ему телесную рану, которая заживет в течение пары недель, но мне нужно было сделать твое похищение реалистичным.
— Как ты можешь быть уверен, что не задел что-то серьезное?
Я смотрю на нее, ожидая, когда до неё дойдёт. Ее профессор анатомии точно знает, куда стрелять в человека, чтобы убить или покалечить.
— Ты же понимаешь, что это буквально то, чему я учу еженедельно?

Напряжение немного спадает.
— Разумеется. - Она качает головой. — Но ты не можешь похитить меня, черт возьми. Мой брат убьет тебя.
— Я бы хотел посмотреть, как он пробует.
— Массимо нельзя недооценивать. - Она снова расхаживает. — Он безжалостен и жесток, и ему не нравится, когда его выставляют слабым.
Меня оскорбляет, что Камилла считает, будто мне угрожает опасность со стороны ее брата, но я игнорирую это.
— Я не позволю ему положить этому конец.
Камилла останавливается и пристально смотрит на меня.
— Конец чему?
Я понимаю, что ступаю по тонкому льду, так как все еще не знаю, что такое “это". Камилла значит для меня больше, чем любой другой человек на планете. Она понимает меня так, как никто другой.
Оак всегда пытался понять меня и поддержать, но я знаю, что то, какой я, пугает его и всегда будет пугать. По мнению большинства людей я сломан. Садист - вот ярлык, которым наградил меня мир.
— Нас.
Она приближается ко мне.
— Я не думала, что мы с тобой существуем. В конце концов, ты сказал, что это был не более чем секс.
Прямо в цель.
— Забудь то, что я сказал.
В ее глазах загорается надежда, и она сокращает расстояние между нами.
— Ты хочешь сказать, что хочешь нормальных отношений?
Я понимаю, что сейчас не время и не место для этого разговора, так как я до сих пор не определился, чего

хочу и что означает эта безумная одержимость ею.
— Я говорю, что не хочу, чтобы это заканчивалось.
— Но я выпускаюсь из академии меньше чем через две недели.
Она не собирается облегчать мне задачу.
— К чему ты ведешь?
Закусив нижнюю губу между зубами, она бросает на меня укоризненный взгляд.
— Гаврил, перестань играть со мной. Ты хочешь быть со мной?
Я ухмыляюсь ее уязвимости и преодолеваю последние несколько футов между нами, кладу руки ей на бедра и притягиваю к себе.
— А ты хочешь быть со мной?
Она бьет меня в грудь, качая головой.
— Гаврил.
Я чувствую, как тьма с ревом пробуждается к жизни, когда я обнимаю ее, зная, что если скажу ей правду, зверь будет по-настоящему освобожден из клетки.
— Может, я монстр, но да, каким-то образом ты заставила меня почувствовать то, что я считал невозможным.
Она качает головой.
— Ты не монстр.
Я хочу в это верить, но она не знает, что я натворил. Какой хаос я оставил после себя.
— Ты понятия не имеешь, что я сделал, Камилла.
Она заглядывает мне в глаза, прижимая палец к моим губам.
— Мне все равно, что ты делал в прошлом. Все, что имеет значение, - это будущее.
Боль обжигает мои вены и сжимает сердце. Прошло так много времени с тех пор, как я чувствовал что-то, кроме жидкого льда, текущего по ним.
— Я остановлю твою свадьбу, несмотря ни на что.

Она поджимает губы.
— Каким образом?
— Я заставлю твоего брата отступить.
Ее брови взлетают ко лбу.
— Не представляю как. Массимо упрям, как мул.
— У меня есть план.
— Какой?
— Тебе лучше не знать подробностей.
Она бы положила этому конец, если бы узнала, что я заманил их сюда для разборок. Один человек против мафии Морроне может показаться безумием, но я не волнуюсь.
Она внезапно целует меня, и прикосновение ее мягких, нежных губ к моим ощущается как рай на земле.
Паника, которую я испытал, когда Арч сказал мне, что она выходит замуж, гнала меня вплоть до этого момента, но, теперь, когда ее губы на моих, я, наконец-то могу расслабиться, в некотором смысле.
Рев двигателей снаружи привлекает мое внимание, и Камилла замирает рядом со мной, ее глаза расширяются, когда она отстраняется.
— Они нашли нас. Нам нужно бежать.
Она собирается отвернуться, но я хватаю ее за запястье и притягиваю к себе.
— Нет, это часть моего плана.
Она хмурит брови.
— Ты спятил?
— Поверь мне, *malishka*. Я знаю, что делаю.
Я слышу, как выключаются двигатели, а затем отсчитываю в уме двадцать секунд и взрыв сотрясает все здание. Группа людей Морроне врывается на склад, паля из оружия. Установленная мною бомба взрывается, отправляя их всех на землю.
Камилла кричит, отстраняясь от меня, ее глаза расширяются, когда она наблюдает за

разворачивающейся бойней. Бомба покалечит людей, но вряд ли убьет.
— Боже мой! Ты только что убил наших людей?
Она смотрит на меня так, как я никогда не ожидал от неё, будто считает меня таким же ненормальным, как и все остальные.
Я должен дать ей шанс. Она не знает моего плана.
Я качаю головой.
— Просто подожди и увидишь.
Не уверен, что это из-за моего невозмутимого вида, но, кажется, она успокаивается и оглядывается на вход.
Сквозь дым и обломки появляется Массимо Морроне, за ним следует Лео Морроне. И несколько их людей позади.
— Встань за мной, - шиплю я.
Камилла несколько раз переводит взгляд с меня на своих братьев, прежде чем, наконец, отойти и встать позади меня.
— Ниткин, - говорит Лео, прищурив глаза. — Прекрати это безумие сейчас же.
Я узнаю Лео по академии, но Массимо учился до меня. Он не намного моложе - ему тридцать, а значит, между нами всего пять лет разницы.
Я вытаскиваю из кармана пистолет и направляю на них, из-за чего Камилла ахает и дергает меня.
— Что ты делаешь?
Я напрягаюсь.
— Тихо, Камилла.
— Не я должен останавливать безумие, Лео. Это вы пытаетесь принудить Камиллу к браку, которого она не хочет. - Я наклоняю голову. — Отмените свадьбу, и все закончится прямо сейчас.
Массимо взводит курок.
— Оставь это, или ты пожалеешь.
Я выгибаю бровь.

— Как насчет того, чтобы решить всё традиционным способом?
Массимо обменивается взглядом с Лео, который в ответ качает головой, но за доном мафии Морроне наблюдают его последователи.
— Вперед. - Он снимает куртку и передает ее Лео.
Я пришел подготовленным, в свитере и спортивных штанах, поэтому у меня будет преимущество в борьбе, благодаря свободе движений.
— Гаврил, - Камилла тянет меня за свитер. — Зачем ты это делаешь?
Похоже, она не понимает, как далеко я готов зайти, чтобы сделать ее своей. Они могли бы поставить между нами двести человек, и я бы прожег себе путь через каждого, пока она не стала бы моей. Я бы разрушил весь гребаный мир, если бы пришлось, всё, что угодно, лишь бы удержать ее. Теперь я её хозяин, и этого не изменить, потому что она слишком глубоко засела под моей кожей.
Я без слов отмахиваясь от неё и подхожу к Массимо, выставив кулаки перед собой.
Его глаза сужаются, когда он приближается, а затем он неуклюже бросается на меня, пытаясь нанести удар справа.
Я легко уклоняюсь от удара, а затем контратакую, врезаясь кулаком ему в живот, прямо там, где почка.
Он хрипит и немного спотыкается, и я отступаю назад, увеличивая расстояние между нами.
Глаза Массимо вспыхивают гневом, он снова бросается на меня, его движения резкие и предсказуемые. Я бью его ногой и ставлю подножку, прежде чем он успевает нанести удар, отбрасывая его на бетонный пол.
Воздух выбивается из его легких, он стонет, переворачивается и смотрит на меня снизу вверх, лежа на спине.

Я ухмыляюсь, что злит его еще больше, он рычит и отталкивается от земли и покачивается, выглядя немного потрепанным.
— Пожалуйста, остановитесь, - говорит Камилла где-то в стороне, но я не позволяю ей отвлечь меня, полностью сосредоточившись на ее брате.
— Я остановлю это, когда твой брат согласится отменить свадьбу.
— Никогда, - рычит он.
Я качаю головой.
— Никогда – это слишком окончательно, правда?
Он бросается ко мне и пытается схватить, но в последний момент я отхожу и бью его ногой в спину, отправляя на пол во второй раз.
— Ублюдок, - рычит он, на этот раз быстрее приходя в себя и вскакивая на ноги.
— Уже сдался?
— Кто ты такой? Черный пояс или что-то в этом роде?
Я киваю в ответ.
— Тебе не победить меня в рукопашном бою, Массимо.
Его челюсть сжимается, и он пытается снова, посылая два быстрых удара в мою сторону. От первого я уклоняюсь, второй блокирую ладонью, а затем сильно выкручиваю ему руку, почти выворачивая плечо из суставной впадины.
— Сдавайся.
Я отталкиваю его, но это только разжигает его ярость.
Он снова бросается на меня и наносит относительно приличный удар в живот, но этого недостаточно, чтобы сбить меня.
И он совершил серьезную ошибку, подойдя ко мне слишком близко: я замахиваюсь кулаком вверх и бью в подбородок, так, что его голова отлетает назад от силы удара.

Схватив его за рубашку, я со всей силы врезаю кулаком ему в нос и ломаю его, треск эхом разносится по складу. Он рычит в агонии, и я отпускаю его, позволяя отступить.

— Ты, блядь, сломал мне нос.

Он держит его, пока кровь обильно стекает по лицу. Выражение его глаз говорит мне, что он готов сдаться. Готов уступить моим требованиям, что означает, что мы с Камиллой сможем быть вместе.

К счастью для меня, Реми Морроне болен, а значит, я имею дело с неопытным дилетантом. Если бы у Массимо была хоть капля здравого смысла, он бы пустил всех в ход и расправился со мной, чего бы это ни стоило, но он слишком осторожен.

Глядя на молодого дона, я знаю, что мы выйдем из этого невредимыми. Камилла будет моей до конца вечности, и я не против, даже если это означает, что мне придется признаться в своих чувствах к ней. Дрожь до сих пробегает по моей спине при одном только этом слове.

Признание займет время, но я готов работать над ним усерднее, чем над всем, над чем я когда-то работал в своей жизни. Потому что существование без нее не стоит того, чтобы жить.

Глава 34

Камилла

Гэв внезапно делает движение, выхватывает пистолет из кобуры, прикрепленной к его поясу, и целится Массимо в голову. Вся кровь отливает от моего тела.
В этот момент я понимаю, что могу потерять весь свой мир в мгновение ока. Моего брата и мужчину, которого я люблю. Если Гэв убьет Массимо, наши люди застрелят его, и у меня не останется ничего, кроме пустоты.
Я никогда не видела, чтобы моего брата так легко побеждали в бою, но Гэв - какой-то эксперт по боевым искусствам или что-то в этом роде. Он танцевал вокруг моего брата, как будто тот совершенно неопытен, но Массимо всегда был хорошим бойцом. По лицу брата течет кровь, так что я почти уверена, что Гэв сломал ему нос.
— Гаврил, пожалуйста, не надо, - умоляю я.
Пусть Массимо пытается заставить меня выйти замуж за человека, которого я никогда не смогу полюбить, поскольку влюблена в другого, но я никогда не пожелаю ему смерти. Я люблю своего брата, несмотря ни на что.
Гэв смотрит на меня с безумием, которое пугает меня, пока я приближаюсь к нему.
— Он мой брат. Я не могу его потерять.
Он скалит зубы, как зверь.
— Этот сукин сын пытался разлучить нас.
Я кладу руку ему на плечо, пытаясь достучаться до него.

— Да, но он - моя семья. Моя кровь. - Тогда приходит осознание, что Гаврил не может этого понять, потому что у него нет семьи, как у меня. — Я не прощу тебя, если ты причинишь ему вред.
Массимо сплевывает кровь.
— Оставь это, Камилла. Он психопат. И это тот мужчина, с которым ты хочешь быть?
Моя грудь сжимается, когда я бросаю взгляд между ними.
— Он не психопат. Он мужчина, которого я люблю, и тебе придется смириться с этим.
Гэв напрягается от признания, что я люблю его, и я хотела сказать ему об этом совсем не так, но слова просто вырвались.
— Ты знаешь правила с самого детства, Камилла. - Массимо выпрямляется, кровь все еще течет из носа. — Выйти замуж за мужчину по своему выбору никогда не было для тебя возможным.
Гэв сильнее прижимает пистолет к его голове.
— Сделай это возможным, урод.
Я дергаю его за свитер.
— Давайте все успокоимся и обсудим это как взрослые люди.
Его красивые карие глаза горят целеустремленностью, которой я никогда раньше не видела.
— Это не обсуждается. Он отменит твою свадьбу и объявит, что мы вместе. Всё просто.
У меня такое чувство, что мое сердце сейчас разорвется, потому что я никогда не верила, что Гэв захочет быть со мной надолго.
— Ты уверен?
Он кивает, оглядываясь на Массимо.
— Так что ты скажешь, Морроне?
Лео на взводе, его палец лежит на спусковом крючке пистолета, а рука дрожит.

— Не поддавайся ему. Я пристрелю его.
— Если ты выстрелишь в меня, твой брат умрет раньше, чем твоя пуля попадет в меня. - Гаврил даже не смотрит на Лео. — И я уверен, что смогу уклониться от твоей пули. - Он бросает на него быстрый взгляд. — Тогда ты станешь доном. Ты готов к этому, Лео?
Горло Лео подрагивает, пока взгляд мечется между Гэвом и Массимо, а затем он опускает пистолет.
— Черт.
Он ни за что не готов взять на себя ответственность, но мне интересно, действительно ли Гэв убил бы моего брата после того, как я умоляла его не делать этого.
— Итак, что ты скажешь, Массимо?
Массимо смотрит на него с такой ненавистью, которой я еще не видела в его глазах.
— Я скажу, что ты гребаный урод. - Он кивает. — Но я отменю свадьбу.
— Хорошо. - Он сует свободную руку в карман, не сводя глаз с моего брата. — Мне нужно, чтобы ты подписал этот юридически обязывающий договор.
Рот Массимо приоткрывается, когда он смотрит на контракт.
— Ты действительно всё предусмотрел, да?
— Я не любитель.
— Ты учитель. Кем ты раньше был?
Гаврил пожимает плечами.
— Это тебя не касается.
Массимо выхватывает договор и подходит к прогнившему деревянному столу.
— Ручка есть?
Гэв достает ручку из кармана и бросает Массимо, чтобы тот поймал.
После нескольких минут молчания Массимо заканчивает читать и качает головой.

— Ты очень умный сукин сын, Ниткин. Отдаю тебе должное.
Мне интересно, что написано в контракте, но решаю промолчать прямо сейчас. Напряжение, наконец, спадает.
Массимо подписывает контракт и возвращается, чтобы встать перед Гаврилом, тыча ему в грудь бумажки.
— Ты получил то, что хотел. А теперь опусти гребаный пистолет.
Он просматривает договор, чтобы убедиться, что мой брат действительно всё подписал, а затем кивает, опускает пистолет и убирает его в кобуру, прикрепленную к поясу.
— Теперь мы уезжаем в Мэн.
Массимо кивает.
— Если ты обидишь мою сестру, я лично выслежу тебя и убью. Ты понял?
Гаврил ухмыляется, обнажая зубы.
— Хотел бы я посмотреть, как ты пробуешь.
Кулаки брата сжимаются, и я гадаю, не начнется ли снова драка.
— Но тебе не стоит беспокоиться о том, что я причиню боль Камилле. - Его глаза сужаются. — Теперь я - ее защитник.
От этого заявления у меня по спине пробегает дрожь.
— Я разорву на части любого, кто сделает ей больно, поэтому я не буду одним из них, - говорит Гэв.
Я подхожу к Массимо.
— Мне жаль, что до этого дошло.
Он кивает.
— Мне тоже, сестренка.
Я тяжело сглатываю.
— Я не хочу, чтобы это встало между нами.
Выражение его лица становится жестче.

— Прости, Камилла, но произошедшее не может не встать между нами.
Мучительная боль сжимает моё сердце.
— Что ты хочешь сказать?
— По крайней мере, какое-то время тебе придется держаться на расстоянии.
— Ты что выгоняешь меня из семьи из-за этого?
— Отец будет недоволен. - Он прикладывает руку ко лбу. — Сначала Миа, а теперь ты. По крайней мере, пара Мии была респектабельной. - Он бросает взгляд на Гаврила. — Не гребаный профессор.
Гаврил рычит.
— Осторожнее, Морроне.
Массимо выпрямляется, высоко держит голову и смотрит на Лео.
— Давай убираться отсюда к чертовой матери.
Лео кивает, кидая Массимо его куртку, которую тот натягивает на плечи. Бросив последний взгляд в мою сторону и слегка покачав головой, он поворачивается, чтобы покинуть склад, Лео следует за ним. Остальные мужчины выходят вслед за ними, некоторые из них ковыляют с тяжелыми травмами и кровью на одежде, но, как ни странно, все из них живы.
Как только все уходят, Гаврил поворачивается ко мне лицом.
— Всё еще хочешь меня?
Это хороший вопрос, потому что то, чему я стала свидетелем, было настоящим безумием, но почему-то я хочу его еще больше. Все это Гаврил сделал для меня, и пусть он не в состоянии выразить свои чувства словами, вместо этого он просто продемонстрировал их действиями.
— Конечно.
Он жестом приглашает меня подойти, и я бросаюсь в его объятия, крепко сжимая его.

Страха, который я испытала при мысли о том, что могу потерять его, было достаточно, чтобы вырвать мое сердце из груди.
— Я серьезно, - тихо бормочу, уткнувшись лицом ему в грудь.
— Что?
— Я люблю тебя, Гаврил.
Я прижимаюсь сильнее и вытягиваю шею, чтобы посмотреть ему в лицо.
Его глаза блестят от эмоций, горло подергивается.
— Я-я…
Я качаю головой.
— Ничего не говори. Тебе и не нужно.
Он прерывисто вздыхает.
— Ты делаешь меня лучше, Камилла.
— Не уверена, что это правда. Ты только что чуть не совершил массовое убийство из-за меня.
В его глазах застыло затравленное выражение, и я задаюсь вопросом, какие ужасные деяния таятся в его прошлом. Отчасти мне любопытно, но я знаю, что лучше не зацикливаться на том, что было.
Все, что имеет значение, - это наше будущее.
Каким-то образом мы преодолели все трудности, и Массимо согласился принять наши отношения.
Мне больно, что Массимо практически отвернулся от меня, но жизнь в несчастливом браке с незнакомцем разорвала бы меня в клочья, особенно когда мое сердце уже занято.
— Эмоции и их выражение не являются для меня чем-то естественным, но я хочу, чтобы ты знала: я готов отдать тебе всего себя. Каждая частица принадлежит тебе, Камилла.
Слезы застилают глаза, и я поднимаюсь на цыпочки и целую его, осознавая, что никогда не чувствовала себя

такой счастливой, несмотря на те разрушения, которые вызвала наша любовь.
Миа будет в восторге, когда узнает, что мне не придется выходить замуж за Алехандро.
— Могу я одолжить твой телефон?
Он хмурит брови, но без вопросов передает мне свой мобильник.
Я набираю номер Мии, и он звонит два раза, прежде чем она берет трубку.
— Алло?
— Миа, это я!
— Камилла. Боже мой, ты в порядке?
— Да, Гаврил похитил меня, чтобы заставить Массимо отменить свадьбу.
На другом конце провода повисает тишина, прежде чем она говорит:
— Это безумие, но в некотором роде романтично.
Я смеюсь.
— Да, и это сработало, но я думаю, что меня выгнали из семьи.
— Но не для меня. - На другом конце провода слышится какой-то шорох. — С Сандро все в порядке. Это была поверхностная рана.
— Я знаю, - отвечаю, бросая взгляд на Гаврила.
— Откуда?
— Он сказал мне, что позаботился о том, чтобы рана не была смертельной.
Она вздыхает.
— И что теперь?
— Хороший вопрос, - говорю, накручивая прядь волос на палец. — Честно говоря, я пока не знаю.
— Что ж, держи меня в курсе. Я в больнице с Сандро, но ты можешь звонить мне в любое время. В конце концов, я теперь Каллахан, а не Морроне.

Я с трудом сглатываю, надеясь, что то, что произошло, не встанет между нами.
— Хорошо. Я позвоню тебе в ближайшее время.
— Надеюсь, так и сделаешь. Мне нужно идти.
Она отменяет звонок.
— Все в порядке? - Спрашивает Гэв.
Я киваю.
— Да. - Возвращаюсь к нему и вкладываю ему в руку мобильный. — Я хотела рассказать Мии о произошедшем.
— Ладно.
Он убирает телефон в карман спортивных штанов. Удивительно, насколько сексуально он выглядит в повседневной одежде. Я так привыкла видеть его в костюме.
— Мне нравится, как ты выглядишь.
Он хмурит брови.
— Не дразнись, Камилла.
— Я серьезно. - Я кладу руку ему на грудь. — Не хотите потренировать меня, сэр?
Он рычит, хватает меня за руку и разворачивает так, что моя спина прижимается к его твердой груди.
— Это то, чего ты хочешь? - спрашивает он, приблизив губы к моему уху.
Я покачиваю бедрами, вдавливая попку в его твердый член.
— Я хочу тебя.
Кусая меня за плечо, он проводит пальцами между моих бедер и стонет, когда обнаруживает, насколько я сейчас мокрая.
Безумные события, которые только что произошли, не смогли погасить огонь желания. Он более настойчив, чем пламя ада.
Гаврил разворачивает меня обратно, одним плавным движением отрывает от земли, подносит к стене и с

силой впечатывает в неё мою спину.
— Ты нужна мне прямо сейчас.
Разрывая мои трусики, он расстегивает штаны и в отчаянном порыве освобождает свой член. А затем входит в меня.
Его неудержимость заставляет меня задыхаться. Глаза остекленели от желания, и это одновременно пугает и возбуждает меня.
— Такое чувство, что последние пять дней я умирал без твоей божественной киски.
Я стону, откинув голову на холодную металлическую стену позади меня.
— Трахни меня, хозяин.
Он так сильно кусает меня за ключицу, что пускает кровь и я вскрикиваю.
— Вот и все. Кричи для меня, пока я буду поглощать тебя. - Он облизывает порез, который нанес. — Все-таки тебя опустошает монстр.
Я делаю глубокий вдох.
— И мне это чертовски нравится.
Он гортанно стонет, входя и выходя из меня более жесткими ударами. Его мышцы напрягаются, когда он прижимает меня к стене.
— Блядь! - кричу я, мысли в голове превращаются в беспорядочную мешанину, а потом всё стихает.
Его мощные руки поднимают и опускают меня на член, пока он трахает меня, как животное. Больше никаких игр, только чистое желание.
— Трахни меня сильнее, хозяин.
Он рычит, отрывает меня от стены и несет к старому промышленному столу, усаживая на край.
— Осторожнее со своими желаниями.
А потом он превращается в зверя, которого я люблю, набрасываясь на меня так, словно пытается разорвать пополам.

Глаза Гаврила расширены настолько, что в них почти не осталось карего оттенка, что придает ему потусторонний вид.
Продолжая неистово вбиваться в меня, он с силой впивается зубами в мое плечо.
— Я никогда не смогу насытиться тобой, - дышит он. А затем кусает сильнее, так, чтобы потекла кровь. — Мой аппетит к тебе никогда не будет утолен. Я хочу тебя так сильно, что мне нужно поглотить тебя всеми возможными способами.
Я крепко хватаю его за волосы, и он не останавливает меня.
— Тогда сделай это. Я справлюсь со всем, что ты мне дашь.
— Блядь, - рычит он, входя в меня с еще большей силой, чем я считала возможным. Любой контроль, который у него был, ослабевает, и он становится безжалостным.
— Сильнее, - подначиваю я.
Глаза Гаврила вспыхивают садистским восторгом, когда я изгибаюсь и разбиваюсь для него.
— Не искушай меня.
— Не сдерживайся.
Он кивает, а затем вырывается и заставляет меня опуститься на четвереньки на пыльную подстилку на полу.
— Не двигайся.
Я оглядываюсь через плечо и вижу, что он приседает на корточки позади меня, его член находится у моего входа. А потом он наваливается всем своим весом и врезается в меня.
Тихий крик срывается с моих губ, когда из-за этой позы он проникает так глубоко, что я чувствую, как он упирается в шейку матки. Сейчас я не знаю, где начинается он и заканчиваюсь я, и хочу остаться так навсегда.

— Не останавливайся, - тяжело дышу я.
Он стонет, а затем трахает меня вот так, каждый толчок болезненный и в то же время великолепный.
— Черт, кажется, я сейчас...
Я чувствую, как руки Гаврила сжимают мое горло, и он душит меня, что только сильнее толкает меня через край.
— Кончай на член своего хозяина, как маленькая грязная шлюха, любящая боль, - рычит он.
Каждый мускул в моем теле сокращается от силы оргазма, и я даже не могу осознать, какие звуки издаю, когда достигаю кульминации.
Мое зрение затуманивается и усеивается звездами из-за смеси кислородного голодания и такого сильного оргазма, что кажется, будто на несколько мгновений он отрывает мою душу от тела.
— Черт, - рычит он, выпуская свою сперму глубоко внутри меня. Мы остаемся в таком состоянии неизмеримое количество времени, пока, наконец, оба не находим в себе силы оторваться друг от друга.
Как только он выходит из меня, у меня возникает непреодолимая потребность снова прижаться к нему, и, похоже, он чувствует то же самое, потому что присоединяется ко мне на пыльной простыне, обнимая одной рукой. Мы не произносим ни слова, купаясь в блаженстве пост-оргазма, умиротворенные обществом друг друга.

Глава 35

Гаврил

Сидя в передней части главного зала, я терпеливо жду, когда она появится. Обычно церемонии вручения дипломов – это обуза, которой я стараюсь избежать, но впервые мне не хочется выцарапать себе глаза.
В конце концов, я - единственная поддержка, которая у нее есть здесь в этот день. Несмотря на то, что она разослала приглашения своей семье в качестве оливковой ветви, никто из них не пришел, даже Миа, ее сестра. Я подозреваю, что Массимо не передал ей приглашение, и именно поэтому ее здесь нет.
— Простите меня, простите. Извините. - Я поднимаю взгляд и вижу, как Миа протискивается на место рядом со мной, за ней неохотно следует Киллиан. — Гаврил, я ведь не пропустила её выход, да?
— Тише, - кричит кто-то, пока она опускается на сиденье рядом со мной, а Киллиан занимает место по другую сторону от нее.
— О, заткнись! - кричит она в ответ.
Я улыбаюсь, благодарный за то, что она сделала это ради Камиллы. Хотя Камилла не озвучивала этого, я знаю, что ей больно от того, что семья вычеркнула её.
— Она еще не поднималась.
Миа вздыхает с облегчением.
— Спасибо, черт возьми. Сегодня утром у нашего мотеля были просто немыслимые пробки. - Она бросает взгляд на Киллиана. — И кто-то не вставал с постели, когда я ему говорила.

Он ворчит, глядя на меня.
— Все в порядке, профессор?
— Отлично, спасибо.
Странно видеть студентов, которые выпустились много лет назад. Киллиан учился в первом выпускном классе, где я преподавал, так что я не особо с ним познакомился.
Шесть лет в академии пролетели так быстро, но ни один год не был таким насыщенным, как этот. Ни один год не был так важен, как этот, потому что наконец-то с моих плечей был снят груз.
Камилла сняла этот груз, освободила меня от бремени, которое, как мне казалось, я буду нести вечно.
— Как ты думаешь, сколько времени пройдет, прежде чем она встанет? - Спрашивает Миа, наклоняясь ко мне.
Я вздыхаю.
— Ну, в данный момент они на Л. Фамилии расположены в алфавитном порядке, так что её объявят с минуты на минуту.
Миа выпрямляется и ерзает на стуле, наклоняясь к Киллиану.
— Она встанет с минуты на минуту.
Киллиан выглядит так, будто хочет быть где угодно, только не здесь прямо сейчас. Приглашенный спикер объявляет ее имя, и я чувствую, как мое сердце на мгновение перестает биться. А потом, когда она появляется, биение возобновляется, сильнее и быстрее, чем раньше.
Это безумие, какой эффект может произвести на меня один человек. Я всегда хотел быть сам по себе, волком-одиночкой на всю жизнь, пока она не ворвалась в мой мир, как астероид, падающий из космоса.
Я всю жизнь был циником в отношении любви и эмоций, но факт в том, что я действительно люблю Камиллу. Я

еще не сказал ей этих трех слов, потому что каждый раз, когда пытаюсь это сделать, я замираю.
Я сильно хлопаю Камилле, когда она берет свой диплом и с улыбкой поворачивается к толпе.
Ее глаза находят мои среди сотен других глаз, устремленных на нее, как будто их притягивает ко мне магнитом.
Миа кричит:
— Вперед, Камилла!
Камилла смеется, закатывая глаза, и уходит со сцены.
Я слежу за ней, пока она садится с другой стороны, желая, чтобы церемония поскорее закончилась, и я мог подойти к ней.
— Она хорошо справилась, правда? - Спрашивает Миа.
Я киваю, не в силах отвести от нее глаз.
Миа тычет пальцем мне в ребра, заставляя посмотреть на нее.
— Позаботься о ней, слышишь меня?
Я улыбаюсь ее поведению старшей сестры.
— Конечно.
— Хорошо, потому что у меня только одна сестра, и я ее очень люблю, так что, если с ней что-нибудь случится, я натравлю на тебя волков.
Я поднимаю руки вверх в знак капитуляции.
— Она в надежных руках. Я сделаю всё, чтобы она была в безопасности.
Миа удовлетворенно кивает и вежливо наблюдает за остальной частью церемонии в тишине.
Следующие пятнадцать минут - самые долгие в моей жизни, пока я наблюдаю за Камиллой издалека.
Все, чего я хочу, - это быть рядом с ней, как будто невидимая сила пытается притянуть нас друг к другу.
Наконец, спикер объявляет об окончании церемонии, и я поднимаюсь на ноги.
— Я собираюсь пойти и найти ее.

Миа кивает.
— Хорошо, приведи ее сюда.
Я не отвечаю и иду в сторону входа в зал, где сидела Камилла.
Когда нахожу ее, она стоит небольшой группой со своими лучшими подругами, Натальей, Адрианной и Евой, а также Элиасом, и я подхожу к ним.
Ее губы сжаты, так как она пообещала, что расскажет им о нас сегодня.
— Ребята, я должна вам кое-что сказать.
Я подхожу к ней сбоку, скольжу рукой по спине и нежно кладу ладонь ей на бедро.
— В самом деле, мисс Морроне?
Ева и Наталья таращатся на нас, но Адрианна не выглядит слишком удивленной. Я подозреваю, что Арч рассказал ей.
— Что, черт возьми, происходит, Камилла?
Она пожимает плечами.
— Мы с Гаврилом встречаемся.
— С каких это пор? - Спрашивает Ева.
Я удивлен, что Оак не сказал ей об этом, хотя взял с него клятву хранить тайну.
— С зимних каникул, - говорю я, сжимая ее бедро.
— Ни за что! Ты была с Ниткиным и не говорила нам все это время? - Спрашивает Наталья, сужая глаза.
Камилла выпрямляется.
— Давай начистоту, ты была довольно категорична, когда я пошутила насчет того, чтобы приударить за Гэвом.
— Гэвом? - Адрианна спрашивает, ухмыляясь.
Камилла толкает ее в плечо.
— Не будь задницей.
— Так вот почему ты не хотела плавать весь год? Потому что была слишком занята с профессором?
Щеки Камиллы становятся темно-красными.

— Возможно.
Элиас качает головой.
— Что такое с этим годом? Это же полное безумие. Сначала Ева выходит замуж за директора Бирна, а теперь Ниткин встречается со студенткой?
— К чему ты клонишь, Моралес? - спрашиваю я.
Его щеки немного бледнеют, и мне приятно, что я все еще способен напугать его, даже сейчас, когда он окончил школу.
— Ни к чему. Это просто чертовски странно.
— Очень красноречиво. - Я оглядываю студентов одного за другим. — Итак, какие у вас планы теперь, когда вы свободны от этого места?
Наталья придвигается ближе к Элиасу.
— Мы собираемся пожениться летом в Мексике.
Элиас смотрит на Наталью с неподдельным обожанием.
— Всё верно, ты станешь миссис Моралес.
Наталья встречается со мной взглядом.
— Вы должны пойти с Камиллой в качестве ее спутника.
Я прочищаю горло.
— Посмотрим.
Камилла неловко переминается с ноги на ногу.
— Да, до этого еще далеко.
Ева вздыхает.
— Очевидно, я поеду на Аляску с Оаком. Он купил там дом и хочет провести там лето.
Оак упоминал, что купил дом там, поскольку ему нравится тишина.
— Кажется, ты не слишком этому рада, - говорю я.
Она поджимает губы.
— Я не очень люблю места, где нет четкой смены дня и ночи.
— Ты передумаешь, - я качаю головой. — Там очень красиво.
Камилла смотрит на меня.

— Когда ты был на Аляске?
— Я провел там несколько летних каникул с Оаком.
Приближается Арчер, выглядя более взволнованным, чем я когда-либо видел его.
— Адрианна, можно тебя на пару слов?
— До сих пор не сдался? - острит Наталья.
Адрианна кивает.
— Конечно.
Она следует за ним, и они исчезают из зала. Я понятия не имею, что происходит между ними, поскольку Арч не упоминал о своем срыве после того вечера.
Камилла наклоняется ко мне.
— Ты знаешь, что происходит между этими двумя?
Я качаю головой.
— Нет, он не говорил о ней с той ночи в коттедже.
— О чем вы двое шепчетесь? - Спрашивает Наталья.
Подходит Оак и кладет руку на бедро жены.
— Итак, как мы будем отмечать ваш выпускной, ребята?
Его внимание переключается на мою руку, крепко обнимающую Камиллу за спину.
— На самом деле мы об этом не думали, - говорит Ева, улыбаясь мужу. — Есть предложения?
Внезапно подбегает Миа.
— Что, черт возьми, происходит?
Камилла видит ее, и ее глаза загораются.
— Миа, у тебя получилось! - Она обнимает сестру.
Блядь. Я совсем забыл о том, что ее сестра здесь.
Миа бросает на меня обвиняющий взгляд.
— Ты не сказал ей, что мы здесь?
— Мы? - Спрашивает Камилла, и я замечаю надежду в ее голосе. Миа тоже.
— Черт, извини. Это просто Киллиан.
У Камиллы перехватывает горло, и она кивает.
— Спасибо, что пришли.

— Я бы ни за что на свете не пропустила это.
Киллиан подходит, засунув руки в карманы.
— Поздравляю, Камилла.
Она широко улыбается, – улыбкой, которая способна поджечь меня.
— Спасибо, Киллиан.
Беспричинная вспышка ревности разгорается при виде того, как она улыбается любому другому мужчине, кроме меня, но я гашу ее, потому что это безумие. Это же ее шурин, ради всего святого.
— Итак, поужинаем, а потом выпьем? - Оак предлагает
— Звучит неплохо, - говорит Ева. - Но где?
— Как насчет Вандерс? - Спрашиваю я.
Оак приподнимает бровь.
— Не уверен, что всем понравится русская кухня.
Я прищуриваюсь.
— Почему нет, черт возьми?
Он усмехается.
— Это просто не та стандартная еда, к которой привыкли люди.
Я тяжело вздыхаю.
— Тогда что вы предлагаете?
— Я знаю идеальное место, - говорит Ева.
— Где? - Спрашивает Камила.
— Просто доверьтесь мне, - говорит она.
— Отлично, может мы просто пойдем, потому что я чертовски голоден? - Спрашивает Элиас.
Возвращаются Адрианна и Арчер, оба выглядят немного растрепанными.
— Что здесь происходит? - Спрашивает Арч.
— Мы всей компанией собираемся поужинать и выпить, - говорит Оак, глядя на Арча. — Ты можешь присоединиться.
Арч кивает.
— Звучит заманчиво.

Щеки Адрианны краснеют как только он соглашается, и что-то подсказывает мне, что то, что происходило между ними, еще не совсем закончилось.
— Поехали, - говорит Оак и бросает на меня взгляд. — Ты тоже за рулем?
Я киваю.
— Конечно.
Мы всей группой выходим из зала на улицу, где я и Оак направляемся к своим машинам, а за нами следуют пассажиры. Наталья, Элиас, Киллиан, Миа и Камилла едут со мной, так как мой внедорожник вмещает шестерых. Арч и Адрианна едут вместе в машине Оака.
Я еду в город, следуя за Оаком, и все это время держу руку на бедре Камиллы. Она больше не моя ученица, так что будь я проклят, если не дам понять всем, кто нас увидит, что она принадлежит мне.
Элиас наклоняется вперед.
— Значит, у вас двоих все серьезно?
Я бросаю на него свой самый устрашающий взгляд в зеркало заднего вида, который заставляет его откинуться на спинку сиденья.
— Да, - просто отвечаю.
Камилла расслабляется, как только я это говорю. Меня всё еще забавляет, что она считает, будто я пошел против мафии Морроне ради кого-то, к кому не отношусь серьезно. Комментарий о том, что до свадьбы Натальи и Элиаса еще далеко, она сделала потому, что не хочет предполагать, что к тому времени мы будем вместе, а это чертовски нелепо.
— Кстати, спасибо за приглашение на свадьбу. Я буду там.
Говоря это, я сжимаю бедро Камиллы, и мягкая улыбка появляется на ее губах.
— Здорово! - говорит Наталья, и это звучит искренне.

— Да, здорово, - добавляет Элиас, сарказм сочится из его тона.
Я замечаю, как Наталья толкает его локтем под ребра.
Миа и Киллиан сидят в самом хвосте внедорожника и ведут себя странно тихо. Я чувствую, что, возможно, Киллиан пользуется тем коротким промежутком уединения, который у них есть.
Оак заезжает на парковку новой закусочной со шведским столом, которая открылась около двух месяцев назад на окраине города под названием «Космо». Предполагается, что здесь подают все, - от азиатской до мексиканской еды. В этом есть смысл. Ева предложила это заведение, поскольку здесь найдется что-нибудь для каждого.
Наталья выпрямляется на своем сиденье, выглядывая в окно.
— Я хотела наведаться сюда с тех пор, как они открылись.
Я паркуюсь рядом с Оаком, и все выпрыгивают. Камилла тоже уже на полпути, но я хватаю ее за руку и дергаю обратно на сиденье.
— Не так быстро, *malishka*. Я еще не отдал тебе твой подарок.
Ее брови поднимаются.
— Подарок?
— Сегодня твой выпускной, и я хотел подарить тебе что-то особенное.
Я достаю из кармана продолговатую коробку и протягиваю ей.
Ее глаза мгновенно наполняются непролитыми слезами, хотя она еще не открыла её.
— Тебе не нужно было ничего мне дарить.
— Открывай, *malishka*.
Она открывает коробку, и обнаруживает бриллиантовое ожерелье-воротник.

— Боже мой, оно прекрасно. - Ее глаза расширяются, когда она смотрит на меня. — Должно быть, стоило целое состояние.
Она еще не знает, что у меня припрятано целое состояние. Мы с братом не уехали из России ни с чем. Это одна из причин, по которой нам понадобилась защита Братвы Сидорова, на случай, если наше прошлое придет за нами.
— Ты стоишь каждого гребаного цента. - Я тянусь к ожерелью и вытаскиваю его. — Могу я?
Она кивает, слеза скатывается из ее глаз и стекает по щеке, когда она приподнимает волосы и поворачивается, чтобы я мог надеть его на неё.
— Я люблю тебя, Гаврил, - шепчет она.
Я притягиваю ее к себе так близко, как только могу, перегибаюсь через центральную консоль и целую. Когда мои губы отрываются от ее губ, бормочу:
— Я тоже тебя люблю.
На её глаза наворачиваются слезы, и, словно открылись шлюзы, она рыдает от моего признания в своих чувствах к ней, но мне кажется, что сейчас самое время рассказать ей об этом. Любовь отсутствовала в моей жизни с тех пор, как я себя помню, но Камилла - единственная, кто может меня исцелить.
Было легко быть самому по себе, но я был на опасном пути столкновения, едва живой. Камилла, приняв монстра, которым я являюсь, помогла мне принять себя. Я бы рискнул всем ради нее. Она - мой мир, и без нее я больше не смогу существовать.

ЭПИЛОГ

Камилла

Год спустя…

Гаврил стоит у штурвала, ориентируясь по морю так, словно был рожден для этого. За последний год я увидела в нём огромные перемены: он постепенно открывался мне, отпуская всю ту обиду и злость, которые таил по отношению к самому себе.

Когда он наконец рассказал мне о том, что натворил перед тем, как Оак нашел его, я не могу отрицать, что была напугана. Он убийца, которому все сошло с рук, но я знаю, что не это определяет его. Прошлое преследует его, и он до сих пор не хочет рассказывать о своей жизни в России до того, как эмигрировал в Торонто вместе с братом.

Я с трудом сглатываю, кладя руку на свой вздувшийся живот. Мы ждем осенью близнецов, а до нее осталось меньше четырех месяцев. Когда я сказала Гаврилу, что беременна, я думаю, его мозг дал осечку от шока. В конце концов, мы только в том месяце решили попробовать, и это произошло мгновенно.

А потом, когда мы сделали первое узи и женщина сказала, что это близнецы, он почти выбежал из палаты. Я видела панику в его глазах, но, похоже, он смирился с перспективой того, что малышей будет двое, а не один.

Он смотрит в ответ и улыбается.
— Как ты себя чувствуешь?
— Счастливой, - говорю я.
— Иди сюда.
Я встаю со скамеечки, на которой сижу, и подхожу к нему. Мое сердце всегда бешено бьется, когда он смотрит на меня так, как смотрит сейчас. Как будто я самая яркая звезда на ночном небе.
Он хватает меня за руку, когда я оказываюсь достаточно близко, и заключает в свои сильные объятия, обхватывая руками мой живот и прижимаясь грудью к моей спине.
— Мы почти на месте.
— Почти где? - Спрашиваю я. Несколько дней назад мы арендовали лодку во Флориде, а сейчас находимся на Карибах.
— Увидишь, - бормочет он, пока мы приближаемся к суше впервые более чем за сутки. Мы направляемся к небольшому острову, который не больше нескольких миль в ширину.
— Где мы? - Спрашиваю я, прислоняясь к нему.
— Багамы. Этот маленький остров необитаем, но на западной стороне есть красивая бухта и пляж.
Я облизываю губы.
— Он частный?
Он целует мою шею, посылая дрожь по позвоночнику.
— Конечно. Сюда невозможно добраться без лодки и хорошо охраняемого секрета.
Внутри меня вспыхивает трепет, и я закрываю глаза, не желая ничего, кроме как почувствовать его внутри себя. Неважно, как долго мы вместе, обжигающий жар нашего желания со временем только усиливается. Чем больше мы узнаем друг друга и то, что движет нами, тем глубже становится эта неразрывная связь.

Гаврил заходит в пустынную бухту, и она выглядит совершенно волшебно.
— Вау, как ты узнал об этом месте?
Он вздыхает.
— Арчер рассказал мне.
Гэв не произвел на меня впечатления мужчины, который мог бы знать о подобных местах. Я почти уверена, что до того, как мы сошлись, романтики не было в его словаре.
Его рука нежно поглаживает мой огромный живот.
— Ты уверена, что хорошо себя чувствуешь?
— Определенно. - Я поворачиваю голову, чтобы поцеловать его. — Пойдем.
Гэв выключает двигатель лодки и, убрав от меня руки, идет к заднему борту, чтобы бросить якорь, а мы могли доплыть до берега. Как только якорь прочно закреплен, он стягивает с себя рубашку, и у меня пересыхает во рту.
Он потрясающе красив, и у меня всегда захватывает дух от него. Мои глаза впитывают каждый изгиб его твердых мышц, обтянутых кожей, покрытой шрамами и татуировками. Кто-то посчитал бы шрамы уродливыми, но они дополняют его красоту и рассказывают историю – историю, которую он пока не готов мне поведать.
— Раздевайся, - приказывает он.
Я прикусываю нижнюю губу и медленно спускаю левую бретельку вниз по руке, прежде чем проделать то же самое с другой стороны, дразня его.
Его глаза темнеют, когда я позволяю ткани платья упасть на пол у моих ног, открывая откровенное красное бикини.
То, как он смотрит на меня, заставляет меня чувствовать себя более желанной, чем когда-либо, даже в моем беременном состоянии.
— Иди сюда. - Он протягивает мне руку.

Я направляюсь к нему, стараясь быть сексуальной и останавливаюсь вне пределов его досягаемости.
— Ты собираешься поглотить меня, хозяин?
Из его горла вырывается мягкое, похожее на волчье, рычание.
— Не искушай меня. Я сказал тебе подойти сюда.
Я наклоняю голову, поджав губы.
— Или что?
Он подходит ближе, и у меня по спине пробегает дрожь.
— Ты ищешь наказания?
Я улыбаюсь ему.
— Возможно.
Он стонет и крепко прижимает меня к себе.
— Ты можешь быть непослушной маленькой проказницей, как только мы окажемся на пляже.
Я облизываю пересохшие губы и киваю.
— Хорошо.
Его рука переплетается с моей и тянет меня к лестнице.
— Я спущусь первым.
Он перепрыгивает через борт и спускается на мелководье внизу, ожидая меня.
Я забираюсь на лестницу и карабкаюсь вниз, от предвкушения меня трясет. Как только я оказываюсь внизу, его руки находят мои бедра и он притягивает меня к себе.
— Я так сильно хочу тебя, мисс Морроне, - шепчет он мне на ухо.
Я вздрагиваю.
— Я хочу тебя еще больше, - бормочу.
— Невозможно. - Он целует меня в шею.
Я обхватываю ногами его талию на мелководье.
— Мы вообще доберемся до пляжа?
Он наклоняет голову.

— Песок раздражает, тебе не кажется? - Его губы опускаются ниже, к моей ключице, благодаря его росту, что он может стоять на этом участке воды. — Гораздо лучше оставаться в воде.
Я тяжело сглатываю.
— Как вам будет угодно, сэр.
Он гортанно стонет, твердость его эрекции давит на мой центр.
— Хорошая девочка.
Я чувствую, как Гэв отодвигает мои трусики, а затем вводит в меня три пальца.
— Такая влажная. Такая готовая.
Он трахает меня пальцами, ведя к вершинам, которых я жажду. С тех пор как я забеременела, стала еще более ненасытной, чем раньше, а я была чертовски ненасытна.
Я раскачиваюсь на его руке, гонясь за своей разрядкой, как наркоманка, ищущая следующую дозу.
Гаврил останавливается и отталкивается от меня, заставляя меня разочарованно хмыкнуть.
— Снимай бикини, сейчас же.
Он отпускает меня и выжидающе смотрит.
Я зацепляю пальцы за пояс бикини и стаскиваю их, швыряя на палубу лодки.
Он делает то же самое, и сквозь прозрачную воду я вижу, что его член тверд и готов взять меня.
— Повернись.
Я подчиняюсь, иду по воде и поворачиваюсь к нему спиной.
Внезапно чувствую, как руки обхватывают мою талию, а его длина прижимается к моему центру. Без предупреждения его член оказывается внутри меня, заполняя меня так, как мне было нужно.
— Блядь, да! - кричу я, когда он прижимает меня спиной к своей груди, мои ноги неестественно зацеплены сзади

вокруг его бедер, пока он вколачивается в меня.
Он легко поддерживает мой вес в воде, пока мы трахаемся в море, как дикари.
— Прими его глубоко в свою милую маленькую киску, как хорошая девочка.
Я стону, наслаждаясь моментом, но жажду большего, – жажду боли.
— Сделай мне больно, сэр.
Он прикусывает мочку моего уха, посылая через меня трепет боли, но этого недостаточно.
— Еще, - подначиваю я.
Он рычит.
— Мы уже говорили об этом, *malishka*.
С тех пор, как мы узнали, что я беременна, он стал более нежным, хотя и не в том смысле, в каком об этом подумало бы большинство людей.
Я стону.
— Я хочу боли.
Он сильно кусает меня за плечо, его зубы погружаются в мою плоть и разрезают кожу.
— Так лучше? Тебе нравится истекать кровью для меня?
— Я люблю это, - выдыхаю, с трудом втягивая в легкие достаточное количество кислорода. — Больше.
— Я знаю, как дать тебе то, чего ты жаждешь, - говорит он, снова покусывая мое ухо.
— Как?
Его член выскальзывает из моей киски, заставляя меня протестующе замычать.
— Это не то, чего я жажду.
Он усмехается и поворачивает меня лицом к себе, в его глазах горит адское пламя.
— Ты будешь хорошей девочкой и позволишь мне трахнуть твою тугую попку?
Я чувствую, как головка его члена упирается в тугое, напряженное кольцо мышц.

Я содрогаюсь, ведь он знает, как сильно я люблю, когда он трахает мою попку. Боль, сопровождающая анальный секс, делает его еще более захватывающим, чем обычный вагинальный.
— Я позволю тебе делать все, что ты захочешь, хозяин.
Не говоря больше ни слова, он с силой подается вперед, прорываясь сквозь тугое кольцо.
Я кричу, но звук заглушается шумом волн вокруг нас.
— Вот так, кричи для меня, - подбадривает он. — Я хочу твоей боли, твоего удовольствия и всего, что между ними.
Его член так глубоко внутри меня, когда он трахает мою задницу, как животное, его дикая сторона всегда выходит на поверхность, когда мы близки, и я не хотела бы, чтобы было по-другому.
Он монстр и чудовище, но он мой, и это все, что имеет значение.
— Такая красивая попка, так чертовски хорошо принимает мой член.
Я стону, когда он трахает меня сильнее, поддерживая в воде. Медленно он выходит из меня, оставляя ощущение пустоты и желания.
— Что ты делаешь? - Протестующе спрашиваю я.
— Терпение, - бормочет он, слегка меняя угол наклона, после чего снова вонзается в меня долгими, медленными и дразнящими движениями, полностью выходя, а затем снова входя с такой же силой.
Я запускаю пальцы в его волосы, дергая их, пока он берет меня так, как мы оба любим.
У меня нет никаких сомнений в том, что мы созданы друг для друга. Две половинки одного целого, которые всегда должны были найти друг друга, даже сквозь пелену тьмы, которая окружала Гаврила.
Было нелегко раскрыть свет, который всё еще существовал внутри него, но как только я это сделала,

все встало на свои места.
— Так чертовски идеально, - ворчит он, его пальцы крепко сжимают мои бедра, когда он двигает меня вверх-вниз навстречу своим ударам. — Потрогай себя, - приказывает он.
Я тяжело сглатываю, глядя в пылающие карие глаза, убираю руку с его шеи и тянусь между нами, потирая свой клитор.
— Хорошая девочка, я хочу, чтобы ты кончила, пока я буду трахать твою тугую попку.
Мои глаза закрываются, когда удовольствие становится почти невыносимым.
— Смотри на меня, - рявкает он.
Я открываю глаза, и удерживаю его взгляд, пока прикасаюсь к себе, подталкивая к краю.
— Остановись, - приказывает он.
Я впиваюсь зубами в нижнюю губу.
— Пожалуйста, сэр.
Он качает головой.
— Еще нет. - Его пальцы перемещаются между нами, и он берет инициативу в свои руки. — Я буду тем, кто заставит тебя кончить, *malishka*.
Я пытаюсь отвлечься от своих мыслей, пока он доставляет мне ни с чем не сравнимое удовольствие, его пальцы танцуют по моему клитору мучительно идеальными движениями.
Это безумие - то, как он умеет играть на мне. Как будто я его инструмент и он знает меня вдоль и поперек.
— Черт возьми, Гаврил, я собираюсь...
Он целует меня, проглатывая мои крики, когда я переступаю через край. Пока посылает меня в небеса каждым своим прикосновением и движением. Все мое тело напрягается от удовольствия, и я содрогаюсь в его объятиях.

Гаврил рычит, когда тоже кончает, наполняя мою задницу спермой. Наши тела всё еще соприкасаются в неистовых толчках. Мы сохраняем молчание, прижавшись друг к другу, пока приходим в себя после взаимных оргазмов.

Ноги Гаврила твердо стоят на песке, он поддерживает нас обоих, обхватывая мои щеки ладонями и заставляя меня смотреть ему в глаза.

— Я люблю тебя, - дышит он и целует меня.

Каждый раз, когда я слышу от него эти три слова, они вырывают у меня дыхание из легких и заставляют сердце болеть, как ничто другое. Он говорит это нечасто, но когда это происходит, я всей душой понимаю, что он имеет в виду глубокий смысл.

— Я тоже тебя люблю, - отвечаю я, кладу голову ему на плечо, и мы остаемся там, прижавшись друг к другу под теплым солнцем, пока нас омывают успокаивающие волны.

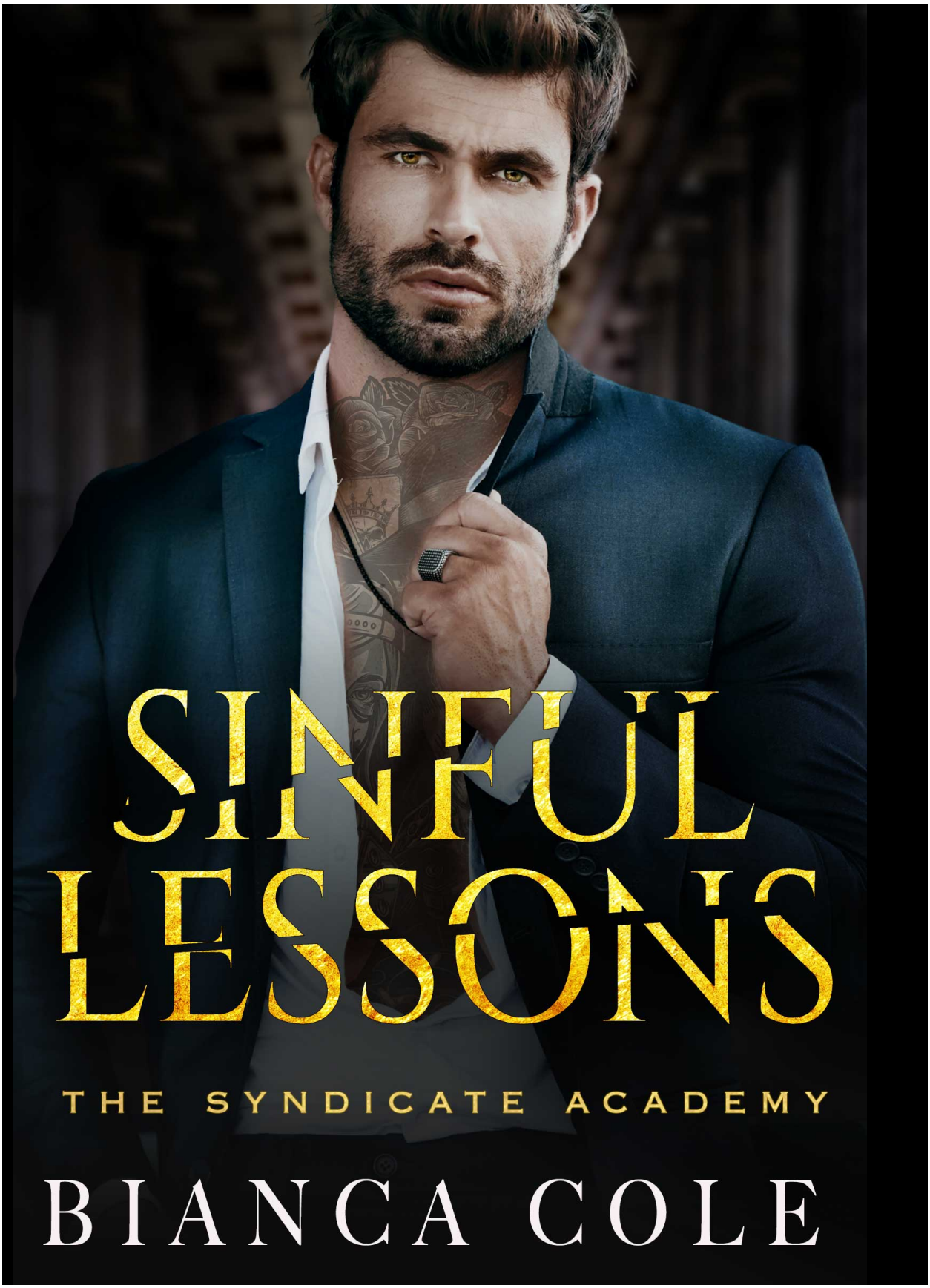
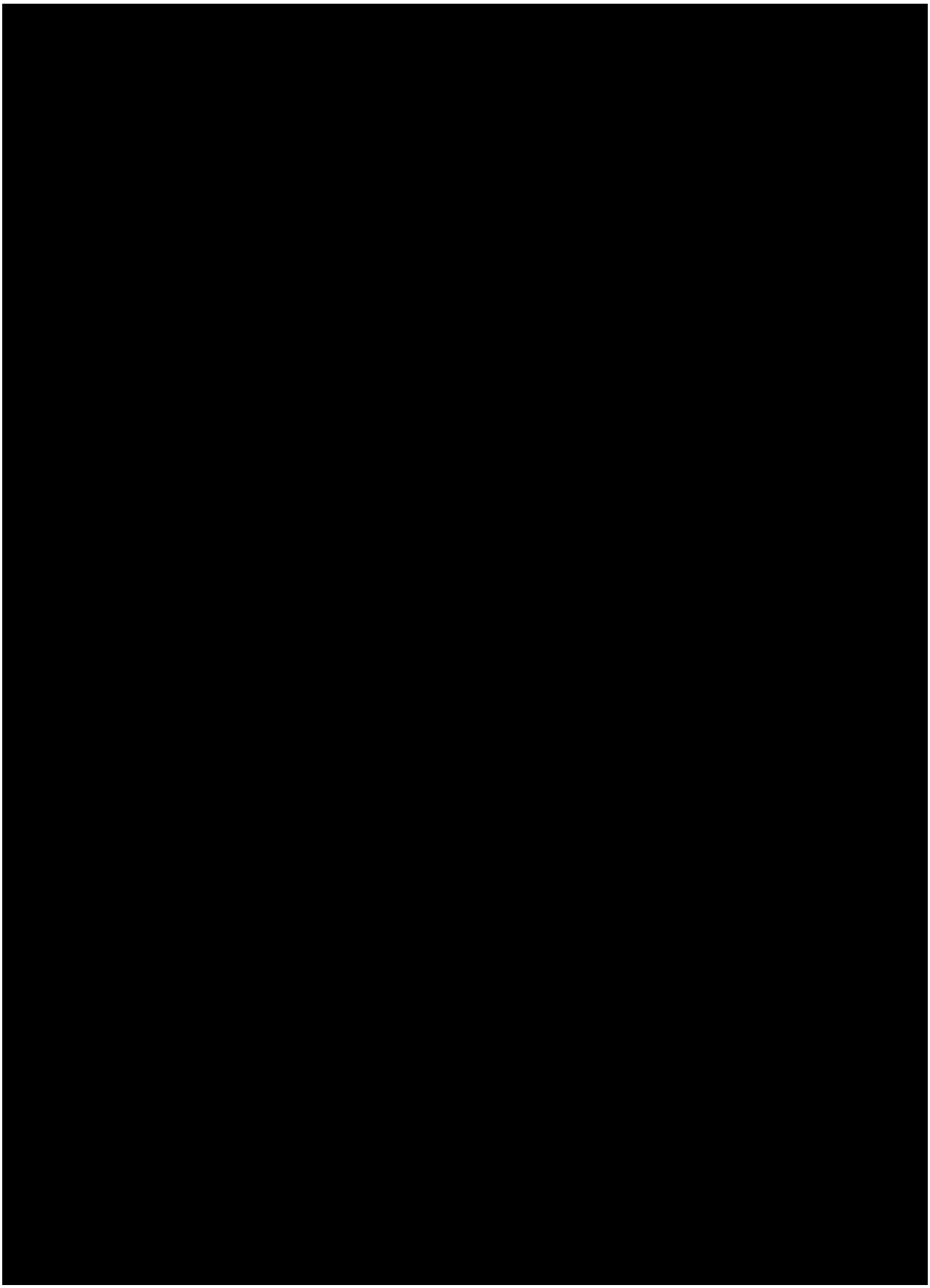
В этот момент я понимаю, что моя жизнь наполнена. Гаврил дает всё, что мне нужно, и я больше никогда ни в чем не буду нуждаться. Он - мой мир, а я - его, и вместе мы можем свернуть горы.

[1] Сексуальная деградация направлена на то, чтобы вызвать сильное чувство смущения, покорности, и унижения у партнера.

[2] Pet-play - форма ролевой игры в БДСМ, где один из партнеров берет на себя роль животного, а второй - его хозяина.

[3] Отказ в БДСМ - психологическая практика, при которой сабмиссива дразнят, соблазнят, но не дают желаемого и запрещают прикасаться к Доминанту.

[4]СДВГ *(Синдром дефицита внимания и гиперактивности)* – это неврологическое поведенческое расстройство, проявляющееся трудностями концентрации и поддержания внимания, чрезмерной двигательной активностью (гиперактивностью) и несдержанностью (импульсивностью).


SINFUL
LESSONS
THE SYNDICATE ACADEMY
BIANCA COLE